

**Альманах
научной
фантастики**

Альманах научной фантастики

Н
Ф

Альманах
научной
фантастики

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЗНАНИЕ»
МОСКВА 1968

Анатолий Днепров

ГОЛУБОЕ ЗАРЕВО

Повесть

ПРОЕКТ „ОМЕГА“

1.

Раздался оглушительный взрыв тяжелой фугасной бомбы. В небо, где под куполами парашютов пылали оранжевые ракеты, взметнулась плотная бушующая глыба. Через несколько секунд на землю обрушился град из комков земли, щепок и битого кирпича. За первым взрывом последовал второй, еще более страшный. Выпущенная на волю тупая ярость вещества безжалостно вырывала из живого тела земли куски, дробила их и развевала раскаленным ветром. Немного выше парашютов, описывая крутые дуги, проплыли два черных гиганта. Их контуры слегка мерцали в зареве пожарища. Бомбардировщики разворачивались, чтобы снова со звериным упорством рвать на части землю под собой.

Два человека, закрыв руками голову, лежали ничком в густой траве у обочины асфальтовой дороги. Когда

Печатается в сокращенном виде.

гул самолетов затих, они вскочили и побежали. Но вот самолеты опять приблизились, в пыльной вышине вспыхнули новые ракеты, и люди упали снова, прижались к земле и прикрыли голову руками... Еще два взрыва один за другим.

Самолеты ушли на разворот. Двое поднялись и побежали вдоль дороги. Один из них остановился.

— Доктор Роберто! Доктор Роберто, скорее!

— Мюллер, я больше не могу,— простонал тот в ответ.— У меня нет больше сил... Скорее бы все это кончилось...

Роберто устало опустился у дороги на траву.

— Доктор Роберто, ради бога, идите! Через несколько минут они снова начнут бомбить!— Мюллер наклонился и начал поднимать его.

— Нет, не стоит, дорогой друг... Я останусь здесь. Пусть будет, что будет... Я уже стар...

— Возьмите себя в руки! Скорее! Слышите, они приближаются!..

Роберто окаменел. Седые волосы развевались на голове, он смотрел туда, где раньше стояло здание... Теперь там с шипением взлетали дымящиеся головешки, трещали охваченные пламенем деревья. Густой оранжевый дым низко стлался по траве и скатывался вниз, к реке.

— Мюллер,— устало произнес он.— Возьмите вот это... Я никуда не пойду. Я не могу...

Он вытащил алюминиевый цилиндр и протянул его.

— Что вы, доктор Роберто! — воскликнул Мюллер и попятился.

— Берите, берите. Вы имеете на это право. Здесь вашего труда больше, чем моего... Я прошу вас об одном. Ради всего святого, что есть на свете, ради вашей матери, ради ваших детей, ради всех честных людей сделайте так, чтобы это не попало в злые руки... Только мы с вами знаем, что это такое.

Мюллер неуверенно взял из рук Роберто цилиндр.

— А теперь идите...

— Без вас я никуда не пойду.

В это время из-за леса выплыла уродливая тень бомбардировщика. Он летел совсем низко. Оба человека припали к земле. Один успел скатиться вниз, в канаву возле дороги, и в этот самый момент раздался еще один

страшный взрыв. Асфальтовое полотно вздыбилось, как черный парус, развернулось и рассыпалось на тысячи кусков. Когда каменный град утих, никто не поднялся...

Самолеты ушли... В небе медленно догорали ракеты. Опушка леса и изуродованная асфальтовая дорога были освещены неровным светом пылающих деревьев. На траве плясали кроваво-красные блики.

Из канавы с трудом выполз человек, это был Мюллер. Пошатываясь, он подошел к тому месту, где несколько минут назад был доктор Роберто.

Ничего... Пусто...

Удивительное существо — человек. На его пути — пламя и смерть, воздух, пронизанный визжащим металлом, у его ног падают сраженные друзья и товарищи, а он все идет, идет...

Сколько шагать по этой испепеленной, изуродованной земле? Можно ли после всего пережитого хранить надежду и ждать светлых дней? Вопреки опыту и самой обыкновенной логике считать, что кровопролитие и разрушения когда-то кончатся и больше не повторятся?

Он сжимал в руках алюминиевый цилиндр с драгоценными бумагами и шел вперед, в темноту, спотыкаясь о груды вывороченного асфальта. Дорога спускалась вниз, к реке, покрытой плотным слоем дыма, который светился во тьме сиреневым светом. Было душно, першило в горле.

Бомбардировщики давно улетели, и вокруг водворилась странная, непривычная тишина. Только сзади время от времени что-то потрескивало, иногда вспыхивали яркие языки пламени. И тогда тень Мюллера плясала на дымной пелене...

Нести это с собой?

Он вспомнил последние слова своего учителя: «Ради всего святого, что есть на земле...»

А есть ли на земле что-нибудь святое?

Он остановился и прислушался. Мертвая тишина. Только плеск воды в реке... Конец войны. Может быть, это и есть самое святое?..

Мюллер круто повернул направо и спустился по откосу вниз. Прямо впереди чернела стена вековых деревьев, тех самых, вдоль которых доктор Роберто и он так часто прогуливались. Может, закопать их там? Нет! В наше время леса недолговечны.

Их безжалостно истребляют, на их месте вырастают города и заводы. Мост! Вот что самое долговечное сейчас.

Он снова взобрался на насыпь и пошел по досчатому настилу, колыхавшемуся на лонтонах. В лицо повеяло сырой прохладой, на середине реки дыма уже не было, и он вздохнул полной грудью.

Рядом был когда-то большой мост. Прямо впереди, на западном берегу, возвышался гранитный бык, за ним — второй.

Несмотря на весеннюю теплую погоду, песок под камнем хранил зимний холод, и чем глубже Мюллер копал, тем холоднее становилось руке. Только бы никто не увидел.

Наконец он коснулся гранита раненым плечом и вытащил из ямы окоченевшую руку. Затем он спустил туда алюминиевый цилиндр и медленно засыпал его сырым песком. Сверху положил булыжник и несколько раз притопнул его ногой.

Конец. Конец всему этому. Никогда этого не будет!..

Он быстро зашагал на запад, не зная, что это только начало.

2.

Полковник Семвол обосновался в старинном замке. Здесь все дышало средневековьем: остроконечные купола башен, серые, поросшие мхом и изъеденные дождями и встрами каменные стены с едва заметными барельефами геральдических гербов, засыпанный мусором ров, причудливые арочные мосты, которые давным-давно не разводились.

В замке было грязно, пусто и гулко. Но кабинет полковника, расположенный в одной из опочивален бывшего владельца, представлял собой контраст всему, что было вокруг.

На необъятном письменном столе выстроилось несколько телефонов. Они связывали полковника практически с любым значительным местом на земном шаре. Два вентилятора медленно качали прозрачными мордами, направляя шуршащие потоки прохладного воздуха к креслу. Слева от кресла, в футляре из пластической

массы, стоял аппарат, при помощи которого полковник мог разговаривать с любым военным штабом. Здесь же, на стойке, непрерывно шелкал телетайп. Из узкой щели торопливо выползала бесконечная бумажная лента с буквами и цифрами. Буквы и цифры сообщали, что происходит в мире.

Полковник Семвол, высокий худощавый мужчина, с желтоватым, гладко выбритым лицом был одет в светло-серый гражданский костюм. В течение получаса он внимательно читал ленту телетайпа, а затем, перекинув ее на приемный барабан, откинулся в кресле и задумался.

Да, все идет так, как и следовало ожидать. В мире ликуют толпы радостных людей, позавчера был подписан документ об окончании войны, на банкетах все произносили тосты за вечный мир, клялись в вечной дружбе и любви, а сегодня... А сегодня уже началась возня вокруг трофейного оружия, начали поступать приказы и указания о консервации танков, самолетов, артиллерии, о сохранении их в полной боевой готовности. Кто-то настойчиво требовал технические данные о трофейных самолетах-снарядах, об исследованиях какой-то тяжелой воды, о научно-исследовательских институтах и лабораториях, где изучают атомы...

Инструкции предписывали собирать и хранить как величайшую ценность книги, рукописи, чертежи, тетради, записные книжки и даже просто бумажки с записями и формулами, найденными в лабораториях.

Но существенно было другое.

«Ученые,— говорилось в одном секретном письме,— являются для нас важным трофеем войны. Этот трофей имеет большее значение для нашего будущего процветания, чем все материальные ценности, на которые мы имеем право».

Далее в письме подчеркивалось:

«Из ученых нам необходимы прежде всего те, которые работали над исследованием атомного ядра. По имеющимся у нас данным, наиболее далеко идущие результаты в этой области были получены доктором Роберто и его сотрудниками Хейнсом, Мюллером и Родштейном. Все они работали в Отдельной лаборатории в районе Зондерштадта. Эти ученые должны быть интернированы вместе со всеми документами, оборудованием и аппаратурой».

Вспомнив это предписание, полковник Семвол глубоко вздохнул. Этого-то как раз и не удалось выполнить... Что он мог сделать?

После консультации с командованием он получил приказ: «Отдельную лабораторию стереть с лица земли... Поиски названных ученых продолжать».

Полковник открыл ящик стола и извлек несколько аэрофотоснимков с лакированной поверхностью. Он еще раз просмотрел их: вверх, прямо на него, вздымались клубы дыма и языки пламени. Горел лес и упрятанные в нем здания и постройки. Вторая фотография. Пожар утнх. Там, где была лаборатория,— рыхлое серое пятно. Вот еще одна. На месте серого пятна — огромные, как кратеры потухших вулканов, воронки.

Нужно разыскивать людей. Конечно, они бежали. Но куда?

Полковник поднялся с кресла и щелкнул кнопкой микрофона.

— Комендатуру в Зондерштадте,— сказал он, и тотчас послышался громкий ответ:

— Комендант Зондерштадта майор Инзер слушает.

— Кто у вас там занимается беженцами? Мне нужны данные о лицах, прибывающих в ваш район...

— Кто конкретно интересуется вас, сэр?

— Запишите. Доктор Роберто, доктора Мюллер, Хейнс, Родштейн, вообще все люди, которые работали в Отдельной лаборатории.

— Я наведу справки и сообщу вам.

Семвол переключил аппарат.

— Начальника управления по перемещенным лицам.

— Слушаю вас,— раздался голос.

— Как у тебя обстоит дело по сбору длинноволосых, Сенди?

— Штук семьдесят уже набрал. Большинство из них изучают историю, литературу, искусство, музыку, философию.

— Ну, это не то, Сенди, это нам не годится. Пусть остаются философствовать здесь. Нам нужны физики, математики, химики, инженеры. Собирай этот товар. Запиши такие фамилии: доктор Роберто, доктор Хейнс, доктор Родштейн и доктор Мюллер. Если попадутся, немедленно отправляй ко мне. Не забывай самого главного: нам нужны специалисты по ядерной физике.

— Слушаюсь.

Полковник Семвол вышел из-за стола и несколько раз прошелся по кабинету. Подойдя к двери, он нажал едва заметную кнопку, и в комнату вошла миловидная девушка. В ней не чувствовалось ничего военного. Слегка накрашенные губы делали ее более взрослой, чем она в действительности была. Ее большие зеленые глаза выражали вопрос.

— Лиз, вам придется переодеться,— сказал полковник, окинув ее добродушно-насмешливым взглядом.

— Как, господин полковник? — удивленно спросила девушка.

— Я надеюсь, вы не забыли захватить с собой гражданское платье? С сегодняшнего дня вам придется с военной формой расстаться. К нам скоро начнут прибывать почтенные ученые мужи, и мы не должны пугать их своим воинским видом. Особенно вы,— добавил он весело.

— Что вы, полковник, какой у меня воинский вид! — воскликнула Лиз.— Но если так нужно, я немедленно переоденусь.

Лиз повернулась и хотела выйти.

— Кстати, вы получаете письма от отца?

— Да, только вчера.

— И что он пишет?

— Он заранее вас и меня поздравляет с окончанием войны. Заранее потому, что когда он писал это письмо, война еще продолжалась. И еще он сообщил интересную новость. Его приглашают куда-то на работу... Куда — он еще сам не знает. Но приглашение он получил лично от президента фирмы «Сиенция», от самого господина Саккоро.

— Ого! — воскликнул Семвол, которому давным-давно было известно все, что говорила Лиз.— Саккоро кое-что да значит.

«Саккоро кое-что да значит»,— повторил он мысленно. Недаром он, полковник Семвол, и майор Сулло и многие другие офицеры, которых после войны ожидала отставка, позаботились заранее связать свою судьбу с этим могущественным человеком. Саккоро — это куда надежнее, чем официальная военная служба, да еще когда война кончается...

— Да. Вот, собственно, и все новости. Отец благода-

рит вас за то, что вы таким чудесным образом дали мне возможность посмотреть Европу.

При этих словах девушка смущенно посмотрела на свою военную форму. В ней-то и заключался «способ посмотреть Европу».

— Ну, и понравилась вам Европа?

— Да... Но мне так жалко этих людей, которые перенесли ужасную войну. Я видела столько разрушений и столько несчастия... Я просто не понимаю, почему люди могут быть так жестоки друг к другу?

— Вы еще очень молоды, Лиз,— сказал полковник, положив руку ей на плечо.— Когда вы повзрослеете, все будет казаться вам значительно проще. Вы тогда поймете, что войны были, есть и будут, пока на земле существуют люди, говорящие на разных языках и думающие по-разному.

— Но разве войны возникают только поэтому?

— Есть и другие причины, но об этом как-нибудь в другой раз. А сейчас, Лиз, идите переодевайтесь.

Когда девушка вышла, в аппарате что-то шелкнуло и раздался торопливый голос:

— Господин полковник, докладывает комендант Зондерштадта.

— Так, так,— сказал Семвол, быстро подходя к столу.

— Названные вами люди: Хейнс, Родштейн и Мюллер у нас в комендатуре.

— Хорошо! Чудесно! — воскликнул Семвол.— А доктор Роберто?

— Его нет. Мюллер утверждает, что он был убит во время взрыва фугасной бомбы. Он говорит, нашей бомбой, полковник.

— Убит? — громко переспросил Семвол.

— Мюллер говорит — убит.

— Гм-м-м,— промычал Семвол, теребя подбородок.— С этими людьми что-нибудь есть: книги, чертежи, записи?

— Нет, ничего. Они говорят, все погибло при бомбежке.

— Хорошо, Инзер. Организуйте для них транспорт и высылайте ко мне. Под охраной.

— Может быть, покормить и оказать кое-какую помощь? Мюллер ранен.

— Нет, не надо. Это будет сделано здесь.

«Человеку не нужно давать опомниться. Пусть он голоден, раздет, болен или ранен. Никакого сострадания. Только тогда победа будет полной», — вспомнил полковник Семвол слова одного из своих наставников в военной академии.

3.

Автомобиль с учеными прибыл не вечером, как предполагал полковник Семвол, а поздно ночью. Он уже спал, когда к нему в спальню постучал адъютант и спросил, что делать с приехавшими.

В это время три человека с серыми измученными лицами, в грязной истрепанной одежде, еле волоча ноги от усталости, голода и боли, вошли в огромный пустой зал в сопровождении двух солдат.

Человек с рукой, перевязанной грязной тряпкой, подошел к широкой лестнице, ведущей на верхний этаж, и опустился на ступеньку. К нему присоединились и остальные. Они сидели молча, не глядя друг на друга, не двигаясь. Солдаты также застыли в противоположном конце зала, уподобившись каменным рыцарям.

Через несколько минут тишина была нарушена, и под самым потолком зала эхо повторило несколько раз:

— Господин Хейнс, прошу вас войти!

Сидевшие на ступеньках люди встрепенулись. Они быстро обменялись словами, и от них отделился среднего роста человек в сером порванном костюме. Он торопливо подошел к двери и обеими руками поправил взъерошенные волосы.

— Прощу вас сюда, — мягко предложил адъютант.

Войдя в кабинет, Хейнс крепко зажмурил глаза. Не потому, что комната была слишком ярко освещена и его глаза, привыкшие за последние месяцы к темноте подвалов, бомбоубежищ и траншей, были ослеплены светом двух электрических ламп, заключенных в бледно-розовые абажуры. Нет, не поэтому! Хейнс просто не мог поверить, что среди руин и пепелищ, среди всего того, что военные люди привыкли называть «зоной пустыни», в каком-то старом, пахнущем мертвечиной и тлением замке может быть такой уголок... Он открыл глаза и растерянно посмотрел на человека за письменным столом.

— Входите, входите, господин Хейнс,— подбадривающе сказал Семвол.

— Простите, господин э... но мои ботинки...

— О, это ерунда, дорогой мой,— произнес полковник. С этими словами он быстро встал из-за стола, подошел к Хейнсу, взял его за руку и подвел к креслу.

Хейнс, совершенно растерянный, примостился на уголке, судорожно сжимая борта своего пиджака.

Семвол не сразу приступил к допросу. Он долго и пристально изучал его лицо, фигуру и бегающие, боящиеся света бледно-голубые глаза. Он наблюдал за застывшей на лице Хейнса не то виноватой, не то растерянной улыбкой.

— Как вы себя чувствуете, господин Хейнс? — наконец спросил полковник.

— О, превосходно, превосходно, господин э...

— Жорж,— подсказал полковник.

— Да, благодарю вас, господин Жорж. Я никогда не думал, что сейчас где-нибудь может быть это... — Он сделал широкий жест рукой.

— Это? — небрежно спросил Семвол. — На это, дорогой Хейнс, имеет право любой цивилизованный человек, и особенно люди, которые создали все. Я имею в виду ученых.

На слове «всё» Семвол сделал многозначительное ударение.

Доктор Хейнс поморщил лоб и произнес сухо:

— Вы шутите, господин Жорж. Мы знаем, на что сейчас имеем право...

— Доктор Хейнс! — воскликнул Семвол. — Неужели вы серьезно думаете, что мы собираемся мстить вам, ученым, за причиненные нам страдания? Разве вы виноваты в том, что плодами вашего труда воспользовались варвары, случайно оказавшиеся у власти? Неужели вы думаете, что и мы такие же варвары, которые будут слепо мстить людям, обогащающим человеческую культуру и цивилизацию? Если вы так думаете, то вы глубоко нас оскорбляете.

Хейнс растерялся. Он заерзал на стуле, заволновался, заговорил срывающимся голосом:

— Простите меня, господин Жорж, если я вас обидел. Но если вы действительно так думаете, то я вам так обязан, так обязан... Как я хотел бы что-нибудь сделать,

чтобы оправдать все то, что вы о нас думаете!.. Я готов отдать все свои знания, силы, опыт...

— Совершенно верно, доктор Хейнс, вы говорите святую истину. Именно это сейчас требуется. Нам не следует вспоминать обиды. Мы должны говорить на одном языке, на языке культурных людей, которые ненавидят войну.

— Да.— восторженно произнес Хейнс.— Это совершенно правильно.

— Я думаю, доктор Хейнс, что лачугу, подобную этой,— полковник небрежно обвел рукой свой кабинет,— вы приобретете значительно быстрее, чем вы думаете. Мы верим, что истинные ученые найдут свое призвание в обновленном мире...

— Конечно, конечно...

— Прежде чем закончить наш с вами разговор, я должен задать вам несколько вопросов, чтобы иметь представление, как вас лучше устроить. Если вы, конечно, разрешите.

— О, да, да...

— Вы работали в Отдельной лаборатории, руководимой доктором Роберто?

Хейнс вздрогнул.

— Да,— ответил он тихо, не понимая, откуда господин Жорж знает такие подробности.

— Ваши исследования касались главным образом атомного ядра?

— Почти...— испуганно прошептал Хейнс.

— Почему «почти»?

— Потому что собственно атомным ядром занимались другие лаборатории и институты, а мы пытались уйти несколько глубже...

— Как глубже?

— Мы занимались структурой частиц, из которых состоят атомные ядра, господин Жорж... Мы занимались структурой частиц, которые в физике называют «элементарными».

Семвол улыбнулся и, перегнувшись через стол, с виноватой улыбкой заметил:

— Вы меня извините, я в этих делах неуч. Поэтому прошу вас рассказать немного подробнее. Кстати, кажется, эти исследования были объединены под шифром «Омега»?

Хейнса охватил ужас. Его голос стал едва слышен.

— Да, господин Жорж. Вы очень информированы... Проект «Омега» разрабатывали под руководством доктора Роберто. Дело в том, что доктор Роберто, а также некоторые другие ученые теоретически предсказали еще до войны, что частицы, которые мы привыкли называть «элементарными», из которых построены ядра всех атомов во вселенной — протоны, нейтроны и электроны, в свою очередь имеют сложную структуру.

— Ну и что же? Я думаю, вы занимались «Омегой» в течение войны не ради доказательства каких-то теорий, а имели перед собой вполне определенную цель?

— Совершенно верно. Эта цель была... Эта цель была — страшное оружие войны... Слава богу, оно не было создано...

— Вот как! — сказал Семвол, откинувшись в кресло. — И как далеко зашли ваши исследования?

— Мне трудно судить о том, что делалось в связи с проектом «Омега». Мне известно, что теоретическое обоснование этой работы было закончено. Была также разработана схема ускорителя для рассеивания частиц большой энергии на протонах и нейтронах. Но что было дальше, мне не известно.

— Не известно? — удивился полковник Семвол. — Кем же вы работали у доктора Роберто, если вам не известны детали его исследований.

Хейнс виновато улыбнулся.

— Какую работу доверял вам доктор Роберто?

— Большую часть времени я работал по обеспечению лаборатории нужным оборудованием. Остальное время я занимался информацией.

— Ага, вот так, — произнес Семвол с оттенком разочарования. — Ну, и о чем вы информировали вашего шефа?

— Я переводил русские статьи.

— Русские статьи? Вы знаете русский язык, доктор Хейнс?

— Да, господин Жорж. Я когда-то жил в России, вернее, не в самой России, а в стране, которая называется теперь Западная Белоруссия. Правда, все статьи, которые я переводил, относились к довоенному времени, но тем не менее они были очень содержательны. Доктор Роберто их очень высоко ценил.

— Неужели русские тоже занимались вещами, подобными вашей «Омеге», да еще до войны? — недоверчиво спросил полковник.

— Ну, конечно!

— Вот оно что, — задумчиво произнес полковник. — Теперь я попрошу вас ответить мне еще на один вопрос. Кто из ваших товарищей ближе всего был связан с работой доктора Роберто?

— Доктор Мюллер, — ответил Хейнс. — Доктор Мюллер был самым доверенным лицом Роберто. Они всегда были вместе. Они работали в одном кабинете. Они вместе делали все расчеты...

— Я чувствую, вы, кажется, недолюбливаете доктора Мюллера, Хейнс?

— Вы проникательны, господин Жорж. Да. Тысячу раз да! Я никогда не верил в его лояльность.

— Ого, Хейнс, вы, оказывается, в чем-то подозреваете своего коллегу!

— Я выстрадал право на это, господин Жорж!

— Ну, хорошо, я не буду больше спрашивать о том, что может затронуть ваши личные чувства. Меня интересует прежде всего дело. Что вы скажете о втором вашем сотруднике, о Родштейне?

— Родштейн — экспериментатор. Он ставил эксперименты, которые ему приказывали делать Роберто или Мюллер. У него — золотые руки и дьявольское чутье. Роберто не любил Родштейна за его жадность к деньгам, но очень уважал за экспериментаторский талант...

— Спасибо, господин Хейнс. Беседа с вами была очень интересна и полезна. Я ценю вашу откровенность и желание помочь нам. Сейчас я прикажу отвести вас в комнату, где вы сможете привести себя в порядок, переодеться и, естественно, поесть — вы, видимо, голодны?..

— О, господин Жорж!

— Не стоит, — прервал его Семвол. — Но у меня к вам будет просьба и даже, если хотите, приказ.

— Я исполню все.

— Мое требование очень простое: ни сейчас, ни вообще когда-либо вы не должны передавать вашим сотрудникам содержание нашей беседы.

— О, конечно, конечно!

— Ну, вот и все. А сейчас спокойной ночи и до свидания.

Семвол приподнялся и пожал руку Хейнсу. В двери показался адъютант.

— Отведите господина Хейнса в его комнату и позовите ко мне Родштейна.

4.

Полковник Семвол слыл среди своих товарищей тонким психологом. Говорили, что именно благодаря этому он сделал в армии стремительную карьеру. У него было чутье, которое всегда безошибочно вело его к цели. Этим чутьем он пользовался не только для того, чтобы наилучшим образом выполнять задания высших начальников, но и для того, чтобы располагать их к себе. Он знал склад характера почти всех, с кем ему приходилось сталкиваться, а также слабости каждого, кто мог для него представлять хоть какой-нибудь интерес. Как он сам говорил в кругу своих близких друзей, «разговаривая с любым, я продумываю свою партию на десять ходов вперед».

И сейчас, глядя на низкорослого, непомерно толстого вверху и тонкого внизу, с лысой головой и огромными, навывкате, глазами Родштейна, он знал всю «партию» до конца. Он знал, на каком ходу он объявит мат этому сотруднику Отдельной лаборатории. Того немногого, что ему было известно из показаний Хейнса, и, главное, своего внутреннего чутья было достаточно, чтобы Семвол выбрал для игры с Родштейном самый стремительный «блиц».

Полковник начал грубо и бесцеремонно:

— Сколько вы получали, работая у Роберто?

— Три тысячи,— ответил Родштейн без тени уважения к сидящему напротив его иностранцу. Голос у него был низкий, силовый, как у владельца пивного погреба. Его огромные глаза выражали презрение ко всему, что его здесь окружало.

— Хотите получать в три раза больше? — спросил Семвол, не спуская глаз с Родштейна.

— Хочу получать в пять раз больше.

— В четыре,— поторговался Семвол.

— Хорошо,— ответил Родштейн.— Кроме того, вы должны позаботиться о том, чтобы мне вернули мои ценности.

— Какие там еще у вас ценности? — насмешливо спросил Семвол.

— Те самые, которые у меня украли ваши соотечественники в Зондерштадте.

— Если они их и взяли, то по праву победителей,— небрежно бросил полковник.

— Мне наплевать на то, что вы победители. Я вам нужен — верните мне мое добро. Вот и все.

Родштейн бесцеремонно повернулся к полковнику спиной и стал рассматривать стены кабинета.

— Ладно, я прикажу вернуть вам ваши ценности. Что вы умеете делать? — спросил Семвол, внутренне возмущаясь его наглостью.

— Все, что вам нужно. Так как вы все равно ни черта в науке не понимаете, то, наверное, по-вашему, очень многое. Коротко, я атомщик-экспериментатор. В наше время это самая грязная и самая высокооплачиваемая работа.

— Почему же самая грязная? — усмехнулся Семвол.

— Потому, что мы работаем на массовое убийство людей.

— И вас не мучают угрызения совести? — иронически спросил Семвол.

— Не больше, чем вас,— ответил Родштейн.— Мы работаем, чтобы убивать русских, они работают, чтобы убивать нас. Вот и вся логика. Пока тебя не убили, нужно накопить денег, чтобы построить надежное противоядерное убежище.

— А я думал, что вы просто скряга! Оказывается, вы собираетесь построить персональное убежище! — рассмехался полковник.

Родштейн подошел вплотную к письменному столу, навалился на него всем телом и прохрипел:

— Только богатые кретины вроде вас, шеф, тратят деньги на автомобили, загородные виллы и на драгоценности для алчных любовниц. Вы ведь не понимаете, что при атомном взрыве все это становится обыкновенным горючим. Я же на свои деньги, когда наступит время, построю в одном укромном местечке земного

шара нору собственной конструкции, залезу в нее и буду наблюдать, как вы станете испаряться. После того, как ваши вонючие тела в виде пыли и радиоактивных газов будут развеяны в ионосфере, я выползу наружу, соберу все то, что еще можно будет называть людьми и каждый день буду вдальбивать в тупые головы оставшегося человечества прописные истины: наука — это подлость, цивилизация — глупость, техника — преступление, книги — самоубийство. Короче говоря, я позабочусь о создании на земле такого золотого века, которого заслуживает и к которому стремится современное человечество.

— Не слишком ли пессимистично, Родштейн? — воскликнул Семвол. — Ведь то, что вы предсказываете, возможно только в том случае, если «Омега» будет разработана обеими сторонами?

— А вы думаете, что русские будут ждать, пока «Омегу» разработаете вы? — спросил Родштейн с удивлением учителя, который обнаружил, что ученик не знает давно пройденного урока.

— А почему вы думаете, что они ее разработают раньше нас?

— Потому, что они раньше начали, шеф. Наш фюрер кое в чем недооценивал русских. Вы, кажется, повторяете его ошибки.

Семвол поморщился. Второй раз сегодня упоминают о каких-то русских работах, аналогичных «Омеге», и вторично говорят, что они начаты раньше.

— Оставим пока философию и вернемся к делу, — сказал полковник. — Что вы скажете о Мюллере?

— Талантливый физик и вдобавок дурак.

— Почему дурак?

— В ядерных делах он разбирается лучше любого, кто в них замешан. А дурак потому, что верит, будто его исследованиями воспользуются для какого-то всеобщего блага. Я надеюсь, что разговор с вами заставит его поумнеть.

— Так. Все, Родштейн. Вы можете идти. Будем считать, что договор между нами заключен. О ваших ценностях не беспокойтесь. Их вернут.

Родштейн вышел из кабинета, не попрощавшись.

Мюллер и Семвол изучали друг друга очень долго. Мюллер разглядывал полковника как исследователь, как будто перед ним находилось представляющее научный интерес живое существо с другой планеты. От его взгляда не ускользнули ни слегка растрепанные после сна седые волосы, ни полированные ногти. От этого пристального взгляда полковнику стало неловко, и он на мгновение утратил привычную уверенность в себе.

В этом молчаливом поединке взглядов Семвол выступал в роли покупателя, пытающегося за внешней оболочкой вещи угадать ее внутреннюю ценность. Казалось, Мюллер был отрешен от своего тела и весь состоял только из большой красивой головы, наполненной драгоценным веществом.

Именно эта умная голова и пугала полковника. Как ни силился Семвол мысленно проникнуть в душу державшегося с достоинством ученого, он ничего не мог в нем разгадать, кроме того, что он чертовски умен.

«Черт его знает,— подумал Семвол,— если я продумаю партию на десять ходов вперед, не способен ли Мюллер опередить меня на все двадцать?»

Семвол решил начать с «психологической разведки». Он спросил, слегка улыбаясь:

— Вам, по-видимому, господин Мюллер, пришлось перенести много неприятностей в годы войны?

— Не больше, чем другим, господин полковник Семвол,— ответил Мюллер.

«Ого! Ход конем! Откуда он знает мое имя и то, что я полковник?» — как молния, пронеслось в мозгу у Семвола. На мгновение он растерялся. Мюллер улыбнулся широко и открыто.

— Вы удивляетесь, откуда я знаю ваше звание и ваше имя? Я просто слышал, как о вас говорили солдаты, сопровождавшие нас сюда.

«Проклятые болтуны. Вот и военная тайна в наше время!»

— Но я надеюсь, они не говорили, что с вами будет беседовать именно полковник Семвол? — сухо спросил полковник.

— Нет, они действительно этого не говорили. Но они

очень красочно вас описали. Один из них сказал, что ваша голова напоминает старую тыкву, на которую для смеха наклеили немного седых волос.

Семвол совсем растерялся, не зная, как продолжать разговор. Но, глядя в искрящиеся весельем глаза Мюллера, начал сперва тихонько, потом все громче и громче смеяться.

— Вот и законспирировался! — воскликнул он. — Ну, ладно, доктор Мюллер, уж если дело обстоит так, будем знакомы, я действительно полковник Семвол. Только, ради бога, никому об этом не говорите!

Последние слова Семвол произнес таким тоном, будто он и Мюллер — старые друзья, между которыми могут быть свои секреты.

— Хорошо, я об этом никому не скажу, — сказал Мюллер.

Семвол был доволен. Он решил, что ситуация не ушла из-под его контроля и что ход Мюллера был удачно, даже с пользой для дела, нейтрализован. Ему казалось, что он завоевал доверие ученого.

— Знаете, Мюллер, я чертовски рад, что война кончилась и я имею возможность сбросить с себя надоевшие чины и звания. Я по натуре человек гражданский и предпочитаю носить вот это, — полковник дернул за полу пиджака.

— Да-а-а, — протянул Мюллер задумчиво. — Вот уже два дня, как войны нет.

— Два дня человечество ликует и наслаждается водворившейся над миром тишиной. — поддержал его Семвол.

— А зачем, господин полковник, ваши самолеты бомбили Отдельную лабораторию в ночь накануне окончания войны? — вдруг спросил Мюллер.

«Черт бы его побрал!» Нахмурив брови, Семвол сказал:

— Это была ужасная ошибка. Авиационное подразделение получило приказ, в котором были перепутаны даты. Командир авиационного звена отдан под военно-полевой трибунал...

— Жалко, — произнес Мюллер.

— Командира звена?

— Нет, лабораторию. Я думал, она станет центром исследований по...

— О, вы об этом? Кстати, я как раз вас и вызвал для того, чтобы предложить вам работу именно в той области, которой вы себя посвятили... Что касается лаборатории, то будьте уверены, мы предложим вам такую лабораторию, о которой вы и не мечтали...

— Собственно, для моей работы лаборатории не нужно, господин Семвол. Я теоретик. Моя лаборатория — это письменный стол, стопка бумаги и хорошая библиотека...

— У вас, господин Мюллер, будет все это, и даже больше. Поверьте мне, что мы понимаем, какие условия нужно создать ученому-теоретику. Мы сделаем все, чтобы вы могли продолжать работу над «Омегой».

— Скажите откровенно, полковник Семвол, а для чего вы хотите продолжать работу над «Омегой»?

— Мы хотим использовать силы природы на благо человечества,— воскликнул Семвол, вскакивая из-за стола.— К черту войны! Хватит! Люди устали от войн!

Семвол несколько раз взволнованно прошелся по кабинету. Мысленно он прикидывал, не переиграл ли.

Семвол выжидал, какова будет реакция Мюллера. Но реакции никакой не последовало. Мюллер молчал, следя за ним глазами. «Переиграл,— думал Семвол,— наверное, переиграл!»

— Время войн, господин Мюллер, кончилось! — снова патетически воскликнул он.— Да и возможны ли они сейчас? Вот вы, ученый, один из немногих, кто понимает потенциальные возможности современной науки. Можете ли вы представить себе войну в эпоху, когда будет решена проблема «Омега»?

Мюллер поморщился. Он внимательно обвел глазами кабинет полковника, как-то странно посмотрел на все предметы, находившиеся на столе, на мебель вокруг, и на самого полковника и едва слышно произнес:

— Все это исчезнет. Пепел... Нет, газ... Страшнее — плазма.

Полковник тоже понизил голос и продолжал взволнованно:

— Да... Вот к чему привели человечество. Трудно сказать, что это — благодетель или проклятье. Вы говорите — газ, плазма. Это *хорошо!* Но ведь кто-то оста-

нется в живых! Кто-то случайно может избежать мгновенного уничтожения. Это может быть ваш отец или моя жена, или маленькая дочка вашего друга. Обожженный человек медленно бредет по раскаленной пустыне. Он слеп, изранен, отравлен. Он передвигается по ядовитой земле, в отравленном тумане совершенно один, *один*, безо всякой надежды на помощь и спасение. Вы, Мюллер, представляете себе, что значит ждать неизбежной смерти в одиночестве, в пустыне?

— Представляю,—прошептал ученый и схватился левой рукой за грудь. Его глаза расширились и уставились на полковника.

— Вы ранены? — заторопился Семвол.

Мюллер виновато улыбнулся.

— О, нет... То есть чуть-чуть. В правое плечо... это пустяки. Но то, что вы говорите, напоминает мне, как однажды...

— Что?

Ученый сжал зубы и сказал твердо:

— Однажды я пережил это страшное чувство обреченности и безнадежности... Так для чего вы хотите продолжать работу над «Омегой»?

— Разве вы не догадываетесь? Потоки даровой энергии! Полеты к звездам! Моря в пустынях! Небывалый расцвет цивилизации! Изобилие и счастье! Ведь все это в «Омеге», не так ли? Но здесь, на вашей разрушенной родине, ничего сейчас не добьешься. Нужно время, время... И терять его нельзя. Вот поэтому мы и приглашаем вас в готовую, прекрасно оборудованную лабораторию. Лучшую в мире. А когда ваша страна сможет... Тогда вы вернетесь, в любой момент.

— Я хочу сказать,—заговорил наконец Мюллер,—что прежде, чем соглашусь продолжать работу над «Омегой», я должен иметь гарантию, что она не будет использована для новой войны... Я хочу иметь гарантию для себя. Я не хочу в будущем сидеть на скамье подсудимых в качестве военного преступника.

— Да-а-а,—неопределенно произнес Семвол, лихорадочно думая, как лучше продолжить разговор.— Ну, а в каком виде вы хотели бы иметь такую гарантию?

— В очень простом. Все мои исследования и все исследования моих будущих товарищей должны беспрепятственно печататься во всех научных журналах. Никакой

секретной науки, все исследования ученых должны быть достоянием всех людей.

Полковник задумался. Он понимал, что не мог поступить с Мюллером так, как он это сделал с Хейнсом и Родштейном. Здесь была слишком серьезная игра. Нужно было немедленно что-то отвечать...

— Хорошо, Мюллер. Я согласен...

— В таком случае, полковник Семвол,— Мюллер встал и улыбнулся,— в таком случае— вот вам моя рука.

Ученый крепко пожал руку Семвола.

— А теперь вас проведут в вашу комнату и пришлют врача.

Мюллер вздрогнул.

— Только, умоляю вас, не нужно врачей. От одного их вида мне становится плохо. Лучше пусть принесут мне бинт и теплую воду. Я сам о себе позабочусь.

— Хорошо. Доброй ночи.

Когда Мюллер удалился, полковник вызвал Лиз. Она вошла с небольшим блокнотом и карандашом в руках.

— Вы не уснули, девочка? — весело спросил ее Семвол.— Сегодня мы хорошо с вами поработали. Вы видите, какой это интересный народ. Я вас попрошу, как только выспитесь, перепечатайте запись. Беседу с Хейнсом сделайте в трех экземплярах. Часть пленки, на которой эта беседа записана, срежьте и вместе с копией стенограммы отправьте майору Сулло. Туда же мы отправим и самого Хейнса.

— А кто такой майор Сулло?

— Такие люди, как Хейнс, по его части,— уклончиво ответил Семвол.

— А что будет с Мюллером и Родштейном?

— Этих, по-видимому, можно будет использовать по назначению,— сказал полковник как бы в раздумье...

— В качестве трофеев?

— Что? Ах, трофеи! Святая наивность. Идите лучше спать, Лиз.

Когда Семвол вышел, девушка приблизилась к столу и нажала кнопку на панели магнитофона. Затем из ящика письменного стола она извлекла катушку с магнитной записью беседы. Захватив ее, она погасила свет и бесшумно вышла из кабинета,

Старый военный крейсер «Малоз» пересекал океан, неся в своей утробе несколько тысяч тонн научного оборудования и несколько десятков ученых и специалистов, в том числе доктора Мюллера и доктора Родштейна. А в это время доктор Хейнс знакомился со своей новой жизнью в Европе, в одном из крохотных селений в Баварских Альпах, на берегу большого голубого озера.

Хейнс не сразу разобрался в своем новом положении.

В день приезда мужчина в гражданской одежде, но в форменной военной фуражке, с огромными солнечными очками, которые закрывали верхнюю часть лица, дал ему толстую тетрадь с пронумерованными страницами и приказал написать автобиографию, начиная с самого рождения. На сочинение Хейнсу понадобилось три дня.

Окончив писать автобиографию, Хейнс сообщил об этом человеку в солнечных очках. Тот взял тетрадь и снова появился через сутки. Он заявил, что работой доволен и что хотел бы уточнить несколько деталей. Не может ли он, Хейнс, вспомнить улицу и номер дома, в котором жил он и его родители в маленьком городке в Западной Белоруссии, до ее присоединения к Советскому Союзу? Хейнс сделал добавление, удивляясь, почему этих людей могут интересовать такие мелочи. Он ждал, что ему скажут что-нибудь о его будущей научной работе.

Однажды к нему пришел все тот же очкастый господин и дал ему еще одно литературное задание: написать все, что ему известно о русских работах, имеющих отношение к проекту «Омега». «Началось!» — решил про себя Хейнс и с жаром принялся за работу.

Он подробно и, по возможности, популярно изложил содержание работ русских специалистов по ядерной физике, статьи, которые он переводил на немецкий язык для доктора Роберто. Он указал, что еще в 1939 году русские физики произвели расчет критической массы урана. Он упомянул об экспериментальных исследованиях русских ученых, наблюдавших самопроизвольное деление ядер тяжелых химических элементов задолго до Отто Ганна. И особо остановился он на любопытных ядерных частицах мезонах, которые были открыты в космических лучах лабораторией на Кавказе.

Когда его записка была прочитана, к нему явился «хозяин» этой таинственной организации, майор Сулло.

Это был низенького роста мужчина с весьма тощим телом и с непомерно широкими плечами и длинными руками. Сзади он напоминал гориллу. Ходил он, покачиваясь из стороны в сторону, низко опустив руки. Самым страшным у Сулло было лицо. Оно как бы состояло из двух частей. Нижняя часть представляла крохотное, почти детское личико с маленьким носом, ртом и подбородком, собранными вместе в недоразвитый комок. Над близко поставленными колючими глазами нависала вторая часть — огромный, уродливой формы череп, выдвинутый вперед, поросший жидкими рыжими волосами, сквозь которые виднелось розовое темя. Волосы почти сливались с редкими бровями, так что лба у майора фактически не было. Когда он говорил, медленно, с трудом произнося каждое слово, из его крохотного ротика выталкивались звуки, похожие не то на кваканье лягушки, не то на спазматическое икание.

Сулло, казалось, наслаждался тем, что Хейнс боялся его уродства. Он нарочно придвигался к нему близко или внезапно наклонялся вплотную к его лицу и улыбался какой-то отвратительной улыбкой.

— Из всего, что мы прочитали, нам стало ясно, что вы нам подойдете, — сказал Сулло.

— Я очень рад, господин майор.

— Мы тоже, — сказал Сулло, продолжая улыбаться и жевать.

— Что же теперь я должен делать, господин майор? — спросил Хейнс, глядя в сторону.

— Учиться, господин Хейнс, — ответил Сулло.

— Разве моих знаний недостаточно? — спросил Хейнс сдавленным голосом.

Сулло снова наклонился к нему и прошипел:

— Нет.

Хейнс отшатнулся. Он сидел в неестественном положении, запрокинув голову и изогнув спину.

— Придется учиться многому.

— Вы хотите использовать меня на работе, аналогичной той, которую я выполнял у Роберто?

— Не совсем. Нам это не нужно.

С этими словами Сулло встал и, не оглянувшись, вышел из комнаты.

На следующий день в долину пришел автобус с пятью пассажирами в гражданской одежде. Их сопровождали двое военных. Хейнс выбежал из дому и пошел к ним навстречу. Однако один военный поднял руку и дал знак, чтобы он не приближался.

О Хейнсе все забыли. Чтобы убить время, он сидел на камне возле озера и смотрел то на коттедж с новыми поселенцами, то на перевал. Однажды к нему пришел фотограф и несколько раз его сфотографировал.

Настоящий кошмар в жизни Хейнса наступил после того памятного дня, когда снова появился Сулло и начал говорить, подчеркивая каждое слово:

— Нам, Хейнс, нечего играть с вами в прятки. Мы знаем, кто вы такой. Мы знаем, что кроме своей научной, так сказать, деятельности, вы занимались и другой деятельностью. Все ваши доносы на сотрудников лаборатории доктора Роберто в наших руках. Это был бы очень хороший материал для обвинения. Нам также известны и некоторые ваши операции в Западной Белоруссии во время оккупации. Этим могут заинтересоваться русские. Не правда ли, вам будет приятно с ними встретиться?

Хейнс онемел.

— В вашем положении необходимо быть весьма лояльным и покорным, да, именно покорным,— продолжал Сулло.— Иначе дело для вас кончится плохо. Кстати, только за участие в работе Отдельной лаборатории ваши друзья Мюллер и Родштейн, которых мы сочли нужным передать русским, повешены. Их даже не судили.

— Повешены? — прошептал Хейнс. В желудке у него похолодело, будто туда влили жидкого воздуха.

— Да, мой дорогой. Их преступление по сравнению с вашими — невинная шутка...

— Что я должен делать... — прошептал умоляюще Хейнс, схватив Сулло за рукав.— Скажите мне, что я должен делать, и я буду делать все! — Он весь затрясся.

— Пока вы с нами, вам ничто не угрожает. Если вы станете с нами сотрудничать, вас ждут почести и награды. Но вам будет нелегко. Как ни странно, но самое для вас безопасное — поехать в Россию.

— Что?! — в ужасе закричал Хейнс.— Поехать в Россию!

— Да,— Сулло гадко улыбнулся.— Пожалуйста, не пугайтесь. В качестве первого задания я вам предлагаю забыть ваше имя и фамилию и свыкнуться с другой. Вот здесь все написано.

Сулло протянул Хейнсу бумажку, которую тот взял дрожащими руками.

Когда майор вышел, Хейнс долго еще сидел, ничего не соображая. Потом схватился за голову и начал громко всхлипывать.

РОЗА И МАРИЯ

1.

— Джин, идем выкупаемся, пусть Кроу подежурит у телефона.

Джин Стокинк и Хуан Родорес вышли. Из двери и окон времянки на глубокий песок ложились резко очерченные полосы света. Отойдя несколько метров от дома, оба совершенно потерялись в темноте. Они шли на едва слышный шорох моря.

— Если этот остров называли Лас Пальмас только из-за этих двух пальм на берегу, то я уверен, что открывший его испанец обладал огромным воображением,— проворчал Стокинк. Уж очень его раздражала пустота вокруг.

— Говорят, что раньше их было здесь много. Потом их вырубили.

— И ты говоришь, что всех туземцев отсюда выселили?

— Да. Саккоро предложил им перебраться либо на остров Пуэрто Рондо, или еще южнее, на острова Сойд. Вчера на рейде Сардонео стоял большой пароход, на который погрузили последних островитян.

Они приблизились к берегу моря, и стало прохладнее. Глаза привыкли к темноте. На черном небе виднелись редкие звезды и на их фоне величавые силуэты двух пальм. Кто-то когда-то эти две одинокие пальмы назвал Роза и Мария. Они, эти пальмы, были известны на всех островах, их знали в «столице» архипелага, в деревушке

Падре на острове Овори. Часто вместо «Лас Пальмас» говорили «Роза-Мария».

Они не сразу разделись, а положив полотенца, сели рядом и уставились в густую черноту моря.

— Не понимаю, что его могло там задержать,— произнес Стокинк.— Это так не похоже на Френка.

— Приедет,— сказал Родорес уверенно.— Еще не было ни одного случая, чтобы Френк не сдержал слова.

— Он, говорят, талантливый парень.

— А ты думаешь, профессор Фейт берет к себе всякую мелюзгу? У старика на талант чутье!

— Фейт, говорят, держится весьма независимо. Кто-то слышал, как он орал на самого Саккоро. Ты знаешь, что сказал Фейт господину Саккоро? Он процитировал ему слова великого Эйнштейна, обращенные к фашистам: «Вам не нужен головной мозг. Вам вполне достаточно спинного».

Прятели рассмеялись, сбросили одежду и вошли в море. Они долго шли по мягкому, тающему под ногами песку, постепенно погружаясь в теплую воду.

— Здесь и плавать-то негде. Банка тянется на тридцать километров на север, и глубина моря не превышает трех-четырех метров.

— Да, это так,— сказал Родорес,— именно поэтому Саккоро и купил эти острова. Мелководье очень облегчает связь и особенно прокладку силовых линий. Ты ведь знаешь, что лаборатории, особенно космотроны, будут жрать огромное количество электроэнергии... Электростанция строится на Овори. Оттуда энергия пойдет на Куэлло и на нашу Розу-Марию. Больше всего к нам, потому что космотроны будут установлены на Лас Пальмас.

— А почему этот исследовательский центр решили строить не на континенте? — спросил Стокинк.

— Потому что это — частный исследовательский центр, личная собственность Саккоро! Здесь все принадлежит ему, от песка и воды до наших мозгов.

Вдруг тишину ночи пререзал далекий гул вертолетных винтов.

— Идет! — воскликнул Родорес.— Я же сказал, что прилетит!

Рассекая воду, молодые люди быстро пошли к берегу, оставляя за собой на поверхности моря две темные

дорожки. Когда они добрались до берега, низко над землей показался силуэт небольшого вертолета.

— Хелло, Френки,— закричали трое, увидев спускающегося по легкой лестнице парня в белом костюме.— Хелло, старина! Мы чуть было не сдохли от нетерпения, ожидая тебя здесь.

— Погодите, ребята, меня тискать! Кроу, марш в кузов машины, вытащи ящик с пивом и еще кое-что.

Кроу кинулся в вертолет, а Френк в сопровождении Родореса и Стокинка вошел в домик.

— Нагадили, подлецы,— беззлобно сказал Френк, обводя критическим взглядом насквозь прокуренную комнату.

— Френк, это нервы...— начал оправдываться Родорес.

— Скорее женитесь на тиранических женщинах, они приведут ваши нервы в порядок.

Он открыл бутылку пива и выпил прямо из нее.

Хотя он и устал, а его слегка сожуренные глаза покраснели от бессонницы, настроение было превосходное. В нем было что-то мальчишеское и задорное. Особенно приятно было его лицо. Овальное, смуглое, с прямым красивым носом, с пухлыми, как у маленьких мальчишек, губами. Улыбка тонкая, слегка ироническая. Френк принадлежал к той категории людей, у которых, казалось, не могло быть врагов. Даже в университете богатые и заносчивые студенты относились к нему с уважением. Все считали за честь завоевать его дружбу. Ему никто никогда не решался намекнуть на его довольно «среднее» происхождение: его родители были бедные фермеры.

Правда, Френка Долори не только любили за его доброе лицо и открытую душу. Многие его просто боялись. Боялись его острого языка, а также не очень больших, но весьма сильных кулаков.

— Френк, вываливай новости! — воскликнул Кроу.

— Я не знаю точно, сколько лет мы здесь проработаем. Но мне точно известно, что нам предстоит заниматься самой современной физикой на самом современном оборудовании под руководством такого гиганта, как профессор Фейт. И еще я узнал, что для работы у нас законтрактовали каких-то ученых немцев.

Последние слова Френк произнес как бы по секрету.

Действительно, слова «по секрету» здесь более чем

уместны. История научных исследований на островах архипелага Лас Пальмас не одно десятилетие оставалась бы в секрете от всего человечества, если бы...

Впрочем, об этом дальше.

2.

В мире, где все продается и покупается, отношения между наукой и властью имущими складываются на чисто коммерческой основе. Наука предлагает повышение прибылей, производительности труда, политического и военного влияния, а также личное могущество. Взамен ей платят чистоганом. Развращенные деньгами и мещанскими идеалами ученые предлагают себя, не заботясь о том, как и для каких целей будут использованы результаты их работы.

Охота за этим товаром приняла грандиозные масштабы, а сам товар и впрямь решил, что наступила великая эра расцвета науки и культуры.

Это было одно из самых драматических заблуждений в истории науки, а заигрывания с учеными — одна из самых коварных ловушек, которая была поставлена продажным миром для тех, кто мыслил и анализировал. Будущие историки с сарказмом станут упоминать имена многих выдающихся ученых, поддавшихся буму в связи с созданием «мозговых трестов».

Пролетаризации науки способствовало еще одно объективное обстоятельство. Наступило время, когда ученые не могли работать так, как Галилей или Ньютон. Век великих открытий на основе наблюдений за падающим яблоком или за нагретым куском металла кончился. Крохотные научные лаборатории годились лишь для любительства, для «хобби», для приятного времяпрепровождения, без всякой надежды сделать какое-либо ценное открытие.

Настоящая, «большая» наука создавалась в гигантских исследовательских центрах и институтах, с их колоссальными ускорителями ядерных частиц, вычислительными машинами, сложным электронным оборудованием и дорогостоящими материалами. Все это могли иметь только те, у кого были деньги.

Саккоро принадлежал к наиболее опасной в современ-

ных условиях категории богачей-одиночек, которые пытались купить науку и научную мысль для усиления и расширения своего собственного, личного могущества.

Саккоро — это прежде всего миллиарды, это тонны драгоценностей, это собственные банки и заводы, собственные острова, территории, аэродромы и фермы. Одно имя этого человека повергало в смятение мещан. О нем говорили полупешотом, а его юристы и адвокаты чувствовали себя истинными творцами закона.

В пятьдесят с лишним лет Ричард Саккоро как-то встретился со своим сыном Онто.

Онто рассказал ему, что он кончает университет и получит степень бакалавра наук.

— Чему же ты учишься в университете? — спросил безразлично отец.

— Всему понемногу. Главным образом ядерной физике. Ты ведь знаешь, это сейчас так модно...

— Знаю, но не понимаю, почему. Я слышал, что после термоядерных штук там больше делать нечего.

— В ядерной физике еще заложены самые невероятные возможности для могущества, которое человек может приобрести.

Ричард Саккоро оживился.

— О каком могуществе ты говоришь?

— О самом непосредственном, я бы сказал, физическом. Овладев третьим видом ядерной энергии, человек мог бы стать богом в буквальном смысле этого слова. Теория предсказывает, что можно в кармане носить силу, достаточную для того, чтобы взорвать весь земной шар...

— Ну, это ты хватил, — воскликнул с недоверием Саккоро старший.

— Ничуть. До сих пор, когда говорили о ядерной энергии, подразумевали деление ядра урана или синтез гелия из тяжелого водорода. Это очень громоздко и неудобно. Сейчас наметился новый путь получения несметного количества энергии. С помощью аннигиляции вещества...

— Ну-ка, ну-ка, расскажи поподробнее...

Онто Саккоро сбивчиво рассказал отцу все, что знал об аннигиляции и антиматерии. Ричард задумался. Он не очень-то доверял познаниям своего сына, но то, что

он слышал, его взволновало. Сразу же после посещения Онто он позвонил в один из своих информационных центров и попросил, чтобы ему для консультации прислали компетентного ученого по вопросам современной ядерной физики. К нему прислали профессора Фейта.

То, что ему изложил профессор Фейт, еще больше взбудоражило его воображение. Он вдруг решил, что, может быть, именно он, Ричард Саккоро, должен стать тем, кто, завладев третьим видом ядерной энергии, положит конец сумятице и неразберихе нынешнего мира...

Вначале это была только неоформившаяся мысль, затем она постепенно превратилась в навязчивую идею, за которой скрывался страшный, фантастический план.

В конце концов, думал он, если он умрет просто так, над его могилой в лучшем случае поставят какое-нибудь величественное надгробье. Человечество и тем более история скоро забудут, что жил на свете когда-то Ричард Саккоро... Он никак не мог примириться с тем, что он умрет, а жизнь, молодая, цветущая, здоровая, будет продолжаться.

После рассказов профессора Фейта Саккоро ночи напролет лежал без сна и видел в темноте страшные картины гибели и разрушения. Они должны начаться в тот самый момент, когда перестанет биться его сердце.

Станным образом фантастические кошмары ассоциировались с бессмысленностью прожитой жизни, посвященной непрерывному накоплению богатств. Внешний блеск, слава, всеобщее преклонение и страх, тщеславие, буйные оргии и безумные траты — все то, что люди его круга называют «большой жизнью» — стали тускнеть перед тем, что он, Саккоро, действительно мог бы сделать при помощи науки. Он вдруг с болезненной остротой почувствовал, что итог прожитой жизни нельзя выразить ни в оставляемом после смерти капитале, ни в сопоставлении приятно и неприятно прожитых минут.

Ах, если бы он подумал об этом раньше! Может быть, он уже сейчас владел бы нечеловеческим могуществом и сокрушительной силой!

Но он еще успеет! Он не так еще стар! Он успеет!

Так возник научно-исследовательский центр на островах в Атлантическом океане...

Строительство исследовательского центра Саккоро завершилось в то самое время, когда весь мир, как потревоженный улей, гудел от волнения. Успехи в самых различных областях науки и техники были фантастическими и, казалось, достигли пределов возможного.

После длительного периода исследований наконец был запущен первый энергетический реактор, работающий на основе термоядерного синтеза. Глубоко под землей было упрятано покорное миниатюрное «солнце». Топливом для ядерных станций стала обыкновенная вода.

После этого стали поговаривать о том, что истинным ученым в физике делать больше нечего, потому что здесь все раскрыто, исследовано, закономерности найдены и переданы в инженерные и технологические справочники. Многие ученые-ядерщики стали «менять специальность», уходя работать в область космической астрономии, кибернетики, биофизики, медицины.

И тем не менее ядерная физика еще не сказала своего последнего слова...

Это началось еще на заре XX столетия, когда Эйнштейн написал свою знаменитую формулу эквивалентности массы и энергии. Смысл этой формулы длительное время был неясен, потому что она выводилась из самых общих представлений о пространстве и времени... Формула Эйнштейна получалась автоматически, «сама собой», без каких-либо специальных предположений о структуре вещества. Великие ученые того времени интуитивно предположили, что уравнение эквивалентности может быть проверено на реакциях, происходящих в атомном ядре.

Но деление и синтез ядер — это только частные случаи превращения материи. Эйнштейновская формула вовсе не утверждала, что она применима лишь в этих частных случаях. Ведь в формуле Эйнштейна масса — это любая масса, а не только масса урана или масса водорода. Формула гласит, что любое вещество при каких-то, пока не известных, условиях может стать источником энергии.

Что это за условия? Могут ли такие условия быть осуществлены на Земле? А если да, то будет ли это страш-

ной катастрофой или началом эры действительно безграничного господства человека над Вселенной?

Подкупающая простота формулировки закона манила к себе горячие головы ученых, не удовлетворенных частными случаями его применения.

Тайна несколько прояснилась, когда вдруг в семье ядерных частиц была обнаружена совершенно четкая категория так называемых античастиц. Позитроны, антипротоны, антинейтроны...

Постепенно, вначале только в умах наиболее смелых теоретиков, а потом и в сознании экспериментаторов и уж, конечно, в головах писателей-фантастов родилось представление об антимире, который, наверное, где-то существует и который, хотя бы в миниатюре, можно создать на Земле...

Профессор Фейт принадлежал к той категории наиболее смелых физиков, которые понимали, что за законом эквивалентности массы и энергии скрыто нечто большее, чем хорошо известные и тщательно проверенные частные случаи ядерных превращений.

— Прежде чем физическая идея становится понятной и доступной для широкого круга людей, должно пройти минимум полстолетия... — говорил он Френку. — Такие законы, как закон эквивалентности, для своего осмысления требуют значительно большего времени. И вы знаете, почему? Потому что его фундаментальность потонула в океане частных проверок.

— Значит, вы верите в существование антимира, в весь тот фантастический бред, который напридумывали популяризаторы и писатели? — удивился Френк.

— Я верю, что дело не такое уж и простое, как это пытаются изобразить люди, мало знакомые с современной физической теорией. Удивительная симметрия законов природы часто заставляет меня думать, что в силу необходимости, а может быть, и чистой случайности, мы вынуждены рассматривать только одну сторону медали...

Когда на Лас Пальмас запустили оба космотрона и во встречных пучках, разогнанных до энергии в десятки тысяч миллиардов электроновольт, стали наблюдать массовое рождение античастиц, то и тогда профессор Фейт не очень хорошо себе представлял, как из этих крохотных античастиц создать весомый кусок антивещества...

— Ну-ка, Френк, у вас более живое и смелое воображение. Пораскиньте-ка мозгами и подумайте, как нам сотворить, ну, хотя бы антиводород...

Фейт очень любил Френка еще с университета и из всех ученых, работающих у Саккоро, он считал его самым талантливым. Несмотря на большую разницу в годах — более двадцати пяти лет, — Фейт и Долори были друзьями в самом настоящем смысле этого слова. Этому в некоторой степени способствовала нежная дружба между Лиз и Долори. Фейт добродушно поглядывал на свою дочку и на Френка и про себя решил, что брак Лиз и Френка столь же неизбежное «явление природы», как и аннигиляция частицы и античастицы.

4.

Профессор Фейт и его молодой друг были так увлечены работой над проблемой создания антивещества, что совершенно перестали замечать, что происходит на островах. Вдвоем допоздна они просиживали то в пультовой космотрона, то в оптической лаборатории, то у вычислительной машины, которая обрабатывала результаты экспериментов. Френк работал лихорадочно, с увлечением, иногда до самозабвения. Когда он придумал магнитную камеру для антиводорода, все решили, что он спятил с ума. Он бегал по всем лабораториям, обнимал и целовал всех подряд, рассказывал веселые истории и анекдоты или писал математические уравнения и в тысячный раз объяснял, как должна действовать его магнитная камера. Он так увлекся своей идеей, что рассказал о ней торговцу табачного киоска на набережной.

— Все же как хорошо в наше время быть ученым, господин Долори, — сказал старик, прослушав удивительный и совершенно непонятный рассказ Френка. — И где это только у вас в голове все помещается?

— Здесь, старина, здесь! — говорил Френк, ударяя себя ладонью по лбу.

— Скажите, пожалуйста, господин Долори, а почему на острова приехали военные?

— Кто?

— Военные люди... Я, правда, не очень разбираюсь в чинах, но мне кажется, что это какие-то генералы...

Френк удивился. Нет, он не видел на островах генералов. Действительно, почему они здесь?

— И много их приехало? — спросил Френк, как бы проснувшись. Впервые за долгое время он вдруг осознал, что вокруг него течет жизнь, что на острове он не один...

— Право, не знаю, но я видел пять или шесть человек военных...

— Странно, — сказал Френк.

Он быстро зашагал по набережной к вилле профессора Фейта.

Профессора он застал за чтением свежих научных журналов. Вместо ответа на приветствие он пристально посмотрел на своего молодого друга и очень выразительно сказал:

— Мне за вас очень влетело...

— За что?

— За вашу болтливость... — Фейт горько улыбнулся. — Нашлись люди, которые в вашей радости усмотрели угрозу нашему приоритету.

Френк вспыхнул.

— Ну, знаете! Если будет все повторяться, как с атомной энергией — эта идиотская секретность, подозрительность, взаимное недоверие, то...

— То что?

— То я не понимаю, для чего мы занимаемся научными исследованиями.

Профессор подошел к Френку.

— А не кажется ли вам, что мы с вами оторвались от жизни и потонули в вычислениях и опытах? Вот новые номера «Физического обозрения». В них нет и намека на наши статьи. А ведь мы отправили их три месяца назад.

Покопавшись в ящике, он достал большой пакет и протянул его Френку.

— Вот они... сегодня вернули. Они не ушли дальше почтового отделения на острове Овори.

— Странно...

Френк растерянно вертел в руках толстый пакет.

— Нет, не странно. Мы с вами и не предполагали, что здесь давно организована цензура, личная цензура господина Саккоро...

— Но это же черт знает что! — вспыхнул Долори. —

Ведь когда мы начинали работу, условия были совсем другие. Наука есть наука и...

— Да, да, да... Я все помню. Но вот сейчас стало известно, что аналогичной проблемой, и не безуспешно, занимаются русские. Знаете, кто у них руководит работами? Профессор Котонаев, тот самый, который несколько лет назад опубликовал ряд блестящих статей по релятивистской квантовой электродинамике...

— Очень хорошо! Значит, у нас есть достойный соперник, и мы можем с ним помериться силами!

— Ох, Френк! Дело куда сложнее, и нам нужно с вами крепко подумать. А пока что господин Саккоро приказал мне, чтобы я запретил вам рассказывать о ваших успехах первому встречному-поперечному.

Френк опустил в кресло.

— А военные?..

— Ну, положим, это только бывшие военные, вырванные в балаганную форму вооруженных сил Лас Пальмас. Они-то и прибыли сюда по приглашению Саккоро, чтобы навести порядок. Наши исследования должны сохраняться в тайне.

— Тайна? Что за чепуха? Какая это тайна, если об этом знает любой грамотный физик! Ядерные исследования даже в нашей области давным-давно никакая не тайна!

— Тем не менее они настаивают на сохранении тайны.

— Но ведь мы работаем не в правительственном, а в частном исследовательском центре. Для чего, затеяв такое дело, Саккоро понадобилось играть в какие-то тайны!

— Саккоро говорит, что ему было бы очень приятно обогнать русских. Это, говорит он, предмет его, если хотите, личного тщеславия.

— Звучит не очень убедительно.

— Вот именно, Френк. Поэтому-то нам и нужно с вами хорошенько присмотреться и обо всем подумать.

5.

Из всех иностранцев, работавших у Саккоро, на острове Лас Пальмас разрешили жить только одному — Родштейну. Во-первых, как экспериментатор он всегда

должен был находиться вблизи своих установок, а во-вторых, учитывая его беспринципность и жадность к деньгам, почему-то считали, что он надежный человек, не сбежит, потому что ему хорошо платят.

Когда начали изготавливать первые ловушки для антиводорода, Родштейн под руководством Долори переналадил линейные ускорители так, чтобы обеспечить рождение наибольшего числа гиперонов. При очень высоких энергиях гипероны превращались в целый каскад антинуклонов. Реакция протекала в миллиардные доли секунды, и было мало надежды на то, что антинуклоны успеют «слипнуться» в ядра элементов, более тяжелых, чем водород. Пока техники устанавливали счетчики и камеры, Френк и Родштейн обдумывали новые эксперименты.

Пояснял свои идеи Родштейн нехотя, лениво, выдавливая из себя хриплые невнятные слова.

Френк к этому привык и всегда слушал его с огромным вниманием.

— Род, вас не тянет домой? — спросил Френк, когда они во всех деталях обсудили предстоящую серию опытов.

— Тянет, — ответил Родштейн. — Я люблю сушу и ненавижу сумасшедшее солнце и водяную пустыню.

— Мне говорили, что вы собираетесь отправиться в джунгли и начать строительство личного противоатомного убежища.

— Собираюсь. Будьте уверены, вас не приглашу.

Френк беззлобно улыбнулся.

— У вас навязчивая идея. Вы ведь знаете, сколько хороших перемен произошло в мире.

— Перемены, перемены... Не очень-то верю я в эти перемены.

— Вы думаете, государства нарушат свои торжественные обязательства?

— Нет, не нарушат. Атомные и термоядерные атаки объявлены вне закона, во-первых, потому, что пораженную территорию невозможно будет оккупировать. Во-вторых, атмосфера будет так загажена, что на земле сдохнет все живое. В-третьих, тащить термоядерную машину даже на межконтинентальной ракете бессмысленно, так как современная противоракетная техника ликвидирует носитель с его грузом в тот самый момент, когда

он оторвется от земли. Я абсолютно уверен, что именно по этим соображениям ядерная война не предвидится.

— Так, значит, вы согласны?..

— Нет, не согласен. Я знаю, что на земле время от времени появляются гитлеры. Просвещенные обыватели, вроде вас и вашего профессора Фейта, разрешают этим шизоидам пробираться к власти. А у параноиков начинается, как раковая опухоль, разбухать идея возвыситься над всем человечеством, завладеть всем миром и командовать судьбой каждого человека...

— Бред, Родштейн! Нынешнее общество не позволит, чтобы такое произошло.

— Не позволит? Знаете, я как-то думал, за что так по-хамски олимпийские боги расправились с Прометеем, который украл у них огонь и подарил его людям? Он забыл, что среди миллионов людей, которые будут пользоваться огнем для того, чтобы согреться и сварить себе пищу, обязательно найдется несколько десятков идиотов, которые, воспользовавшись огнем, причинят людям больше бед и страданий, чем люди сами себе добра... Прометей был просто недалёковидным политиком.

Френк возразил:

— Конечно, уроды есть. Но хороших людей больше. Они-то и не разрешат уродам стать поджигателями...

— Это в том случае, если поджигатель как сумасшедший бежит с факелом в руках и сует его под крышу... Такого, действительно, можно поймать и остановить. Но если маньяк умен и хитер, а его могущество умещается в кармане?

Френк улыбнулся и снисходительно похлопал Родштейна по плечу.

— Вы, оказывается, фантазер, Род!

— Зато у вас нет никакой фантазии. Вы знаете физику, а вот цели, ради которой вы трудитесь, у вас нет.

— Я верю в разум...

— А кто не верит? Во все времена истории люди верили в разум... И тем не менее войны были.

Родштейн встал из-за стола и, бормоча себе под нос «разум, разум», вышел из кабинета.

Долори на секунду представил себе все многомиллиардное население земного шара, против которого выступает один человек — желто-серый старец Саккоро, и ему стало смешно. Чушь!

Дверь ему открыла Лиз. Она стояла стройная, теплая, обворожительная.

— Ты здесь, Лиз! Боже, как неожиданно!.. И ни слова предупреждения!

— Я решила сделать вам сюрприз. Вам, господин Долори и своему милому отцу, профессору Фейту.

Он порывисто обнял ее.

— Отца дома нет,— прошептала она и крепко прижалась к нему.

— А теперь расскажи, где ты была? — наконец спросил он, когда они сели на диван.

— Френк, я была всюду. Ездила, как сумасшедшая, из одного конца страны в другой для того, чтобы хоть на минуточку забыть тебя. Мне это иногда удавалось, но не очень часто. Ты ведь знаешь, я предприняла это путешествие только для того, чтобы не отвлекать тебя от работы.

— Вот как? — удивился он.— Кто же тебя надоумил?

— Как всегда, мой мудрый, всезнающий профессор Фейт. Перед моим отъездом у нас с ним был серьезный разговор. Длинный и очень скучный, со ссылками на античных классиков, на Фрейда и Павлова, на Ньютона и Лейбница, в общем, на все те источники, в которых говорится о благотворном и неблаготворном влиянии женщины на творческий процесс, который происходит у всех мужчин вот здесь.

Она хлопнула Френка по лбу.

— Ну, знаешь, я обязательно поговорю с твоим папой. Кстати, ты не знаешь, где он сейчас?

— Знаю. Он сейчас на острове Овори у самого господина Саккоро-старшего.

— Он его вызвал?

— Профессор Фейт сам потребовал аудиенции. Он говорит, здесь на островах произошли какие-то странные события. Да я и сама это заметила. Представляешь, перед посадкой в вертолет домой, на Овори меня подвергли самому настоящему обыску! И знаешь, кто этим делом там заправляет? Старый урод, которого я знаю еще с войны. Тогда он был майором. Его фамилия Сулло.

— Кстати, здесь еще один твой знакомый военных лет, Джеймс Семвол.

— Я знаю. Похоже на то, что они решили в миниатюре воспроизвести свою старую организацию! Зачем вся эта комедия?

Френк вспомнил разговор с Родштейном.

— Если бы только комедия. Впрочем, я уверен, что профессор сумеет поставить все точки над «и». А пока забудем все это, Лиз!

Стало совсем темно. Разговор затих. Они просидели бы так до самого утра, если бы около двенадцати ночи внезапно не открылась дверь.

— Папа, это ты? — воскликнула Лиз.

— Да. Френк здесь?

От неожиданности Френк вздрогнул. Уж очень резок был голос профессора.

Вспыхнула люстра. Профессор Фейт быстро пересек гостиную, уселся в кресло.

— Я только что от Саккоро. То, что мне удалось узнать, привело меня в бешенство.

— В чем дело, профессор?

— Прежде всего, он заставил меня ждать около получаса. Как будто я какой-то мальчишка. Негр слуга сказал мне, что господин Саккоро ведет важную беседу с военными господами. Из кабинета гуськом потянулась компания, выраженная в идиотскую одежду наших «вооруженных сил». Я влетел в кабинет совершенно разъяренный. Он сидел за письменным столом. «Я вас слушаю, Фейт, — промычал он. — Только короче. Через час ко мне придут». — «Хорошо, короче, так короче. Я хочу знать лишь одно: что происходит на островах? Почему здесь появились военные? Почему расставлены часовые? Почему моей дочери учинили обыск? Почему?» Он меня прервал, спросив: «У вас еще много «почему?» — «Пока достаточно!» — Я буквально задыхался от гнева. — «Потому, профессор Фейт, что я так хочу».

— Он вам так и ответил? — воскликнул Френк.

— Буквально. Я даже потерял дар речи. Я хотел было еще что-то сказать, но он в этот момент встал и зловещим голосом начал спрашивать меня: «Почему вы работаете так медленно? Почему до сих пор не получен главный результат? Почему русские нас во всем обго-

няют? Почему вы не загружаете должным образом иностранцев? Например, этого Мюллера, которого мне так расхваливал Семвол?»

Представляете мое положение? Я не выдержал и просто заорал: «Наука и научные исследования — это не изготовление башмаков на конвейере! Ваши «почему» лишены смысла. Потрудитесь ответить на мои вопросы. Иначе вам придется подыскивать другого руководителя для продолжения исследований». Он сказал: «А я сейчас об этом как раз и думаю».

В вертолете я тщательно обдумал этот разговор. Мне начинает казаться, что здесь пахнет авантюрой, может быть, даже хуже... Я чувствую, что мне срочно нужно вылететь на континент и рассказать обо всем кому следует.

— Папа, милый, я начинаю бояться... Лучше не нужно на континент. Ведь если Саккоро... О, не нужно, прошу тебя!

— Чего ты испугалась? Должны же люди знать, что здесь делается.

К профессору подошел Френк.

— Не нужно торопиться, профессор. Работа в последнее время действительно застопорилась. Нужны какие-то новые идеи относительно производства и хранения антивещества.

Фейт опустил голову на руки и уставился в пол:

— Почему бесится Саккоро?

— Просто потому, что он хочет быть первым.

Желая отвлечь профессора от тревожных мыслей, Френк заметил:

— А насчет Мюллера Саккоро, пожалуй, прав. Перед ним нужно поставить более серьезные задачи. Кстати, я даже не знаком с ним лично. Пожалуй, нужно будет в ближайшие же дни с ним встретиться.

— Как хотите, — неопределенно сказал Фейт. — Я чертовски устал, поэтому хочу вас покинуть. Спокойной ночи.

1.

Молчанов и Самарский были единственными сотрудниками экспериментального отдела, которые посещали семинар профессора Соколова. Иногда они ходили и на семинар Котонаева, но, несмотря на блестящее изложение, остроумие и красоту теоретических построений, они чувствовали в молодом ученом что-то от позерства. Решая сложные теоретические задачи, он прежде всего заботился о том, чтобы показать, как он может их решить.

У Соколова все было иначе. Говорил он монотонно, глуховатым голосом, редко отрывался от доски и только иногда посматривал на аудиторию, чтобы убедиться, что его понимают. Любопытно, что и Котонаев и Соколов обладали острым чутьем на тех, кто терял нить рассуждений. Котонаев, безошибочно определив непонимающего, обычно говорил так:

— Если вы, товарищ Разумнов, в состоянии еще что-нибудь понять, я могу, пожалуй, повторить.

При этом он бросал торопливый взгляд на часы и делал едва заметную брезгливую гримасу.

Обнаружив хоть тень непонимания, Соколов медленно поворачивался к доске и, выбрав чистый участок, писал на нем старые формулы и уравнения:

— Это действительно трудновато... Постарайтесь понять, что здесь мы должны нормировать функцию с учетом вот этой спинорной матрицы...

Но самым интересным в семинаре Соколова было другое. После окончания основного доклада он не торопился уходить, как Котонаев. Он присаживался за столом, тщательно вытирая руки, дружелюбно улыбался.

— Ну, а теперь про жизнь... Теории на сегодня хватит.

Эту, неофициальную часть семинарских занятий молодежь института называла «квантовой теорией жизни». Здесь говорить можно было всем, не стесняясь ни своих недостаточных специальных знаний, ни своего малого жизненного опыта.

Однажды после семинара, когда все стали расходиться, Соколов подошел к Молчанову и Самарскому и сказал:

— Будьте добры, останьтесь еще на несколько минут.

Ребята молча сидели за столом и наблюдали, как профессор Соколов тщательно вытирал доску, не оставляя на черной поверхности линолеума ни одной буквы, ни одного значка.

— Я вот о чем... Вы, кажется, посещаете и семинар Валерия Антоновича?

— Да,— ответил Коля.

— Мне, право, не очень удобно вас просить. Дело вот в чем... Я как-то совершенно случайно зашел в аудиторию после его семинарского занятия. Меня немного смутило одно обстоятельство... Люди разошлись, а доска с записями Валерия Антоновича так и осталась. Правда, на ней было написано очень мало... Но вы понимаете...

Он смутился еще больше, как бы почувствовав, что слишком серьезно говорит о ерунде. Затем он заговорил быстро и взволнованно:

— Если бы кое-кому там, на той стороне, сказали, что здесь, в Рошине, на доске профессор Котонаев написал вот такое уравнение... И еще оставил две-три цифры... Честное слово, не нужно быть гением, чтобы догадаться, что к чему.

Он порывисто подошел к молодым ученым.

— Борьба идет за научные идеи, за мысли, за формулы, за решения! Кто быстрее мыслит, кто быстрее и точнее решает — тот выигрывает!

Помолчав, Соколов добавил:

— Все страны мира пришли к заключению, что использование атомной и термоядерной энергии для войны — величайшее безумие. Существующие договоры между государствами скреплены подписями и печатями. Но являются ли эти договоры обязательными для тех, кто считает себя собственником *своих* научных исследований в новой, неизведанной области? Для тех, кто не считается ни с чужим, ни со своим государством? Вот почему я так беспокоюсь...

Соколов отошел в сторону и посмотрел на ребят.

Он любил этот узкий коридорчик с крутой лесенкой, перекинутой через место соприкосновения двух гигантских ускорителей. Кто-то из институтских шутников красным карандашом написал на железобетонной стене: «Прохожий, остановись! Здесь разыгрывается драма Вселенной!» А внизу, уже синим карандашом, было дописано: «Диагноз: мания величия». Эти надписи были сделаны давно, и их никто не стирал. В шутливых коротких фразах заключалась философия труда сотрудников института: «Вы делаете большое дело. Но не зазнавайтесь.»

Всякий раз, когда Молчанов проходил по этому коридорчику, он замедлял шаг, и его воображение сразу устремлялось в глубину массивной бетонной стены, где во время работы ускорителей сталкивались две страшные силы.

«Метод встречных пучков» — так скромно и невыразительно назывался метод синтеза звездного вещества.

Что там происходило? Какие чудовищные силы себя проявляли? Какие неведомые законы природы давали рождение десяткам новых осколков мироздания, которые метались в черной пустоте миллиардные доли секунды и затем безвозвратно исчезали?

Мезоны, гипероны, антипротоны, странные частицы — хаос фантастического микромира, как ослепительный фейерверк, вспыхивал и угасал. За микроскопические доли бесконечного потока времени десятки умных приборов улавливали все, что можно было уловить, и с холодной беспристрастностью рассказывали исследователю о давным-давно происшедшей катастрофе.

Нельзя было без волнения проходить в этом месте, потому что здесь находилась модель самой Вселенной. Николаю всегда казалось, что если бы наносекунды растянуть в миллионы лет и заглянуть в камеру, где два встречных потока врезаются друг в друга, то он смог бы увидеть всю Вселенную, все звезды и туманности, планеты и галактики. Может быть, весь наш мир и возник в результате вот такого, но в миллиарды раз более

мощного столкновения чего-то с чем-то? Сколько фантастических романов было написано о полетах к звездам, романов, от которых веет то леденящим холодом пустоты, то испепеляющим жаром пылающих гигантов. Но так ли все это и вообще может ли человеческий ум, его воображение, здесь, на Земле, в окраинной области Млечного Пути, достоверно воссоздать миры, находящиеся за пределами досягаемого?

Конечно, мы доберемся до звезд! Залог тому — эти бесконечные микроскопические звезды, вспыхивающие по нашей воле здесь, в глубоком вакууме. Сбудется мечта наших фантастов, как бы ни пытались нам помешать те, кто хотел бы свернуть гений человеческий с пути мира и большого человеческого счастья.

Звезды будут досягаемы! И эта уверенность еще больше волновала Молчанова, когда он проходил по узкому коридорчику...

«Прохожий, остановись!»

Нет, здесь разыгрывается не только драма Вселенной. И, наверное, не столько драма, сколько полная искрящегося радостного пламени оптимистическая трагедия, так часто неизбежная на бесконечном пути развития пытливого человеческого разума.

Николай останавливался на мостике и подолгу смотрел вниз, в железобетонный пол, силясь представить себе, что происходит под ним. Здесь он забывал все — все свои неудачи, обиды, усталость, несправедливость... Он смотрел на серый бетон, сквозь него видел черную пустоту вакуумной камеры, и ни разу его мысли не коснулись ничего, кроме звезд...

Здесь было прохладно, тихо, вентилятор гнал свежую струю воздуха. На перилах, на небольшом щитке, всегда горела зеленая лампочка, что означало: здесь можно постоять. Кто-то предвидел, что это как раз и есть то самое место, где каждый ученый задумывается над судьбой своего труда и над судьбой труда своих товарищей.

Задолго до начала работы космостронов вспыхивала красная лампочка. Она как бы напоминала, что час раздумий окончился и пора приниматься за работу.

Звезды, звезды, звезды... Сколько их вспыхивает там, в пустоте камеры! Сколько их во Вселенной!

— Никогда не видела никого более скучного, чем твой Самарский,— ворчала Нонна Кириллина.— Хоть бы раз в кино пригласил.

— Перестань болтать! Я гляжу на тебя и совершенно не понимаю, как ты угодила в физики, да еще в ядерщики. Тебе бы в маникюршн.

Николай прилаживал на столике микрофотометра очередную пластинку. Он не выносил болтовни этой девчонки, полной рыжеватой блондинки с хитрыми глазами, которая приехала сюда из какого-то периферийного университета.

— Николка, как ты думаешь, мы успеем до старости получить хоть полкило антижелеза?

— Ты что, забыла? — чуть было не выругался Молчанов.

— Ах, да! Конспирация! Ну, ладно, полкило икса? Успеем?

— Замолчи, Нонка!

На стене вспыхнуло красное табло: «Приготовиться!» Оно загорается за десять минут до включения космотронов. К этому моменту все электронные приборы успевают прийти в стабильный режим.

— Николка, а верно, что наш приборчик жрет энергию, которой хватило бы для суточного освещения всей Москвы? — шепотом спросила Нонна.

— Да.

— А нельзя сделать, чтобы поэкономнее...

— Нет.

— Просто думать лень... Наверное, можно.

— Смотри за счетчиком и не болтай. Господи, вот на мою голову...

— Не на твою, а на Сашкину.

Николай хотел ей ответить что-то, но в это время лаборатория начала наполняться все возрастающим гулом, как будто бы приближалась гроза, страшная, неотвратимая, потрясающая все до основания...

Несмотря на специальные инженерные меры, стены лаборатории дрожали, дребезжали стекла. Световой зайчик фотометра потерял свою четкость, и яркая точка расплывалась в крохотный кружок.

— На какой энергии работаем? — спросил он Кириллину.

— Четыреста миллиардов... Сегодня они поставили ловушки для антипротонов.

— Чтобы после загнать их в линейный?

— Да. Первый опыт по слипанию...

Сегодня проверялась схема Котонаева. Он рассчитал, при каких энергиях антинуклоны будут слипаться в ядра антидейтерия. Это первый шаг... А впереди — половина периодической системы. Молчанов почувствовал, что «икс» чудовищно недостижим.

Может быть, Нонна не такая уж и глупая, как кажется?

С увеличением энергии гул постепенно нарастал.

— Семьсот бэв, — прошептала Нонна. — Ты знаешь, Николай, мне иногда становится страшно... Ого, началось!

— Что?

— Появились тяжелые частицы... На выходе линейного ускорителя...

Перед девушкой стоял счетчик, проградуированный по атомным весам. Сюда от автоматического масс-спектрометра приходили данные о составе антивещества...

— Атомные числа? — спросил Николай.

— Один, два, три, есть четыре...

— Гелий? Альфа, вернее, анти-альфа?

— Наверное...

— Ты записываешь?

— Да... И автоматическая регистрация...

Гул скачком превратился в рев, как от могучих моторов турбореактивного самолета.

— Ой, тринадцать! Появилось тринадцать!

— Антиазот?

— Наверное...

Стоп! Все смолкло, только стекла вздрогнули еще несколько раз... Эксперимент окончен. Он длился всего пять минут.

Молчанов оторвался от фотометра. Пока ему еще ничего не было известно. Где-то там, далеко в павильоне, стояла пузырьковая камера, сквозь которую проходил совершающий развертку световой луч. Здесь оптическая система вырисовывала на фотографической пластинке все, что происходило в камере. Только после проявления можно будет сказать, что же там происходило.

Он осторожно вытащил кассету и пошел в фотолабораторию.

— Можно, я с тобой? Мне хочется посмотреть...

Николай в нерешительности остановился. Впрочем, пусть идет...

Приглушенный красный свет. Прямо под фонарем кювета, наполненная свежим проявителем. На дне — автоматически поднимающийся столик. На столике проведена жирная черная линия. Как только она станет видна сквозь пластинку, процесс можно заканчивать.

Во время проявления Николай и Нонна склонились над кюветой, внимательно всматриваясь в медленно возникающие черные треки. Их щеки почти соприкасались, но они этого даже не замечали.

— Смотри, какие здесь жирные...

— Точно. Это — тяжелые ядра. А вот и взрыв! Какая вспышка!

— Жуть, правда?

— Да. Не сопи мне в ухо. Вот еще один жирный трек, в несколько раз толще этого!

Николай присвистнул.

— Черт возьми! А взрыва нет! Значит, ядро вылетело за пределы камеры.

Проявочный столик подпрыгнул, зашипела вода. Через секунду пластинка плавно опустилась в новый раствор.

До конца дня они просидели молча. Он под микроскопом рассматривал треки, а она записывала в тетрадь данные масс-спектрометра. Ему было очень приятно, что Нонна не болтает. Он любил, чтобы его никто не тревожил, когда он углубляется в изучение фотографий таинственного мира, который уже давным-давно исчез...

4.

Весть о том, что во встречных пучках синтезировались ядра тяжелых антиэлементов, быстро стала достоянием ведущих ученых института. Этому событию было посвящено особое заседание ученого совета, на котором все искренне поздравляли Котонаева, его теоретиков. Было высказано много различных предложений относительно дальнейших исследований.

Результаты оказались столь обнадеживающими, что никто не подозревал, что настоящие трудности только начинаются. Как часто первые успехи научного исследования маскируют непреодолимые барьеры и препятствия!

На ученом совете молчали только два человека: профессор Соколов и Саша Самарский. Соколов понимал, что сейчас, когда людей охватил такой энтузиазм, было бы нетактично вносить в умы сумятицу и неуверенность, тем более, что уже в институте кое-где начали поговаривать, что «наступил кризис идей»...

Самарский думал о недавнем очень странном разговоре с инженером-вакуумщиком Алексеем Гржимайло.

— Самарский, я хочу вам что-то сказать,— начал Гржимайло неуверенно.— Вот уже несколько дней ходит по территории института один парень. Ходит себе и ходит, какой-то новенький.

— Как это так?

— Очень просто. Он попадался мне несколько раз. Скуластый, небольшого роста. В сером свитере. Лето, а он в свитере...

— Ну и что?

— Я подумал, что он из механического отдела. Там всегда текучка. Но вот захожу я как-то вечером в теоретический сектор. Смотрю — дверь в кабинет Котонаева открыта. Заглянул — сидит этот парень. Перед ним блокнот, и он списывает что-то с доски. Формулы какие-то. Он посмотрел на меня поверх очков (он в таких толстенных очках) и как гаркнет: «Что вам здесь надо?» Я опешил. Решил — не механик, а новый теоретик или что-нибудь в этом роде...

— И что было дальше?

— Ничего. Я ушел.

— А дежурного вы спросили?

— Нет.

— Почему?

Гржимайло недоуменно пожал плечами.

— Как-то неудобно было. Да и какое я имею отношение к теоретическому сектору...

Самарский задумался. Невысокий, скуластый, в очках, в сером свитере. Что-то не помнил он такого.

— А после вы его встречали?

— Нет...

И вот сейчас идет бурное заседание ученого совета, а он, Самарский, смотрит в огромное окно и почему-то с тревогой вспоминает то, что рассказал ему инженер Гржимайло.

5.

Они вошли в громадный павильон, где стоял ускоритель. Они бывали здесь часто, но днем, во время работы, здесь всегда что-то гудело, стучало, скрежетало, и шум мешал осмотреться вокруг и почувствовать грандиозность сооружения.

Сейчас, при ярком электрическом освещении, огромный молчаливый зал походил на цирковую арену, подготовленную для фантастического представления. Сверху над ним нависало ажурное кружево металлических переплетений. Оно поддерживало стеклянный купол, балконы и антресоли, заставленные приборами, щитами и приборными досками. Внизу, возле расположенных по кругу бетонных колонн, изгибалась тороидальная камера ускорителя высотой в два человеческих роста. Камеру здесь называли ласково — «баранка».

Если подняться на металлическую площадку над ускорителем, то на противоположной стороне арены можно заметить скрывающееся в полумраке прямоугольное бетонное сооружение, за которым виднелась еще одна керамическая труба. Она проходила сквозь толстую стену цирка и попадала в двухэтажную пристройку. С противоположной стороны туда входила такая же труба от второго ускорителя. В этом двухэтажном доме пучки ядерных частиц встречались. Там-то и разыгралась самая большая «ядерная трагедия», которую только можно было себе представить.

— Ну и приборчик, — благоговейным шепотом произнес Терехин, обводя восхищенным взглядом зал. — Этакая штука, видимо, стоит не одну копейку.

— На нее денег не жалко, — заметил Гржимайло. — При помощи нее наши специалисты собираются создать новое вещество.

Терехин посмотрел на инженера с удивлением.

— А я думал, что вещества делаются другим способом. В школе на уроках химии я видел, как из двух ве-

ществ делается третье. Там все это происходило в пробирке или в колбе. Не верится, что для получения нового вещества нужно строить такую машину. Здесь, насколько я понимаю, расщепляют атомное ядро.

— Ну вот! — воскликнул Гржимайло и засмеялся. — Ядро давным-давно уже расщепили. Здесь дело не в расщеплении, а в получении нового вещества. Только я не знаю, что это за вещество.

Они по мостику прошли над торондом, спустились в центр здания и приблизились к инжектору.

— Это здесь, — сказал Гржимайло. — Кулагин говорил, что течет третий вентиль.

Согнувшись, механик и инженер подползли под электромагнитом и оказались возле бронзовой двери, прижатой к раме четырьмя огромными никелированными гайками.

— Что нужно делать? — спросил Терехин.

— Сейчас мы откроем камеру и посмотрим, не трескалась ли вакуумная прокладка. Возможно, внутрь камеры попал кусок резины, и она газит. Из-за этого два дня машина не работает.

Они стали молча отвертывать гайки. Затем Терехин потянул ручку двери.

— Включи боковой свет, — попросил Гржимайло.

Терехин щелкнул рубильником.

— Вроде все в порядке, — сказал Терехин, заглядывая внутрь.

— Все, да не все. Смотри, на кольце вмятина. Может быть, течь именно здесь.

— Тут можно положить замазку из сплава. А мне кажется другое. Смотри, противоположная стенка камеры на месте сварного шва немного прогнулась. Может быть, там есть трещина?

Они влезли внутрь камеры и стали внимательно разглядывать сварной шов.

— Что вы здесь делаете? — вдруг услышали они голос за своей спиной.

Оба резко обернулись и увидели дежурного инженера Абрамова.

— Добрый вечер, Василий Анисимович! Вот, с вентилем что-то не в порядке, — произнес Терехин. Гржимайло продолжал рассматривать камеру изнутри.

— Как вы собираетесь действовать?

— Вот сейчас немного повозимся, что можно, сделаем, а потом включим для пробы насосы.

— Ну, хорошо. Только перед включением насосов позвоните мне. Я приду посмотреть.

— Хорошо, товарищ начальник, — ответил Гржимайло, не глядя на дежурного.

Тот бесшумно обошел камеру, нагнулся и исчез под башмаком электромагнита.

— Между прочим, очень неприятный тип, — заметил Терехин и вошел в камеру. Там он достал из кармана небольшой пузырек с жидкостью и, намочив в ней фланелевую тряпку, протер сварной шов.

— Ну и камера. Целая квартира. И подумать только, из нее за пять минут выкачивают весь воздух, — сказал он, освещая шов ультрафиолетовыми лучами портативной лампы. Шов ярко засиял желтым светом.

— Ага. Вот, есть. Трещина! — воскликнул он.

Действительно, вдоль шва ярко светилась узкая полоса.

— Ну, это просто. У тебя есть паста? — спросил Гржимайло.

— Нет. Оставил в мастерских, — ответил растерянно Терехин.

Гржимайло посмотрел на механика и улыбнулся:

— Ворона! Идешь на работу без замазки.

— Да я сейчас сбегая, мигом, — заторопился механик.

— Мигом. Легко сказать. Бежать почти полкилометра.

— Я быстро. В два счета.

Терехин вернулся только минут через пятнадцать. К его удивлению, дверь в павильон оказалась запертой, и на его стук никто не отозвался.

Перед ним выросла фигура вахтера в брезентовом плаще.

— Вы Терехин? — спросил вахтер.

— Да, — растерянно ответил механик. — Вот, бегал за материалом, а тут заперлись.

— Медленно бегали, — сказал вахтер. — Ваш начальник, наверное, все исправил и ушел домой.

Терехин оторопел.

— А насосы запускали?

— Этого я не знаю...

Ничего не понимая, Терехин направился к проходной. Он решил, что действительно ходил в мастерскую

очень долго. Неудобно получилось. Инженеру пришлось делать его, механика, работу. Но даже если так? Почему он не подождал минут пять? И разве можно проверить вакуум за такой короткий срок? Качать нужно было бы минимум минут двадцать.

В проходной он взял телефонную трубку и позвонил на насосную станцию.

— Курилин? Что это ты так мало качал?

— Сколько потребовали, столько и качал,— ответил Курилин.— Мое дело маленькое.

Терехин домой шел медленно, думая, как нехорошо поступил Гржимайло. Дома он быстро уснул, не подозревая, что в тот вечер произошло страшное событие.

6.

Антивещество, с горечью думал Николай, странная штука! Может быть, где-то во Вселенной его так же много, как обычного вещества в нашем мире. Может быть, за пределами Метагалактики существуют целые вселенные, в которых все состоит из антивещества! А здесь, на Земле, для того чтобы получить всего несколько антинуклонов, приходится строить гигантские установки на миллиардные мощности... Природа дорого берет за то, чтобы раскрыть свои сокровенные тайны. Сотни миллиардов электроновольт для того, чтобы экспериментатор любовался невиданной материей миллиардную долю секунды! Он не видит античастиц. Он видит лишь их тень, их следы в форме прямых линий в толстых фотографических эмульсиях, линий, которые вдруг кончаются и разбиваются на множество других линий, расходящихся в разные стороны. Эти крохотные черные звезды — свидетели катастроф, разразившихся в таинственном микромире античастиц.

Миллиардная доля секунды! Черт возьми, для того ли мы живем и трудимся, чтобы любоваться зрелищем, протекающим в миллионы раз быстрее, чем мысль? Для этого ли в институтах собрались сотни талантливых и умных людей, чтобы устроить себе феерический и дорогостоящий спектакль — смотреть, как рождаются и гибнут античастицы? «Кладбище антипротонов», — вспомнил Николай слова Самарского, сказанные по поводу

одной из проявленных фотопластинок. Действительно, никто никогда не видел античастиц, но зато любой мог любоваться кладбищем, где они захоронены.

Николай тяжело опустился за письменный стол и крепко сжал голову руками. Перед глазами проплывали странные видения. Звезды, звезды, звезды. Тысячи черных звезд на проявленных эмульсиях. Сколько он их пересмотрел за последние дни! Глаза болели от того, что он дни напролет прижимал их к окуляру микроскопа. И в поле зрения только звезды, звезды...

Неужели нельзя проклятые микросекунды растянуть? Неужели нет способа сохранить антивещество на длительное время, посмотреть на него, каково оно? Вот так, чтобы оно лежало в виде глыбы металла или как кристалл. Посмотреть бы на антикварц или антизолото, или антижелезо! Как укротить эту беспокойную могучую силу и создать небольшой кусочек антимира здесь, на Земле?

Звезды, звезды, звезды... От них и от мыслей, связанных с ними, мозг разрывался на части.

Он представил себе античастицу в виде ослепительно яркой звездочки, которая влетает из ускорителя в сосуд, из которого выкачан весь воздух. Она завертелась по кругу вначале быстро, затем все медленнее и медленнее, и вот, наконец, остановилась, повисла в пространстве, вся сияющая, ослепительная... А затем она начала медленно падать вниз под действием силы тяжести. «Все тела притягиваются друг к другу...», — слышался голос школьного учителя.

Античастица медленно падает. Наконец, она касается стенки и взрывается, как фейерверк.

Опять звезда...

МЮЛЛЕР

1.

Френк давно хотел встретиться с Мюллером, но как-то бессознательно откладывал встречу. Знакомясь с его расчетами и теоретическими построениями, он сразу почувствовал в этом незнакомом ему человеке огромную

интеллектуальную силу, ту силу физика-теоретика, перед которой обычно преклоняются даже самые блестящие экспериментаторы.

Сам незаурядный теоретик, Френк ощутил себя мальчишкой по сравнению с не знакомым ему Мюллером. Масла в огонь подливал Родштейн.

— Ну, как? — обычно спрашивал он сильным пропитым голосом, заглядывая через плечо Френка, когда тот читал тетради Мюллера.

— Гениально. Гигант! Невероятно!

— Кушайте на здоровье, — говорил Родштейн и, зло хихикая, уходил к своей аппаратуре.

Это «кушайте на здоровье» и удерживало Френка от встречи с Мюллером.

И вот однажды в воскресный вечер он все же решил встретиться с Мюллером. Он долго слонялся по берегу моря и наконец подошел к причалу. Часовой одобрительно кивнул, и Френк, усевшись за руль моторного катера, отправился на остров Сардонео.

Когда он подъезжал к берегу, его немного лихорадило. С трудом сдерживая волнение, он полез за сигаретами и обнаружил, что забыл их в лаборатории. Это несчастье совершенно повергло его в панику, так как он знал, что теперь никакими средствами ему не удастся скрыть свое волнение.

— Где живет доктор Мюллер? — спросил он у часового на другой стороне пролива.

Тот кивнул в сторону одноэтажных домов.

— Сигареты у тебя есть, парень? — спросил Френк.

— На посту не разрешается. Оставляем в караульном помещении.

К дому он шел медленно, обдумывая, как он начнет разговор с Мюллером. Все обычные обращения казались ему глупыми и вульгарными. А тут еще эти проклятые сигареты...

Ноги как-то сами, без участия сознания, несли Френка к дому. У двери он остановился и посмотрел на освещенное окно.

Вот здесь рождается то, чем мы, как пауки, питаемся. Чужие мысли.

Он постучал.

— Разрешите войти? — спросил Френк чужим голосом и приоткрыл дверь.

В комнате он увидел человека возле радиоприемника. Из приемника доносилась тихая музыка. Она показалась Френку знакомой. Бетховен, вспомнил он. Сердце его на мгновение сжалось.

— Я вам не помешал? — спросил он громче.

Мюллер вскинул голову и взглянул на Френка. Несколько секунд они молча разглядывали друг друга.

— Вы меня извините. Я приехал сюда к одному, э-э, приятелю и забыл сигареты... Чертовски захотелось закурить. Вспомнил, что вы живете здесь. Я Френк Долори.

— А, входите, входите, — Мюллер улыбнулся и поднялся со стула.

Френк прошел в комнату, подошел к радиоприемнику и зачем-то повернул ручку громкости.

— Бетховен? — спросил он.

— Да. Героическая симфония.

— Напоминает вам родину?

— Да, — ответил Мюллер просто.

Несколько минут они молча слушали музыку. Френку показалось, что Мюллер совершенно о нем забыл.

— Вы знаете, мне показалось, что я уже когда-то вас видел...

— Так обычно говорят, когда хотят познакомиться с девушкой, — произнес Мюллер чуть насмешливо.

— Вы мне не верите?

— Нет, почему же, верю. Впрочем, какое это имеет значение?

«Конечно, он считает меня одним из шайки Семвола», — с горечью подумал Френк.

— Кстати, вы хотели закурить. Сигареты на письменном столе в соседней комнате, — сказал Мюллер, не отрываясь от приемника.

Музыка становилась громче и величественнее.

Френк встал и прошел в соседнюю комнату.

Несколько секунд он стоял перед письменным столом, заваленным бумагами и книгами. Они были освещены резким кругом яркой настольной лампы. Под пепельницей он увидел листок бумаги, исписанный его собственной рукой. Это была формулировка очередной задачи.

— Мне не очень нравится, как вы ставите задачи. Сразу чувствуется, что у вас не европейская школа.

Френк резко повернулся и увидел в яркоосвещенном прямоугольнике двери Мюллера.

— Чем вам не нравятся мои формулировки? — спросил он.

— Мелочной конкретностью. Вы, наверное, думаете, что чем больше вы сужаете задачу, тем легче ее решить.

Френк на минуту задумался.

— В теоретической физике в подавляющем большинстве случаев значительно проще разобрать более общую задачу, а затем из нее получить частное решение. Вот, например, здесь. Смотрите...

— Верно, — пробормотал Френк, быстро пробегая глазами стройные ряды уравнений и формул. — Вы правы. Это действительно методологический недостаток нашей математической школы. А может и больше — нашей узко коммерческой философии.

— Не знаю, относится ли это к вашей философии. Меня это сейчас не интересует.

— Напрасно, — прервал его Френк. — Если вы хотите доискаться причин, почему мы (он постыдился сказать «я») так ставим теоретические задачи, вы должны смотреть на вещи более глубоко.

— Я просто не подозревал, что у вас существует особый подход к решению проблем.

— Увы, это так, — произнес Френк и вдруг снова почувствовал себя перед этим высоким голубоглазым блондином бестолковым мальчишкой, наделенным незаслуженной властью. Ему мучительно захотелось, чтобы Мюллер не думал о нем ничего плохого.

— Вам здесь удобно работать и... жить? — спросил он.

— А вам? — спросил Мюллер. — Вы ведь тоже, кажется, здесь не дома.

— Ну, я... — начал Френк. — Я привык...

— А я тем более. Я пережил войну и привык решать под бомбежкой дифференциальные уравнения в частных производных.

— Нет, право, может быть, вам чего-нибудь недостает? — настаивал Френк.

— Если хотите, да, — ответил Мюллер очень просто и вышел в комнату, где через динамик приемника вырывались финальные аккорды Героической симфонии Бетховена.

— Чего?

— Общества умных и порядочных людей.

— Разве среди ваших товарищей здесь нет умных и порядочных людей?

— Умные есть. Порядочные встречаются тоже, но очень редко. Более того, те, кто наделен этим качеством, его скрывают. Говорят, оно сейчас не модно.

— А разве не все умные люди порядочны? — спросил Френк.

— Увы, нет. — Мюллер улыбнулся. — Разве вы еще не сделали этого элементарного, но важного открытия?

— Я просто над этим не задумывался.

— Значит, вам легко живется, — сказал Мюллер и повернул ручку радиоприемника. Тот умолк. — Вы любите Бетховена?

— Иногда. Когда я учился в университете, мне приходилось играть в джазе. Идемте, я хочу с вами кое о чем проконсультироваться.

Склонившись над письменным столом, они до двух часов ночи писали уравнения, рисовали графики, подсчитывали эффективные сечения реакций. Они то с жаром спорили, то приходили к соглашению и вместе смеялись над своими заблуждениями.

— С этим можно возиться до бесконечности! — весело воскликнул Френк. — Скажу вам откровенно, голова у вас работает отлично. Это правда.

— Ради бога, не завидуйте. Может быть, поэтому я сюда и попал.

— Черт возьми, а ведь верно! Да ладно. В конечном счете, большая физика — увлекательная вещь.

— Хорошо. Возьмите сигарет на дорогу.

2.

— Ваш теоретик не дает того, что нам нужно, — объявил Семвол, когда Френк вошел к нему в кабинет.

— Ого, вы начинаете вникать в существо теоретической физики? Вам ли судить, делает или не делает теоретик то, что мне нужно?

Френк уселся на край стола и посмотрел на Семвола сверху вниз.

— Я утверждаю, Долори, он или не такой талантливый, как вы думаете, или просто хитрит. — Сколько вре-

мении прошло с тех пор, как вы поставили ему задачу рассчитать способ или метод, или как вы его там на своем собачьем языке называете, хранения антивещества?

Френк слез со стола. Немного помолчав, он сказал:

— Около месяца назад.

— И что он сделал?

— Многое.

— Что конкретно он предлагает? Нам не нужны теории, нам нужны камеры.

— Пока ни один из рассмотренных случаев не дает желаемого результата. Хранилища получаются неустойчивыми.

— Н-да... Может быть, он действительно не знает, как это сделать, или... Впрочем, сейчас все станет ясно.

Он протянул Френку большой желтый листок бумаги, перегнув его пополам.

— Читайте то, что внизу. Остальное вас не касается.

Френк взглянул, и на его лице изобразилось крайнее изумление.

— А теперь рассказывайте, что значит вся эта тарбарщина,— потребовал Семвол повеселевшим голосом.

Фрэнк громко присвистнул.

— Здорово! А какого дьявола здесь такая огромная магнитная проницаемость? Стоп. Да ведь такая проницаемость у железа! Причем тут железо!

— Причем, Френк, тут железо? — наклонившись через стол, спросил его Семвол.

— Одну секунду. Это уравнение описывает динамическое состояние ферромагнитного вещества в периодическом магнитном поле с учетом силы тяжести...

— Ну и что? — спросил Семвол, не сводя глаз с удивленного лица Френка.

— Где продолжение расчета?

— Это все, Френк,— сказал Семвол.— Это все, что нам пока удалось выудить. Вам это что-нибудь говорит?

— Будь я проклят, если в этих двух строчках не заложена здравая мысль! Ведь хранение может быть обеспечено не статическими, а динамическими полями! Разновесные орбиты в циклических ускорителях, устойчивые колебания под действием периодических сил...

— Значит, есть люди поумнее вашего Мюллера,— с издевкой заметил Семвол.

Френк очнулся от изумления и резко спросил:

— Где вы это взяли?

— Это вам подарок от наших русских соперников,— ответил Семвол.

— Подарок? — растерялся Френк.

— Ну-ну, не совсем. Во всяком случае, именно эти две строчки были написаны на черной доске в большой физической аудитории одного института. Их написал доктор Котонаев! Эти строки были написаны в связи с обсуждением задачи хранения антивещества.

Френк вытарашил глаза.

— Значит, там, у Котонаева, ваши шпионы!..

— О, не кричите так громко! При чем тут шпионы? Ведь мы же не украли доклад доктора Котонаева. Это просто невозможно. Нам достались всего две строки какой-то тарабарщины. И, как я сейчас вижу, их оказывается вполне достаточно, чтобы сдвинуть вас и вашего Мюллера с мертвой точки. Не так ли?

— Вы украли у русских идею! — запальчиво воскликнул Френк.— Это нечестная игра! Вы держите там, в институте, шпиона. Вы...

— Садитесь, Френк, и успокойтесь.— Этот человек, так сказать, шпион, сидит и собирает крохи. Он выбирает только самое важное. Для этого он должен быть специалистом. Он передает эти крохи сюда, к нам. И вот здесь-то и начинается настоящая работа. Это, Френк, исследовательская, я бы сказал, научно-исследовательская работа.

— И все равно...

— Пример с этими уравнениями,— продолжал Семвол, не обращая внимания на Френка.— Простому смертному они ничего не говорят. Но стоило их показать специалисту, вам, и сразу раскрылась их огромная ценность. К счастью, в науке во всем мире применяются одни и те же обозначения. Это облегчает работу нашей разведке...

— Послушайте, Семвол, вы говорите «наша разведка». Неужели вы действительно дошли до того, что стали шпионить даже за наукой? Неужели вам мало пакостить в военных делах, в промышленности, в политике?

— Боже, я никогда не подозревал, что вы такой младенец! Да разве вы не понимаете, что военное дело,

промышленность, наконец, политика — все это результат научного прогресса! Шпионаж в науке — это дальняя разведка. Зная науку противника сегодня, мы можем предсказать его экономику, промышленность и военный потенциал на годы вперед.

Френк внезапно ощутил реальность того, о чем говорил Семвол. «Научная теория — это модель будущей жизни, выраженная в символах», — вспомнил он слова профессора Фейта. Как он был глубоко прав! Имея в руках такую модель, легко воссоздать настоящую и будущую действительность. Так вот в чем смысл этой «разведки Семвола»!

Френк еще раз глянул на две строки дифференциальных уравнений и на магнитную восприимчивость, обведенную красным кружком. Ему стало не по себе.

Он встал и хотел было покинуть кабинет. Семвол преградил ему путь.

— Так мы не выяснили вопрос. Почему Мюллер не додумался до всего этого? — он потряс листком бумаги.

— Потому что он — Мюллер, а тот, кто до этого додумался, умнее Мюллера.

— Вы уверены?

— Абсолютно, — подтвердил Френк.

— Хорошо, если это так. В таком случае изложите Мюллеру новые соображения насчет хранилища. Конечно, не говорите ему, что это из России. Пусть идея как бы исходит от нас, вернее, от вас, Френк.

3.

Он сидел в кафе и крупными глотками пил холодный кофе. Было уже за полночь, но Френк забыл о времени, потому что его голова была занята мыслями, которые так неожиданно нахлынули после разговора с Семволем.

Он всегда думал, что расчеты, сведения, цифры и факты, систематизированные и аккуратно занесенные на карточки, — результат тщательной обработки научных журналов, монографий и докладов. И вдруг оказалось, что среди всего этого богатства имеются ворованные мысли.

Теперь он мучительно вспоминал все свои собствен-

ные или казавшиеся ему собственными открытия и удачи и с ужасом заметил, что они свершались после того, как он добрый час-полтора покопается в карте-теке. Где-то есть прямое решение, где-то лишь намек, кто-то обронил неоформившуюся догадку, кто-то исправил ошибку в чужих вычислениях...

Он поежился от мысли, что, может быть, им самим ничего и не придумано, ничего не открыто и что он всего лишь компилятор, а настоящего научного мышления у него нет и никогда не будет...

Френк не заметил, как в кафе вошла Герда Кьюз. С этой певицей из местного мюзик-холла он встречался раз или два в компании подвыпивших друзей-физиков. Она была чертовски красива, но даже по стандартам «атомного века» слишком вульгарна...

— Добрый вечер, Долори,— произнесла она, садясь за столик. На ней было изрядно помятое вечернее платье и от нее пахло вином.— Мне тоже чашку холодного кофе,— приказала она официанту,— с коньяком. Да перестаньте смотреть сквозь меня,— тряхнула она Френка за плечо.— Неужели я вам не нравлюсь?

— Вы? Как сказать... Временами.

— Замечательно! Вы знаете, молодые женщины боятся, если на них не обращают внимания. Неужели я хуже Лиз?

— Вы красивее Лиз, но вы хуже нее.

Герда закурила.

— Я это знаю, Френк. И мне это очень неприятно...

— Все зависит от вас.

— От меня? О нет, от меня уже ничего не зависит. Все зависит теперь от вас, как вы там называетесь, от физиков, от ученых, будьте вы прокляты.

Френк улыбнулся.

— Что это вы вдруг ополчились на физиков?

— Как будто бы вы не знаете! А кто уничтожил несколько сотен тысяч людей при помощи адской бомбы? А разве вы, лично вы, Френк, не придумываете сейчас такое, за что люди расплатятся миллионами жизней?

— Герда, вы слишком мрачно смотрите на вещи. Сейчас мы стоим на грани такого, после чего можно приниматься за стронительство настоящего Эдема.

Кьюз посмотрела на него исподлобья и расхохоталась.

— И все-то вы врете. Остальные говорят совсем другое. Знаете, как мне говорят? «Не ломайся, милочка, все равно завтра мы превратимся в космическую пыль». Вот как говорят. Ну, а раз в пыль...

— Вы просто дура, обыкновенная слабовольная дура.

— Спасибо. Мне с детства говорили, что я дура. Но только вы врете. Кстати, я недавно выступала на Сардонео. В первом ряду я заметила высокого блондина с огромными детскими глазами. Он чем-то напоминает вас. Вы не знаете, кто это?

— Его фамилия Мюллер. Он очень толковый парень. Они заказали еще по чашке кофе с коньяком.

Герда наклонилась близко к Френку и, скривив презрительно губы, сказала:

— А ведь действительно среди вашей братии есть дрянь, Френк. Настоящие скоты, хотя и называются учеными.

— Не называйте их, пожалуйста, учеными. Ученые скотами быть не могут. Это все публика, которая подделывается под ученых, потому что сейчас это модно и выгодно.

— Если бы вы знали, как с вами приятно поговорить. Как будто попадешь в другой мир, хороший, чистый... Такой, каким он мне казался, когда я была маленькая...

Они долго молчали. Официант дремал в углу на стуле. За стойкой, громко сопя, спал бармен.

— С вами даже молчать приятно. Какая счастливая Лиз... Так вы говорите, этот голубоглазый блондин и есть Мюллер?

— Что он вам дался?

— Я в него просто влюбилась, потому что люблю вас,— сказала она, не переставая смеяться. Ее захмелевшие глаза ярко блестели из-под ресниц.— А Онто делает гадость по отношению к Мюллеру.

— Какую же гадость сделал Онто?

Герда поднялась из-за столика и устало потянулась.

— Вы меня проводите домой, Френк?

— Провожу.

Она тяжело опиралась на его руку. Они вышли на набережную. В ярком кругу света стоял часовой, а рядом с ним, расталкивая на волнах друг друга, покачи-

вались лодки. С востока дул влажный прохладный ветерок.

— Правда, Френк, я вас очень люблю. А вы меня нет.

— Не могу же я любить сразу нескольких женщин.

— А почему другие могут? — она захныкала, как капризная девчонка.

— Потому, что они никого не любят. Какую гадость сделал Онто по отношению к Мюллеру?

— А, чепуха. Вы меня все равно не любите.

Френк видел, что она сильно захмелела.

— Ну, люблю, люблю, Герда.

— Поцелуйте меня.

Он коснулся губами ее щеки.

— Онто записал на магнитофон голос Мюллера.

— Голос Мюллера? — удивился Френк.

— Да. Он пел какие-то свои песни, а Онто записал. Он мне так и сказал: «Хочешь послушать, как поют физики-теоретики?» Я сказала, что хочу. Он и включил пленку. Я спросила, что это за артист. А он сказал: «Дружок Френка, Мюллер». И стал смеяться над Мюллером, потому что у него такой плохой голос... Я рассердилась и убежала.

— Мюллер только пел или говорил что-нибудь?

— Только пел. Очень плохо, Френк. Хуже, чем я, — ответила Герда заплетающимся языком. Она повисла на его руке и еле передвигала ноги. Он с трудом дотащил ее до дверей квартиры.

На следующий день он поехал на остров Сардонео. Громко, чтобы те, кто записывал разговоры, не пропустили ни одного слова, он приказал Мюллеру:

— К черту пока реактор. Нужно вот это!

— Задача номер 330? Гм... О! — Мюллер замолк на полуслове.

В тетради Долори вместе с формулировкой задачи лежала записка, в которой огромными буквами было выведено:

«Не орите! Все, что вы говорите, поете, слушаете по радио, а также все наши разговоры с вами подслушиваются и записываются».

— Вам ясно? — спросил он Мюллера официальным голосом.

— Да.

— Выполняйте. Это нужно срочно.

Френк обдумал схему хранилища для антижелеза. Оставались некоторые детали, которые требовали специального расчета.

В один из дней, когда в главном павильоне ремонтировали компрессорные установки и ускорители не работали, он снова отправился на Сардонео. Мюллер встретил его громкими веселыми приветствиями.

Они уселись рядом за письменный стол и вооружились карандашами.

— Итак, вопрос с хранением, кажется, можно решить, — сказал Френк глухим голосом.

— Правда? И именно поэтому у вас такая постная физиономия? Или вы просто хорошо играете роль скромного труженика науки!

«Я действительно такой и есть», — подумал Френк, но сказал совсем другое.

— Проектируя ловушки для антивещества, мы с вами исходили только из статических полей, заведомо зная, что хранилища будут нестабильны.

— Не только это, Френк. Я рассмотрел задачу о динамической устойчивости античастиц на циклических орбитах. Собственно, здесь нет ничего нового по сравнению с классическим рассмотрением циклотрона.

— Да, но мы пришли к выводу, что такой метод хранения будет неудобен, потому что так можно хранить не вещество, а антиуклоны.

Мюллер кивнул головой, внимательно глядя на Френка.

— Вот здесь-то и есть, оказывается, одна возможность.

— Какая?

— Нужно создавать ядра химических элементов и снабжать их позитронными оболочками. Другими словами, нужно изготовить из них антиатомы.

Мюллер засмеялся.

— Теоретически это нехитрое дело. Но как только появятся электрически нейтральные антиатомы, вы с ними ничего не сможете сделать. Вашим непреодолимым врагом будет сила тяжести.

Френк лукаво улыбнулся. Хотя мысли принадлежали

не ему, он ими восхищался вдвойне, потому что даже Мюллер не мог сразу найти решение.

— Все зависит от того, какие антиатомы мы будем синтезировать.

— Любые, — ответил тот и встал из-за стола. — Разве только вам удалось придумать вещество, которое не обладает массой.

— Наоборот, это вещество обладает массой и сравнительно высоким атомным весом.

— Каким? — удивленно спросил Мюллер.

— Пятьдесят шесть.

— Пятьдесят шесть? Черт возьми, да ведь это железо!

— Да, железо.

— Ну и что же? Что вы с ним будете делать дальше?

— Железо — ферромагнетик, с высокой магнитной проницаемостью. Оно легко намагничивается в магнитном поле.

Мюллер нахмурил брови.

— Ну...

— Действие магнитного поля будет большое, а главное, управляемое.

— Вы предлагаете антижелезо подвесить в статическом магнитном поле?

— Нет, это неустойчивый вариант. Наоборот, его нужно заставить совершать колебания под действием периодического магнитного поля. Тяжесть будет постоянной составляющей. Вот уравнение колебаний.

Френк написал на листке бумаги уравнение.

Этого было достаточно. Мюллер выхватил листок бумаги и лихорадочно продолжал писать. Несколько минут в комнате было слышно лишь порывистое дыхание и скрип его карандаша.

Когда решение уравнения было найдено, Мюллер восхищенно посмотрел на Френка.

— Решение устойчиво. Кусок железа действительно можно подвесить в вакууме! Вы гений, Долори!

Френк отодвинулся в сторону. На его лице появилась болезненная гримаса. Он нерешительно покачал головой.

— Дорогой мой Френк, да ведь вы придумали такую чудесную штуку!

Френк взял лист бумаги и медленно написал на нем:

«Ничего не говорите. Это придумал не я».

— А вы уверены, что решение действительно устойчиво? — спросил он Мюллера, не сводя с него глаз.

Мюллер стоял с полукруглым ртом.

— Да, да... То есть, конечно, уверен. Давайте возьмем для проверки вариацию по координате и найдем минимум потенциальной энергии...

На том же листе он написал:

«А кто?»

«Русские. Это выудили у доктора Котонаева».

«Выудили? А как это попало к вам?»

«Это украдено».

Мюллер сильно потер лоб. Губы сжались в тонкую линию.

«Я к этому воровству не имею никакого отношения. Мне просто передали и назвали источник».

— Да, решение действительно устойчиво, — сказал Мюллер. Голос у него был сдавленный, хриплый. Он написал:

«Вы уверены, что это украдено у русских?»

— Давайте проварьировем решение по скорости, — сказал Френк.

«Абсолютно. Там у них есть шпион».

— Черт возьми. Решение действительно устойчиво по всем параметрам. Я теперь представляю, как нужно сделать ловушку.

«Это скверно. Но вы не должны никому говорить о том, что я вам сообщил», — написал Френк.

Будьте спокойны. Об этом никто не узнает», — написал Мюллер и молча пожал руку Френку.

— Хорошо. Даю вам три дня срока. Мне нужно следующее: энергии античастиц, при которых идет синтез антижелеза, и также значение и конфигурация полей.

— Ясно, господин Долори, — сказал Мюллер, все еще сжимая руку Френка. — Расчет будет выполнен.

— До свидания.

— До свидания, господин Долори.

После ухода Френка Мюллер долго смотрел на листок бумаги с их молчаливым разговором. Затем он чиркнул спичкой и сжег его...

Воровство чужих научных идей. Подслушивание разговоров!..

У Мюллера по спине пробежал холодок, колющий озноб от внезапно нахлынувших воспоминаний об Отдельной лаборатории. Все это ему знакомо. Он вспомнил, как его предупреждал доктор Роберто:

— Не говорите так громко. Вас могут услышать и... Или:

— Вы знаете, что я случайно обнаружил в рабочей тетради Хейнса? Сочинение на тему «Психологический анализ политических взглядов доктора Мюллера»! Будьте осторожны.

Мюллер знал, что Хейнс, возглавляя информационную работу в лаборатории, часто возился с какими-то пленками и фотокопиями и, переводя материалы с русского языка на немецкий, громко прищелкивал языком и повторял:

— Ну, за этот кусочек я отхвачу железный крест.

Хейнс получил два железных креста... И он, Мюллер, как-то не задумывался, за что именно...

И вот теперь история повторяется здесь, далеко в океане.

А что, если проект «Омега» имеет совсем другое назначение?

«Это может быть ваш отец или моя жена, или маленькая дочка вашего друга... Вы, Мюллер, представляете, что значит ждать неизбежной смерти в одиночестве, в пустыне?»

С тех пор прошло много времени, и полковник Семвол очень изменился. Он больше не проклинает войну. При встречах с Мюллером говорит: «Веселенькое было время!»

И вот теперь новое распоряжение Френка. Кстати, что это за задача 330?

Он развернул тетрадь.

— Нет! Никогда... Ради всего святого на земле!

5.

Это была торопливо написанная записка.

«Я не могу больше молчать. Я все взвесил и продумал. Я должен лететь на континент. В больнице они держали меня умышленно. Если со мной что-нибудь

случится — это будет однозначное доказательство того, что мои предположения верны. Френк, будьте начеку. Берегите Лиз. Все зависит только от вас. Фейт»...

Весть о том, что вертолет, на котором профессор покинул Овори, не прибыл на континентальную базу, мгновенно облетела остров. Все только и говорили о странном исчезновении ведущего ученого.

Френк не отходил от Лиз, которая лежала в кровати в бреду.

Телефоны молчали. Или отвечали бесцветные голоса второстепенных лиц, которые, конечно же, ничего не знали о судьбе профессора Фейта.

Уже поздно вечером Френк решился на последний звонок. Он попросил соединить его с квартирой Саккоро, предварительно назвав свое имя. После длительной паузы на противоположном конце провода спросили:

— Это Френк Долори?

— Да.

— Саккоро. Я примерно знаю, по какому поводу вы мне звоните. Последняя информация вот такая: вертолет из-за неисправности мотора вынужден был сесть на воду. Однако при этом забыли задраить нижний люк... Удалось спастись только одному человеку...

— А остальные?.. Я имею в виду прежде всего профессора Фейта.

— Пошли ко дну... Очень жаль, очень жаль, Долори. Для нас это колоссальная потеря.

Френк закусил губу.

— Передайте мои самые искренние соболезнования дочери профессора. Попробуйте, Долори, использовать ваше особое влияние для того, чтобы она почувствовала, что она не одна... Передайте также ей, что никаких материальных затруднений она испытывать не будет, мы решили оставить за ней полностью содержание профессора. Это наша скромная благодарность за то, что он сделал для науки.

— Спасибо, господин Саккоро. Однако...

— Я вас прошу, ни на секунду не замедляйте темпа исследований. С сегодняшнего дня проект «Омега» переименовывается в проект «Фейт», и временным руководителем этой работы мы назначаем вас.

— Меня?..

— Да, вас, Долори... Не вешайте носа. Нет в мире ни одной потери, которая стоила бы того, чтобы отказаться от труда на благо миллионов...

«Какая фальшь! Боже! И я всему этому верил...»

Чтобы разоблачить ложь, Фейту пришлось заплатить жизнью. Слишком дорогая цена, думал Френк. Если люди начнут расплачиваться за ложь такой ценой, вскоре не останется ни одного честного человека...

ЧУЖИЕ СЛЕДЫ

1.

Труп Гржимайло нашли на седьмой день после исчезновения. Кто-то предложил открыть бронзовый люк вакуум-камеры космострона и посмотреть, что сделали Гржимайло и Терехин во время вечерней работы. Тяжелая крышка почему-то не отвинчивалась. Сразу все почувствовали неладное. Открыв соседний люк, следовательно вместе с экспертами и представителями института влезли внутрь. Наконец из люка торопливо выполз следователь Василий Каримов, а затем... затем появилась голова мумии, ее тонкое сморщенное тело с болтающимися, как плети, высохшими руками и ногами...

— Вот вам и ваша масс-спектрометрия,— произнес Каримов, оглядывая испуганные и недоуменные лица сотрудников, которых ему прислало руководство для технической помощи.— Кто говорил, что в масс-спектрометр все время лезет органика?

Саша Самарский подумал: «Вот что может произойти с человеком в космосе». Кошмарная картина преступления стала проясняться: когда Гржимайло работал внутри тороида, кто-то захлопнул люк, после чего могучая насосная станция начала выбирать из камеры воздух...

— Хитро придумано,— сквозь зубы процедил Каримов.— Тонко, научно, бесшумно...

Он продолжил, лишь когда пришел доложить о первых результатах следствия полковнику Базанову:

— Это пока только самые предварительные наметки. Мне кажется, что преступник, убивший Гржимайло, в павильон космотрона и не заходил и оттуда не выходил...

— Что же он, до утра где-то прятался?

— Конечно, не прятался. Территорию института он покинул минут через десять после своего злодеяния.

Базанов внимательно посмотрел на следователя.

— Вы когда-нибудь были внутри «баранки»? Нет? — продолжал Каримов. — До сегодняшнего дня я тоже не бывал внутри таких машин. Я буквально ошалел, когда увидел, что там, внутри, можно не то что гулять, но даже ездить на велосипеде. Огромнейшее помещение. Простор. Равномерно искривленный металло-керамический пол...

— Да, а как пол?.. Там ведь, насколько я знаю, должна быть идеальная чистота...

— Конечно же, первое, что я увидел внутри камеры — следы на полу. Они идут к тому месту баранки, где она соединяется со вторым космотроном. Им придется долго драить и чистить внутренние стенки, пока не будет восстановлена вакуумная гигиена!

— А куда же ведут следы? Давайте разберемся, — сказал Базанов. — Нарисуйте мне, пожалуйста, схему сочленения обоих космотронов... — Каримов тщательно начертил схему, проставив все размеры. — Да, размерчики! Действительно, можно ездить на велосипеде.

— Я думаю, нет необходимости еще раз бродить по камерам, — сказал Каримов, глядя на эскиз. — Если мы там побываем, работа, которая у них и так застопорилась, задержится еще больше. Это, насколько я понимаю, форвакуумные рубашки и вентили. Они такие же, как и на первом ускорителе. И двери наружу расположены симметрично. Смотрите, сразу за вторым павильоном находится гараж. Знаете, как я представляю себе примерную картину того, что произошло с Гржимайло?

Когда Терехин ушел за замазкой, Гржимайло остался в камере и продолжал свою работу над трещиной. Так вот, как только Гржимайло остался один, преступник внезапно появился из темноты, прямо из трубы, и ударил его по голове ключом, тем самым, при помощи которого он открыл люк первого космотрона. Потом он закрыл дверь в павильон, втащил Гржимайло подальше внутрь баранки, завинтил люк изнутри и отправился

обратно. Покинул баранку он так же, как и вошел, тщательно задрав люк. Потом он позвонил на насосную станцию и сообщил, что можно начинать вакуумные испытания. Я узнал мощность этих насосов. Три минуты и... все.

— Надо выяснить главное: за что он убил Гржимайло.

— Да, этого мы пока не знаем... Может, за то, что он видел его в теоретическом кабинете?..

2.

Преступление в институте прикладной физики не давало покоя Базанову, занимало все его мысли. Вот и сегодня — не успел он утром усесться за свой стол, как тут же потянулся к материалам экспертизы, которые еще вчера принес ему Каримов.

В это время открылась дверь и торопливо вошел Горшков.

— Вот, — положил он на стол полоску бумаги.

Базанов быстро пробежал глазами по напечатанному на машинке тексту. Лицо полковника сделалось напряженным, он машинально взял сигарету и начал разминать ее.

— Как вам нравится? — спросил Горшков.

— Да, н-не очень... Когда это получили?

— Вчера, поздно вечером. Мы прочитали и долго спорили — ребята никак не могли понять вот это словечко. Мне кажется, несерьезное слово в таком важном шпионском донесении. Вот смотрите: «Удалось выудить следующие два уравнения Котонаева об антижелезе», — громко прочитал Горшков. — И все. Дальше эти уравнения. Почему «выудить» — не понятно.

Оба задумались. Вдруг лицо Горшкова прояснилось, и он быстро заговорил:

— Товарищ Базанов! Может, это намек на связи! Ведь мы не знаем, как этот человек получил свои сведения из института, как он связывается со своими сообщниками.

Базанов нахмурился, потом засмеялся.

— Ну, батенька, и фантазия же у вас! Удить-то можно только в воде. А самая близкая вода от института — болотце Комар, пять километров.

По дороге домой Базанов не переставал думать о непонятном слове в сообщении.

После ужина Базанов прошел в кабинет и достал толковый словарь русского языка. Он открыл его на слове «удить» и стал внимательно вдумываться во все его значения. Чем больше он читал, тем больше убеждался, что ни одно из значений к тексту телеграммы не подходит.

Недовольно посапывая, он разделся и лег. Несколько минут он ворочался с боку на бок, а затем тронул жену и спросил:

— Лена, ты спишь?

— Почти, а что?

— Сколько лет ты знаешь Рошино?

— Господи, да что это на тебя нашло? Ты ведь знаешь. С самого рождения.

— Скажи, в Комаре рыба водится? Караси какие-нибудь или плотва?

— Ты совсем спятил. Спи, пожалуйста, уже второй час...

— Нет, ты мне скажи, есть там какая-нибудь рыба?

Елена Антоновна широко раскрыла глаза и посмотрела в темноту.

— Водилась. Когда-то там было очень много карасей. Рошинские мальчишки вытаскивали их из ила руками. Особенно в засушливые годы.

— Хорошо,— сказал Базанов.

— Что хорошо?

— Что там водятся караси.

3.

— Теперь нет никакого сомнения в том, что человек, убивший Гржимайло, тот самый, который списал с доски уравнение профессора Котонаева.

Василий Каримов подробно рассказывал Базанову о ходе следствия. Полковник лишь изредка перебивал его замечаниями и вопросами.

— Вы интересовались, кто был на том семинаре?

— Интересовался. Были все, кроме Молчанова и Самарского. В этот вечер они что-то обсуждали у профессора Соколова. Говорят, что-то очень важное...

— Важное. А скажите, пожалуйста, что у них не важное? В этой сумасшедшей ядерной физике все важное — каждая буковка, каждая стрелочка, каждая черточка. Значит, говорите, ни Самарского, ни Молчанова на семинаре не было?

— Нет.

— Жаль. Тогда доска не осталась бы невытертой. Существуют же еще люди, которые не понимают, что их идеи — это не их личная собственность, а общественная. Взять, например, Котонаева. Кстати, как он вас принял?

— Хорошо принял. Посадил и вежливо сказал: «Только, будьте добры, побыстрее, а то у меня через семь минут...»

— Все ясно. Стопроцентный Котонаев! Вы ему намекнули, что доску нужно вытирать?

— С этого я начал...

— Ну, а он?

— Он сказал, что, наверное, после рабочего дня имело бы смысл вытирать и все то, что находится в мозгах. Базанов невесело усмехнулся...

4.

Профессор Соколов дома ядерной физикой не занимался. Любой другой наукой, но не ядерной физикой. Это правило он соблюдал для «самосохранения», чтобы не выродиться в узкого специалиста.

Его библиотека поражала всех обилием редких книг, монографий и журналов. Если к нему приходили знакомые, он с хитроватой улыбкой, достав из своих книжных завалов томик, многозначительно стучал по нему пальцем и говорил:

→ Вот, добыл еще штучку...

«Штучка» оказывалась книжкой Реми Шовена о жизни и нравах насекомых, или Джексона «Мозг как вычислительная машина», или какое-нибудь заумное философское сочинение вроде Геллнера «Слова и вещи»...

Мало кто знал, что одним из самых частых посетителей его дома был Коля Молчанов. Могло показаться

удивительным, что человеку с эрудицией и опытом Алексея Владимировича было интересно проводить время с таким молодым собеседником. И тем не менее для этого были причины. Однажды Соколов обмолвился:

— В моем возрасте можно поражать знаниями, но не идеями.

В другой раз эту формулу он переиначил:

— Знания делают мышление консервативным, но добротным. Недостаток знаний и опыта имеет свою прелесть: он восполняется смелостью гипотез и выводов. Правда, их нужно всегда тщательно проверять.

Сегодня разговор между Николаем и Алексеем Владимировичем не клеился. Они углубились в чтение.

— Алеша, Александр Андреевич к тебе пришел,— сообщила жена Соколова.

В кабинет вошел Базанов. Он постоял у двери в нерешительности.

— Бог мой, быть тебе миллионером! — Соколов пошел навстречу Базанову.— Сколько не виделись, дружище? Совсем забывать меня стал. Как жизнь, Александр Андреевич?

— Ничего... — Базанов запнулся.— Трудная.

Он смущенно улыбнулся. Потом махнул рукой, мол, была не была:

— До того трудная, что пришел к тебе за... как бы это лучше сказать, за советом или консультацией.

— Я к твоим услугам. А Колю Молчанова...

— Да ну, что ты. Пусть останется. Вот, хотел бы я послушать ваше мнение, как, используя современные физические способы, можно из одного пункта в другой передать, скажем, письмо... Вообще-то это не письмо, а скорее коротенькая записочка...

Соколов чувствовал, что Базанов не может раскрыть им полностью суть дела, и невольно думал не над его вопросом, а над тем, что ему нужно переслать.

— Знаете, на островах Полинезии туземцы сообщаются при помощи барабанного боя...

— Понимаю,— оживился Соколов.— Ну, что же, можно передать сообщение акустическим путем. Помните американскую кинокартину, в которой шпионы передавали сообщения при помощи джазовой музыки?

— Отпадает,— решительно заявил Александр Андреевич.

Соколов кашлянул. Он всегда кашлял, когда вдруг что-то становилось очень понятным. Покашляли и замолк.

— Стуком каким-нибудь... Через стену, или... Нет? Гм. Странный случай, действительно...

Базанов печально вздохнул. Его широкое скуластое лицо стало грустным. И тут в разговор вмешался Молчанов:

— Есть еще оптический способ. Световыми сигналами.

Базанов внимательно посмотрел на Колю и снова покачал головой. «Господи, да какая же у них адская работа...» — подумал Соколов.

— Тогда гидроакустический метод...

— Какой, какой? — Базанов привстал.

— Гидроакустический. Звук очень хорошо распространяется в воде. Все гидролокаторы на этом принципе работают.

Базанов встал и медленно подошел к Коле.

— Какая же вы умница!

— Угадал? — Коля по-мальчишески заерзал на стуле, и лицо его засияло.

— Угадал! Ей богу, угадал...

5.

Космотроны начали работать в новом режиме, и вскоре всем стало ясно, что если следовать по пути, предложенному Котонаевым, то даже один грамм антижелеза придется изготавливать несколько лет. Лет! В институте об этом знали только директор профессор Львов и профессор Хлебников. Они консультировались с руководящими физиками института, и мнение было одно: нужно срочно строить новые, еще более, мощные приборы. А это значит, не только приборы, но и силовые установки и, может быть, целые энергоцентралы...

На обеих консультациях профессор Котонаев был раздраженным, вспыльчивым, кричал, что его заставляют заниматься черновой работой, что ему не доверяют.

— Энергия, приборы, проволока и все остальное меня

не касается. Думайте сами! Раз нужно антижелезо, значит, необходимо организовать его производство. Это не мое дело.

— Валерий Антонович, посмотрите на проблему другими глазами. Живем-то мы на земле, с земными трудностями и с земными возможностями. Я уверен, что мы, случайно напав на факт рождения тяжелых антиядер во встречных пучках, решили, что это — единственный метод. Наверное, существуют какие-то другие...

— Ну, что ж, может быть. Что до меня, то мне картина предельно ясна. Физика явления вытекает с железной логикой из наших уравнений...

— Не только наших,— мягко подсказали ему.

— Конечно, несколько человек в мире релятивистскую квантовую механику хорошо...

Увидев открытую неприязнь к себе со стороны присутствующих, он осекся и нехотя сказал...

— Ладно, я подумаю еще...

То, что он предложил, не изменило существа процесса, хотя и несколько улучшило его. Небольшой успех удался за счет очень напряженной работы находившейся под его руководством теоретической группы. Институтская вычислительная машина была передана ему в полное распоряжение, и многие сотрудники потеряли возможность в течение рабочего дня выполнять текущие расчеты. Они перешли на ночную работу. Эксперименты ставились десятками и сотнями, но под какими бы углами ни встречались пучки протонов, ничего радикально нового не происходило. Было ясно, что эффективность производства антижелеза упирается в энергетику приборов.

К этому времени были созданы первые магнитодинамические ловушки, и группе Самарского наконец удалось впервые в земных условиях получить несколько микрограммов антижелеза.

Неземная крупинка металась в сложном электромагнитном поле и, как показывали приборы, постепенно таяла. Нужен был очень высокий вакуум, нужны были сосуды из материала, который бы совершенно не испарялся, и никто не знал, как ко всему этому подступиться.

Аэродром, с которого Коля Молчанов и Базанов должны были вылететь в свою необычную командировку, находился далеко за Рощином.

Самолет был обыкновенный «кукурузник», а пилотировал его совсем молодой паренек, почти мальчишка. Он указал на места сзади себя и передал два кожаных шлема. Перед самым стартом он спросил:

— Значит, мошкару травить будем?

Коля Молчанов удивленно посмотрел на парня и удивился еще больше, когда услышал суровый базановский голос:

— Да, давно пора.

Летели на небольшой высоте, не более ста метров. Вскоре показался институт, за ним железнодорожное полотно и еще дальше озеро Комар.

— Я вас, Коля, очень прошу внимательно осмотреть озеро и речку с точки зрения того разговора, который у нас был у Соколова.

Самолет три раза облетел озерко, по требованию Базанова один раз совсем низко и полетел на восток, вдоль речушки, которая тоже называлась Комар, крохотная, уютная речка, с поросшими густой травой заболоченными берегами. Русло было почти прямое.

Пролетев километров пять, они оказались над небольшой деревянной плотинкой, за которой виднелся пруд и постройки колхоза. Через плотинку струйкой сбрасывалась бирюзовая вода.

— Теперь обратно.

Молчанов догадался, почему Базанов решил повторить маршрут в обратном направлении. Дело в том, что километрах в трех от плотины, прислонившись к иве, у самого берега сидел человек.

— Ниже, совсем низко, а у дерева поверните в сторону луга и там начинайте рассыпать парижскую зелень.

Летчик так и сделал. Николай заметил, что человек на берегу поднял голову и посмотрел вверх. За самолетом потянулся густой зеленый хвост. Порошок плавно оседал на болото.

— То же самое в обратном направлении...—скомандовал Базанов.

Летчик выполнил приказ. Теперь было видно, что человек поднялся на ноги, сворачивал удочки. Во время третьего захода самолета рыболов уже шагал к плотине.

Самолет рассыпал парижскую зелень еще минут пятнадцать и, наконец, повернул к аэродрому.

Только в автомобиле Базанов спросил:

— Скажите, Коля, можно вдоль этой речки гидроакустическим методом передавать сообщения?

— Конечно, можно. До самой плотины. Дальше нельзя.

— Добро. Придется полетать над этой местностью еще денька два...

— Не понимаю, причем здесь мошकारа?

— А при том, что без парижской зелени полеты покажутся подозрительными.

— Кому?

— Ну, например, рыбакам, которые удят рыбу.

ТРЕВОГА

1.

Книга была в мягкой фиолетовой обложке, без титула. Только перевернув обложку, можно было прочесть: «Дж. Стейнли Холл. Старение».

Саккоро в длинном мохнатом халате и в восточных сандалиях шагал по мягкому ковру. Он читал:

«Когда человек стар, очень стар и привык к жизни, очень трудно умирать. Я думаю, что молодые люди принимают идею умирания более легко и, может быть, с большей охотой, чем старики. А когда человек знает, что смерть близка, и не может уже больше в этом сомневаться, то его душой овладевает глубокая печаль».

Саккоро остановился. На его желтом, изрезанном тонкими морщинами лице заиграла злая улыбка. Он бросил книгу.

Печаль? Совсем не то слово. Я чувствую себя как приговоренный к казни, знающий свой день и час. Может быть, кто-нибудь и чувствует печаль. Пусть. Наверное, есть такие, которым больше ничего не остается, как чувствовать печаль. Но только не я! Я никакой печали не чувствую. У меня зависть. И ненависть к тем, кто останется жить, к тем, кто еще не родился. И особенно к тем, кто твердит, будто на земле жизнь будет вечно...

Он откинулся на диван и потер руки.

Молодые люди принимают идею умирания с большей охотой? Вот и хорошо. Я их ненавижу, и я им дам возможность легко умереть. О, это будет совсем легкая смерть! Вспышка — и все! Они все умрут, не успев сообразить, что произошло! Только скорее бы... Я тоже исчезну, но я опять молод, потому что живу этим сладким, счастливым ожиданием...

В комнату бесшумно вошел Джаллаб и спросил:

— Господин Саккоро, вам принести кофе?

— Что? Ах, это ты,— Саккоро болезненно поморщился.— Нет, не нужно. Впрочем, принеси, но не кофе, а джин. Бутылку джина и лимонный сок.

Он пил мелкими глотками, закрыв глаза, откинувшись на спинку дивана.

Не открывая глаз, он шептал:

— Это будет так. Совсем маленький самолетик, ну, просто крошка, поднимется в воздух и понесет через океан то, о чем не будет знать даже летчик. Какую-то пустяковинку, коробочку. Просто подарок кому-то там... В коробочке будет это! В ней будет смерть и часы, отстукивающие последние минуты жизни планеты... Все будет рассчитано до секунды. Я буду знать точно час и минуту... О, мне хорошо известна эта новейшая военная выдумка: «Мертвые мстят живым!» На той стороне Земли солнечный пожар зальет города и селения, континенты вспыхнут, как облитые бензином ковры, и языки пламени поднимутся до самых высоких облаков. И когда уже все живое будет развеяно раскаленным ветром, раскроются недра, автоматы раздвинут подземные хранилища, и тысячи, а может быть, и больше, таких же посылок со смертью полетят на эту сторону земного шара! «Мертвые мстят живым!»

Он представлял себе голубое зарево над планетой,

в мыслях парил над бушующим океаном неземного огня и чувствовал себя великим и безжалостным мстителем, карающим Землю...

Он выпил еще и вдруг почувствовал острую боль в сердце.

— О, вот оно, проклятое напоминание,— прошептал он, поднимаясь.— Напоминание о том, что еще не все сделано... Нужно торопиться, торопиться, иначе будет поздно...

2.

Совещание открыл Семвол.

— Мы рады поздравить доктора Долори с первыми крупными успехами. Наконец мы начали реальное производство этого замечательного вещества. Будьте добры, скажите, сколько его у нас сейчас?

— Что-то около грамма,— ответил Долори и вопросительно посмотрел на Родштейна. Тот утвердительно кивнул головой. Именно Родштейн налаживал ускорители и ловушки для антижелеза.

— Если это количество выразить в энергии, то сколько получится?

— Десять в двадцать первой эрга...— ответил Френк.

Семвол виновато улыбнулся. Цифра ровным счетом ничего ему не говорила. Сол Кроу лениво пояснил:

— Энергия, достаточная, чтобы вскипятить примерно миллион кубометров воды...

Из угла комнаты вышел крохотный пожилой человечек и представился:

— Я генерал Дортмунд, в отставке. Простите, но кипячение воды нас пока не очень интересует. Интересно знать, что будет, если этот кусочек анти... как вы его называете, антиферрума просто... взорвать. В какую сторону полетят калории?

«Неужели Родштейн прав? Неужели Фейт был прав? Неужели они действительно...»

Френк закусил губу.

— Куда полетят калории, я не знаю. Да и зачем это знать? Мы изготавливаем антиферрум для реакторов нового типа. Я думаю, очень легко сделать реактор управляемый...

— Да, да, конечно,— перебил его Дортмунд.— Но мы должны это знать на случай, если вдруг... если случайно этот дьявольский антиферрум не удержится в ловушке и коснется стенок.

Френк сразу понял, что Дортмунд нагло врет.

— Вы хотите знать, как при взрыве распределится энергия в пространстве? — Френк говорил очень медленно, выговаривая каждое слово.— Я вас понимаю. Я вас очень хорошо понимаю. Так вот, господин бывший генерал. Какова конфигурация взрыва, я не знаю. А что касается безопасности хранения антиферрума, то она гарантирована.

Семвол понял, что разговор пошел не по тому руслу и что генерал без достаточного такта задает вопросы.

— Что нужно сделать, Френк, чтобы увеличить производительность машин?

— Нужна большая энергия.

— Какова производительность сейчас?

— Примерно полграмма в месяц.

Дортмунд снова вмешался в разговор. Теперь он обращался не к Долори, а к Стокингу и Кроу.

— А можно теоретически рассчитать конфигурацию взрыва?

— На кой черт? На кой черт, я вас спрашиваю? — закричал Френк.— Уж не думаете ли вы планировать военные операции, где необходимо учитывать и конфигурацию взрыва?

Снова в разговор вмешался Семвол.

— Френк, мы должны думать о безопасности острова, о его жителях, о вас, Френк, о вашей невесте... Одним словом, пусть Мюллер повременит с реактором и займется решением этой задачи. Подумайте хорошенько, и вы поймете, что постановка вопроса своевременна.

Когда они покинули виллу Семвола, его догнал Джим Стокинк.

— Ей богу, ты корчишь из себя дурака. Неужели ты не понимаешь до сих пор, куда клонится дело? Ну и пусть... Этого не остановишь...

Глядя на Френка с нескрываемым презрением, Родштейн сказал:

— Этот сопляк, который ничего в жизни не знает, просто боится подумать. До его мозгов еще не дошло, что, взявшись за такую работу, он фактически продал душу дьяволу.

На этот раз Френк посмотрел в глаза старому толстяку умоляюще.

Они разошлись у стены ускорителя. За ней раздавался глухой гул.

3.

Роза и Мария... Безлунная ночь с редкими звездами на черном небе. Френк вытащил из нагрудного кармана запасную сигарету и закурил. Облокотившись о ствол Розы, он несколько раз вдохнул горьковатый дым.

Так он стоял с закрытыми глазами, слушая едва уловимый плеск морских волн и чувствуя, как вздрагивал подмытый ствол пальмы от этих почти не ощутимых прикосновений океана к ее корням.

Френк встрепнулся. До его слуха донесся легкий шорох песка.

— Лиз!

— Это я, Френки!

Френк побежал между песчаными холмами ей навстречу...

— Идем к Розе и Марии. Я люблю слушать, как бормочет море,— прошептала Лиз.

— Вот мы снова здесь вместе с тобой,— сказала Лиз, вытягиваясь на теплом песке.— Только такие сумасшедшие физики, как ты, не видят в этом ничего значительного.

Френк наклонился и в темноте нашел ее губы.

— Френки, очень хорошо с тобой. Я последнее время постоянно мечтаю о том, чтобы мы были всегда вдвоем, а вокруг тишина, голубое море, белые чайки в безоблачной синеве и на берегу наши дети... Наши с тобой, Френки...— Лиз крепко прижалась к нему.

Френк едва дышал и, казалось, вот-вот в нем что-то взорвется, и он забудет все на свете... Но где-то глубоко, в самых затаенных уголках его души всплыли неясные образы уродливых чудовищ, ползающих на четвереньках, поднимающих головы вверх к солнцу, которого они не увидят...

— А что, если у нас родятся дети-уроды? — прошептал он.

Лиз вскочила на ноги. В тишине, едва нарушаемой легким плеском воды, было слышно, как порывисто она дышала.

— Что ты говоришь, Френки?

— Нет, ты отвечай прямо! А что будет, если у нас будут рождаться уроды? Дети с двумя головами, с одной ногой, обросшие шерстью, гермафродиты...

— Боже мой, перестань! Умоляю тебя, перестань, Френк.

Она опустилась на песок и тихонько заплакала. Френк закурил. Тишину прорезал дробный стук насосов на компрессорной станции. Ему стало очень жалко Лиз.

— Прости меня, я не могу отделаться от мыслей, которые вселились мне в голову после статьи в «Биологическом обозрении»... Наука всегда несла людям счастье... Когда я был мальчишкой, я думал, так будет всегда...

— Я об этом думала, Френк. Почему у нас все время говорят о том, что вы, современные физики, принесли человечеству несчастье? И почему, когда здесь у нас говорят о русских ученых, подчеркивают, что все свои открытия они стремятся приспособить для того, чтобы люди жили более счастливо? Неужели их физики не такие, как вы?

— Они такие же, как и мы. Но... одно и то же открытие можно превратить в добро и зло...

...После долгого молчания Френк спросил:

— Лиз, а ты бы согласилась быть женой убийцы?

— Боже мой, что с тобой, Френки?

— Ты отвечай... Для меня это очень важно...

— Убийцы? Конечно, нет. Боже, тысячу раз нет, если бы это был даже ты, Френк! Неужели тебя заставляют... О, этого не может быть... Ты никогда не согласишься!

Лиз снова прижалась к нему, часто вдыхая прохладный соленый воздух. Откуда-то набежал легкий порыв ветра, и листья Розы и Марии зашелестели.

— Мне страшно, Френк. Мне кажется, что сегодня мы видимся последний раз.

Море зашевелилось, в городке завывала сирена — мотоциклисты объезжали здания ядерного центра.

— Не надо, Лиз,— сдавленным голосом прошептал Френк.— Если бы я не любил тебя так, как я люблю... Лучше уйдем отсюда... Уйдем.

Они встали и пошли через песчаные дюны. Они шли прижавшись друг к другу. И то, что они ощущали теплоту друг друга и чувствовали дыхание друг друга, казалось им самым большим счастьем. И еще с этого момента они поняли, что большое человеческое счастье должно быть как-то завоевано, иначе его не будет.

4.

Френк резко поднялся с постели, отдернул штору и через окно посмотрел на асфальтовую дорогу и дальше, на море. Оттуда доносился глухой рокот прибоя, а если внимательно вглядеться в темноту, можно было увидеть светящиеся голубоватым светом пенистые волны, накатывающиеся на песчаный пляж. На фоне голубого мерцания медленно двигался силуэт часового с автоматом в руках... Он олицетворял тревогу и недоверие, царившие в мире. Он напоминал, что среди людей все еще господствуют страх и вражда.

Этажом ниже, в квартире Родштейна, стенные часы пробили три. Родштейн любил эти часы и часто говорил Френку, что при каждом бое он просыпается и сладко потягивается. Френк представил себе этого толстого немца с виртуозными руками. Сейчас он вытянул свои короткие ноги и сладко зевнул. Счастливый человек! Его не мучают никакие вопросы. У него есть хоть и примитивная, но все же философия. А какая философия жизни у тебя, Френк?

Ночью людям в голову приходят самые неожиданные идеи. А что, если разбудить Родштейна? Френк натянул на себя халат, спустился по ярко освещенной лестнице и постучал в дверь.

— Кто там и что нужно?

— Род, это я, Френк.

Дверь отворилась, и он увидел Родштейна в длинной ночной сорочке.

— Я всегда думал, что вы психопат и рано или поздно плохо кончите. Входите.

— Спасибо за правду, Род. Меня разбудил бой ваших часов. Я решил посмотреть, как вы потягиваетесь в постели...

Родштейн, не отвечая Френку, пошел в глубь квартиры, на ходу поворачивая выключатели. В квартире Родштейна царил безнадежный, пропитанный сигарным дымом беспорядок.

— Садитесь,— сказал Родштейн, указывая Френку на диван.— Что будете пить?

— Что угодно.

— У меня есть замечательный ром. Хотите крепкого чаю с ромом? Я сейчас заварю.

— Хорошо. Признаться, хочу.

Родштейн зашаркал туфлями и скрылся на кухне.

— Я, между прочим, придумал, как лучше эвакуировать газ из инжектора,— сказал Родштейн.

Френка всегда восхищала особенность немца говорить о самых интересных вещах сонным, будничным тоном.

Родштейн налил два стакана очень крепкого чаю и влил в каждый из них по стопке рома.

— Пробуйте. По-моему, здорово.

Френк жадно хлебнул сладковато-горькой горячей жидкости.

— Ну, как? — спросил Родштейн.

— Хорошо. Мне повезло, что вы мой сосед. Плохо, когда соседи трезвенники.

— Когда вы обзаведетесь детьми, вам будет все равно, кто у вас соседи.

— Род, а вы верите в бога? — спросил Френк.

— Типичный вопрос полуночника. Во время бессонницы в голову приходят идиотские мысли.

— Все равно. Скажите, вы верите в бога?

Родштейн пожевал кончик спички.

— Нет, не верю,— сказал он.

— Почему?

— Потому что я не знаю, для чего он нужен. С меня достаточно того, что в природе все подчинено строгим законам.

— А вам не кажется, что кто-то эти законы установил?

— Нет, не кажется. Если бы их устанавливал какой-то высший разум, они были бы значительно умнее. Я не могу согласиться с мыслью, что высший разум, бог,

создал людей для того, чтобы они посвящали свою жизнь поискам средств убивать друг друга. Здесь нет логики.

— Когда вы говорите о логике, вы имеете в виду нашу, человеческую логику. А может быть, есть другая, высшая логика,—сказал Френк.—Может быть, логика во втором начале термодинамики: хаос должен восторжествовать. Для торжества великого хаоса нужен примитивный человеческий разум. Вы поняли?

— Ерунда. Логiku мы не придумываем. В нашу голову ее вложила природа.

Френк пожал плечами и выпил несколько глотков чая. Потом вдруг спросил:

— Как вы думаете, страшно умереть?

Родштейн перестал пить.

— Вам, Френк, нужно хорошенько отдохнуть. Почему вы об этом думаете?

— Не знаю, не знаю. Может быть, просто потому, что мы так часто смотрим на нашу смерть, которая непрерывно колеблется там, в этих проклятых магнитных ловушках. Иногда я думаю, что было бы, если бы кто-нибудь взорвал электростанцию на Овори или просто выдернул рубильник, который подает энергию на наш остров.

— Послушайте, Френк. Я не знаю, к чему вы затеяли этот разговор. Мне только известно, что не стоит взрывать электростанцию на Овори. Ведь рубильник, питающий ловушки, в нашей лаборатории. Если у вас в мозгу завелись такие мысли, лучше откажитесь от работы. После разговора с вами мне не очень нравится, что вы, хозяин рубильника, который питает хранилища с антивеществом.

Френк засмеялся.

— Вы трусите, Род?

— Нисколько. Я не верю, что вы когда-нибудь решитесь выдернуть рубильник. Вы слишком сильно любите жизнь и свою Лиз. Влюбленные всегда трусы.

— У вас странная логика, Род,—сказал Френк немного подумав.—То вы выражаете опасение, что я хозяин ловушек с антивеществом, то вы дразните меня тем, что я влюбленный трус.

— Выпейте, Френк,—сказал Родштейн.—Выпейте и перестаньте болтать чепуху. Я уверен, что завтра утром

вы будете смеяться над собой. Вы встретитесь с Лиз и начнете мечтать о коралловом острове в Тихом океане...

— А что скажут другие люди? — вдруг спросил Френк. — Вы бы хотели быть проклятым миллионом людей?

Родштейн встал.

— Советую вам взять отпуск. Совершите путешествие. Пусть Лиз забеременеет. И только после этого возвращайтесь к работе.

Френк тоже встал.

— Я подумаю. Может быть, я так и сделаю.

И Френк поднялся в свою квартиру и несколько минут смотрел в окно. Яркий электрический свет освещал асфальтовую дорогу и участок берега, огороженный колючей проволокой. На той стороне ограды стоял солдат с автоматом и смотрел в его сторону.

ТУМАН НА ПЕРЕКРЕСТИИ

1.

Открытия планировать невозможно. Если бы можно было составить план совершения открытий, то как бы сложен он ни был, над ним стоило бы потрудиться.

Открытия, как правило, стоят вне столбовой дороги науки. Очень часто современнику они кажутся мелкими и незначительными, и на них просто никто не обращает внимания.

После того как открытие сделано, оно переходит в стадию «разработки», из него извлекают все, что можно извлечь, из него делают все возможные прямые и косвенные выводы, оно становится на магистральный путь науки и постепенно теряет свою новизну. Его используют на практике.

Профессор Котонаев заблуждался, считая вполне достаточными для создания антивещества уже известные в науке данные. Тысячи опытов по рождению античастиц гипнотизировали и создавали иллюзию легкости проблемы. Котонаев настаивал, и в Рошине было решено взять крепость приступом.

Так было со многими проблемами прикладной физики. Все было логично и одновременно неверно. Неверно из-за неполноты человеческих знаний и, может быть, из-за самой логики, в которой всегда есть положения, которые нельзя ни доказать, ни опровергнуть. В этих случаях нужны новые, ранее не известные факты, требуется новое открытие.

Микроскопические доли антижелеза, получаемого в рошинском институте, упорно рассасывались. Удалось примерно на порядок увеличить производительность космотронов, но это не спасло положения. Измерения, которые провела Нонна Кириллина, показали, что скорость рассасывания антивещества растет пропорционально его количеству.

Нонна и Николай Молчанов сидели в лаборатории и неподвижно смотрели на прямую линию скорости аннигиляции антижелеза. Красная линия выносила страшный приговор проделанной работе. Десятки тысяч приборов, десятки грандиозных зданий и сооружений, миллионы киловатт энергии — все напрасно!

Напрасно ли? А может быть, так и нужно? Может быть, иначе нельзя! Разве открытия планируются? Разве можно было так просто, сидя за письменным столом и делая вычисления, предвидеть все это?

— Так что же теперь делать? — спросила Нонна. — Знаешь, мне хочется плакать...

Молчанов невесело улыбнулся.

— Конечно же, не реветь. Нужны новые идеи...

— Котонаев вдолбил нам в голову свой план, и теперь, кроме него, ничего нет. Встречные пучки вытеснили все. Мне иногда кажется, что для решения проблем, вроде нашей, лучше не знать этого метода или, во всяком случае, все забыть и начать на пустом месте. Очень трудно отделаться от привычного образа мышления, особенно, когда знаешь, что так думает каждый, кто здесь работает.

Профессор Соколов вошел неслышно и некоторое время тоже рассматривал прямую линию в рабочей тетради Кириллиной. Николай и Нонна растерянно и с надеждой посмотрели в его усталые глаза.

— Вы только не сердитесь на профессора Котонаева, — тихо сказал Соколов. — Он сделал все, что мог. Ему и его группе сейчас тяжелее всех. Котонаев — за-

мечательный физик, выдающийся ученый. Но мы не вправе требовать от него, как впрочем и от всякого ученого, чтобы он все предвидел.

— Но кто-то же виноват! — не выдержав, воскликнула Нонна.

— Никто не виноват! В науке всегда так. Есть проблемы, которые не решаются известными методами.

Молчанов понял, что необходимо что-то делать, что-то срочное, немедленное, что угодно, только не сидеть вот так, сложа руки.

2.

В мире, достигшем небывалой возможности концентрировать в небольшом объеме фантастическую энергию, некогда абсурдная идея о единоличном властелине приобрела устрашающее значение. Один богатый маньяк или группа маньяков могут с дьявольским упорством готовить гибель миллионам.

Однако для производства самого ничтожного количества антивещества необходимо создать столь грандиозные сооружения, приборы и аппараты, черпать такие колоссальные массы обычного топлива, что фактически невозможно ничего упрятать от глаз всевидящего и внимательного мира. Антивещество нельзя приготовить тайком, в подвале дома или в заброшенном сарае. Оно не может быть побочным продуктом какого-нибудь невинного исследования, которое используют в качестве маскировки. Вот почему, несмотря на соблюдение всех законов «священной и неприкосновенной» собственности территории, где обосновался исследовательский центр Саккоро, анализы ученых, случайные высказывания очевидцев, наблюдения моряков вскоре позволили всему миру узнать, чем занимаются на островах архипелага.

Не ясны были только успехи. А это волновало людей, возбуждало протесты, массовые демонстрации с требованиями немедленно направить к Саккоро инспекционную группу.

А пока решения по этому вопросу «формулировались», «уточнялись» и «согласовывались» в комиссиях, комитетах и подкомитетах, на островах шла лихорадочная

работа. О ней можно было судить по непрерывному потоку нефтеналивных судов, которые покидали разные порты мира с одним и тем же пунктом назначения: остров Овори, Саккоро. Именно там день и ночь ревели электрогенераторы, питавшие два огромных спаренных ускорителя.

Львов поехал от этих мыслей и снова взялся за телефон. Прежде чем набрать номер Котонаева, он опять на минуту задумался. Что скажет теперь Валерий Антонович?

Через распахнутое окно врывалось веселое лето. Улицы городка были такие мирные и солнечные, и просто не верилось, что над ним и над тысячами других городов сгущаются темные тучи.

— Прошу Вас, Алексей Владимирович, прийти ко мне, — сказал Львов по телефону.

Директор института прикладной физики был взволнован.

Сегодня газеты сообщили еще об одной отсрочке формирования инспекционной группы, и тут же корреспонденты указывали, что за последнее время количество покупаемой Саккоро нефти почти удвоилось.

Неужели там добились успеха? Этот хищник Саккоро?..

Когда пират чувствует силу, он не обращает внимания на договоры. Что они ему?

Взглянув на залитые солнцем разноцветные крыши домов, на заполненный людьми бульвар, на весь этот жизнелюбивый, спокойно-суетливый мир, он почувствовал гнев, злость на того, кого никогда не видел в лицо и кто представлялся ему внезапно ожившим скелетом, самой смертью, пытающейся увлечь за собой все это.

Котонаев вошел без стука. Профессор сгорбился и потускнел в последние дни, как-то осел, стал меньше ростом. Он молча подошел к письменному столу и протянул руку. Рука была вялая и тяжелая.

— Подождем минуточку. Сейчас придет профессор Соколов. А вот и он! Входите, входите, Алексей Владимирович! — воскликнул Львов и тут же осекся. Почему он так обрадовался, увидев Соколова? Это было уже нетактично. — Присаживайтесь поближе, товарищи, — сказал он официальным тоном. — Есть очень важный разговор. Я должен знать ваше мнение.

Ученые придвинули стулья к столу, но уселись поодаль друг от друга.

Директор института сухо произнес:

— Дела плохи. У, Саккоро, очевидно, полным ходом идет производство антижелеза.

— Ну и как? — с усмешкой спросил Соколов.

— По-видимому, у них не исчезает, не аннигилирует...

— Не может быть!

— Представьте себе, может. Ускорители там работают полным ходом, день и ночь.. Что скажете вы, Алексей Владимирович?

Профессор Соколов взглянул на своего коллегу.

— Валерий Антонович прав. Этого не может быть. Антижелезо обязано рассасываться...

— Почему вы так думаете? — спросил Львов.

— Я снова все пересчитал на основе последних экспериментальных данных. Мы были на неверном пути...

— Я тоже пересчитывал, — подтвердил Соколов.

— Вы все пересчитали, но ведь там, у них, антижелезо не исчезает. Иначе зачем бы они гоняли свои ускорители непрерывно?! Понимаете, что это значит?

— Этого не может быть, — продолжал настаивать Котонаев.

Львов тяжело опустился в кресло.

— Постарайтесь продумать это еще не на основе ваших расчетов.

Котонаев взглянул на Соколова.

— Если они повторили то, что сделали мы, то у них ничего не должно получиться, как и у нас.

— А если они что-нибудь придумали этакое... В общем, какое-нибудь усовершенствование?

— Сама идея порочна. Она никуда не может привести.

Эти слова Котонаева звучали почти как приговор самому себе.

3.

Две недели подряд теоретические семинары не проводились ни у Котонаева, ни у Соколова. Участники регулярно приходили в кабинеты, садились, ждали и молча расходились.

Когда в ловушке «растаяла» последняя крупинка анти-

вещества, Александр Самарский, которого называли «лордом-хранителем антивещества», громко выругался и, сильно хлопнув дверью, ушел из лаборатории. Он долго бродил по опустевшей территории института в поисках Николая Молчанова. Никто не знал, куда запропастился его товарищ, и тогда он отправился в теоретический сектор.

Паушев аккуратно рисовал интегралы.

— Что ты считаешь? — спросил Самарский безразличным тоном.

Семен глубоко вздохнул.

— Пифагор говорил, что мир — это гармония чисел. Черта с два. Мир это жуткая неразбериха. Какая тут гармония! Одна эргодическая гипотеза чего стоит. Видал! Это — интеграл Лебега. И как только Гиббс без интеграла Лебега додумался до эргодической гипотезы? Гений!

— Итак, тупик, — мрачно констатировал Самарский.

— Что ты сказал?

— Тупик, я говорю, неизвестно, куда дальше идти...

— Послушай, лорд-хранитель. А известно ли тебе, что тупиков в природе нет. Она, природа, как огромный лес. Что-то вроде джунглей. Иди куда хочешь, не запрещается. Но умей выбрать дорогу. А тот, кто ищет, тот всегда найдет...

Не отрываясь от интегралов, Семен запел песенку.

Самарский бездумно смотрел на его карандаш, который медленно, лениво выписывал формулы. Саша соображал уже уходить.

— Постой! Ты ведь спросил, что я вычисляю? Разве тебя это уже не интересует?

— Интересует.

Семен обвел уравнение карандашом и облегченно вздохнул.

— Что это?

— Ерунда. Решение проблемы «Рассвет». Это и есть истинное решение. Ха-ха-ха! Котонаев умрет от зависти! Кто, этот болзан Паушев, Сенька, рыжий? Не может быть! Это ему кто-то подсказал. Саша, ты свидетель. Я здесь один и допер до всего самостоятельно. Ведь правда, что я здесь один из всей теоретической группы? Окончательный результат получен при тебе. Запомни, Сашенька, эту формулу. Она выражает не что иное, как

вероятность заселения метастабильных состояний ядер элемента «Икс» нуклонами.

Семен откинулся на спинку стула и сладко потянулся.

— Дал бы пятерку, чтобы увидеть лицо Котонаева, когда он узнает, до чего я додумался!

Лицо Паушева стало серьезным.

— Вот что, лорд-хранитель. Так и быть, чтобы ты не мучался...

— А я и не мучаюсь.

— ...чтобы ты не мучался, я тебе раскрою страшную тайну. Только — между нами! И поклянись, что ты сейчас не побежишь к директору и не скажешь, что у тебя родилась гениальная идея.

— Да будет тебе, Сенька! Ну, вываливай свою идею.

— Клянись!

Паушев встал, подошел к Самарскому и торжественно поднял сразу обе руки.

— Клянусь! — гаркнул Самарский.

Семен подошел к двери кабинета и повернул ключ. Потом на цыпочках подошел к письменному столу.

— Постреляем, только тихо... Сашенька, а что если формулу Эйнштейна прочитать шиворот-навыворот, предварительно разделив и правую и левую стороны на квадрат окорости света. Вот так. Это тебе что-нибудь говорит?

— Это известно любому школьнику.

— Вот именно, лорд.

Голос у Паушева был ласковым и предельно ехидным.

— Мы все время ломались не в ту дверь. Бараний эффект. Одного барана кидают за борт, остальные бараны совершенно добровольно, из солидарности, не моргнув глазом, следуют за ним.

Самарский нахмурился.

— Кого ты считаешь бараном?

— Сейчас это неважно. Он уже за бортом. Нужно спасать стадо. Так вот, вы, то есть мы, до сегодняшнего дня думали, что ищем способ массу превратить в энергию. А это в земных условиях — чушь!

— То есть?..

Паушев вдруг запнулся. Его глаза скосились в сторону, он прислушался. Тихонько подойдя к двери, он приложил к ней ухо. Лицо его застыло.

— Ты что? — спросил его Самарский.

Семен виновато улыбнулся.

— Сашенька, прости, но я тебе больше ничего не скажу...

Самарский вытаращил глаза. С ума он сошел, что ли?

Семен продолжал виновато улыбаться, а его руки лихорадочно собирали со стола бумаги.

— Видишь ли, Саша, я не могу... Не могу тебе ничего рассказать. Дело в том... Да ты и сам знаешь... У нас в институте...

Самарский начал догадываться. Ему тоже стало немножко жутко.

— У нас в институте, говорят, завелся... Это, конечно, смешно. А кто знает? Главное, его ищут... Так что ты уж меня прости...

Оба они на цыпочках подошли к двери, бесшумно отворили ее и выглянули в коридор.

Там никого не было.

4.

— Ну-ка, покажите, что они тут сообразили?

Базанов повертел удочку в руках, растянул вложенные одно в другое звенья, вытянул ее на всю руку и сказал:

— Не пойдет.

— То есть?.. — растерялся Молчанов. — Здесь все, как вы сказали.

— Слишком шикарная. Здесь с такими удочками сроду никого не видали. Если про эту удочку узнают мальчишки из колхоза, тебе от них не будет отбоя. Мы ее реконструируем. Ведь, насколько я понимаю, все дело в леске и вот в этом поплавке?

— Да. И в этой коробочке. Здесь магнитная запись...

— Отлично. Мы вырежем палку из орешника и присобачим эту технику к ней. Господи, до чего же научные люди отрываются от жизни! Они думают, если требуют удочку, то ее нужно сделать как для выставки.

Николай поехал в пригородный лес и вырезал длинный неуклюжий прут.

Дома он до полуночи возился с новым удилищем, тщательно замазал грязью едва заметную тонкую пле-

теную проволочку. Сердце Николая сжималось в ожидании того, что он может «выудить»...

Здесь, у этой одинокой ивы на речке Комар, начиналась тонкая, как паутина, ниточка, которая тянется далеко, далеко. Один неверный шаг, и она оборвется! Сейчас абсолютно важно, чтобы она не оборвалась.

— Для ориентировки имейте в виду следующее, — сообщил ему Базанов. — Человек работает в колхозе сторожем. Работа у него ночная. Поэтому он и может днем удить рыбу. Поняли?

— Понятно.

— Вот посидите и поудите с ним рядом рыбку. Хорошо?

Молчанов шагал по мокрой траве, обходя озеро. Было очень прохладно в это августовское утро, но он не чувствовал прохлады. Он шагал, как заправский рыбак, помахивая удочкой и банкой с червями.

Вода в речушке бежала к озеру еле заметными волнами. Изредка тишину нарушали лопающиеся пузыри болотного газа. Несколько раз прямо из-под ног в воду бросались перепуганные лягушки, опытные ныряльщики. Все было до того близко и до того знакомо, что просто не верилось, что в этой спокойной и мелкой речке могло происходить что-то чужое и тревожное.

А вот показалась и одинокая ива. На востоке посветлело, и она четко выступала на фоне розовеющего неба. Когда-то вдоль всего берега росли такие ивы, но они были очень старые и их подгнившие стволы уже не могли держать тяжелые кроны над водой. Теперь на берегу остались лишь сырые трухлявые пни.

Не доходя до ивы, Николай остановился, присел у такого пня и начал разматывать леску. Он наживил на крючок червяка и забросил его в воду.

Почти сразу же поплавок нырнул под воду, и Николай что есть силы дернул. Первая добыча! На крючке болталась небольшая рыбешка. Он снял ее и бросил в плетеную сетку, которую заранее укрепил на берегу.

Через несколько минут снова резкий клев, и опять добыча, на этот раз рыбешка покрупнее. Лов начался чертовски удачно, более удачно, чем ему хотелось бы. Он то и дело забрасывал удочку, и рыба не заставляла себя долго ждать.

— Как ловится, молодой человек?

Было уже совсем светло, но солнце еще не взошло. Перед Николаем стоял тот самый старик, Калым.

Николай улыбнулся и кивнул в сторону плетеной сетки. Старик молча подошел к ней и посмотрел на рыбу.

— Мелочи. Неинтересно. Вы приспустите грузило поближе ко дну. Там иногда ходит шука. Шука стоит того, чтобы ее подождать.

Николай кивнул, рассматривая лицо человека — старческое, усталое, с оттопыренной нижней губой.

— А разве здесь бывают шуки? — спросил Николай.

— Еще какие! Я давеча за полтора часа поймал целых три, две маленькие и одну килограмма на полтора. Вот такая, бестия!

Калым отмерил на своей удочке сантиметров тридцать.

— Советую и вам поближе ко дну. Здесь глубина около трех метров.

С этими словами рыбак пошел к своей иве. Николай искоса наблюдал, как он разматывает свою удочку. Ему показалось, что перед тем, как забросить крючок, старик что-то спрятал в карман.

Молчанов нащупал у себя в кармане крохотный магнитофон и щелкнул кнопкой. Он увидел, как старик уселся поудобнее, привалившись спиной к стволу дерева.

Выполняя совет старика, Николай повозился с грузилом и, сделав вид, будто наживил крючок, забросил его пустым.

«Теперь никакого клева не будет. Или, может быть, будет самый удачный клев...»

Для приличия Коля несколько раз вздергивал удочку вверх и нарочно по-рыбацки ругался.

— Сорвалась, проклятая...

— Не торопитесь. Подсекать нужно коротко и резко. Вот так!

И снова крупная трепыхающаяся рыба на траве. Николаю стало даже завидно.

Солнце постепенно поднялось, стало припекать, и старик начал собирать снасти.

— Пора домой. Сейчас клева больше не будет. Да и разморило после дежурства. Спать хочется.

Он подошел к Николаю и долго смотрел на неподвижный поплавок.

— Да-а-а,— протянул он.— Напрасно я вам посоветовал приспустить грузило. Ловили бы плотвичку. Вы завтра сюда придете?

— Н-не знаю... Если так будет ловиться, то вряд ли.

Он положил удочку на траву, а сам повалился на спину. Только бы не заметил старик тонкого волоска проволоки, который тянулся к нему в карман...

— Пошли, что ли? — обратился к нему Калым.

— Да нет, поваляюсь немного. Уж очень хорошо солнышко греет...

— Ну, как хотите. До свидания.

«Не торопитесь домой. И вообще никогда не торопитесь...» — вспомнил он наставления Базанова, который будто предвидел, что после первой рыбалки Николаю захочется не идти, а бежать...

ПРОЗРЕНИЕ

1.

Хуан Родорес оторвал глаза от окуляров и устало посмотрел на Френка.

— Мы здорово постарели за эти годы, Френк. Помнишь, как это началось? Энтузиазм, энергия, лихорадка... Мы сами помогали бетонщикам строить вот этот подвал. Нам казалось, что мы строим золотые ворота в рай или, во всяком случае, триумфальную арку, ведущую к земле обетованной...

Френк уперся кулаком в подбородок и смотрел, как Хуан медленно зашагал по кафелю. У него были мягкие, вялые шаги, как у старого, измученного жизнью человека. В последнее время на него находили приступы меланхолии, и он начинал философствовать.

— Знаешь, я решил уйти с этой работы,— вдруг сказал Хуан.

— Уйти? Куда?

— Конечно, пока не кончится контракт, острова я оставить не могу. А сменить место работы я решил.

Я не хочу в этом участвовать, Френк. Мне противно и иногда... страшно. Я часто вспоминаю летчика, который сошел с ума после того, как сбросил атомную бомбу на японцев.

Как бы стряхнув наваждение, Родорес объяснил поделовому:

— Ты ведь знаешь, я не ядерщик, а радиофизик. Пока здесь нужно было создавать нужные тебе генераторы и волноводы, я был у дела. А сейчас все это позади. Делать мне здесь нечего.

У Френка сжалось сердце. Наверное, вот так, как Родорес, его постепенно покинут все его старые друзья, и он останется совсем один... Значит, он решил покинуть ядерную лабораторию! У Френка тоже часто появлялась такая мысль, но он вспоминал посмертную записку профессора Фейта и еще французскую поговорку: «Если не ты, то кто? Если не сейчас, то когда?»

Родорес как бы угадал его мысли.

— И я, и ты, Френк, и многие честные физики в молодости были идеалистами и считали для себя счастьем быть на острие науки. Мы тогда не понимали, что это действительно острие и что рано или поздно его форма проявится во всей своей отвратительной реальности. Мы сами того не заметили, как из исследователей превратились в наемных чернорабочих, бездумно изготавливающих нечто гнусное... Ты, наверное, давно не слушал радио и не знаешь, что делается в мире. Как часто упоминается в эфире наш остров и фамилия Фейта, и твоя, и моя. О нас говорят все, от рядовых ораторов на уличном митинге до юристов из международного суда. Понимаешь, что это значит?

Френк криво улыбнулся. Пассивное сопротивление? Увиливание от ответственности? Нет, это не в его натуре...

— Боишься суда?

— Нет, я боюсь гибели, боюсь нелепой смерти из-за чьего-то безумия. А если так будет продолжаться — смерть неминуема.

Родорес подошел к кварцевому баллону в углу лаборатории.

— Вот, Френк, ты загнал ее в эту ловушку. Но никто на свете не может поручиться, что она оттуда не вырвется,

«Нужно действовать! Решительно и немедленно...»

Решение созрело окончательно и теперь казалось настолько безупречным и простым, что он даже удивился, что не пришел к нему раньше. Он стал задумчивым, молчаливым, рассеянным. Его товарищи знали, что у Френка так всегда перед очередной блистательной научной идеей.

Ослепительно ярким ранним утром он вскочил с постели, принял холодный душ, наскоро проглотил яичницу и выбежал на набережную. Он чувствовал себя, как хорошо тренированный спортсмен перед соревнованиями.

— Бьюсь об заклад, скоро на Овори и на Лас Пальмас снова заговорят о господине Долори,— улыбаясь, сказал ему продавец сигарет.

Раскуривая сигаретку, Френк кивнул головой.

— Думаю, на этот раз обо мне будут говорить далеко за пределами нашего архипелага!

Он направился к переправе на Сардонео. На этот раз в нем не было робости и смущения, он был убежден, что решил задачу, которая по плечу только Мюллеру. С сегодняшнего дня они на равной ноге!

Мюллера он застал дома.

— Привет, Петер! Какого черта вы торчите в своей конуре в такой день? Предлагаю вам поездку на лодке.

Мюллер поднял на него удивленные глаза и быстро нацарапал на клочке бумаги:

«С чего это?»

— Я терпеть не могу жары,— сказал он небрежно.

«Это очень важно. Захватите с собой тетрадь с задачей номер 330».

«Бумаги выносить не разрешается».

«Я суну их в карман».

— Впрочем,— продолжал Мюллер,— как хотите. Если я вам не надоел, я могу вас сопровождать.

Они быстро прошли к лодочной станции.

— Дальше трех километров заплывать нельзя,— предупредил их на причале часовой.

— Убирайся к черту. Сегодня я здесь хозяин, понял?

Когда они отъехали от берега метров на двести, Мюллер спросил:

— Что с вами, Френк? Такое впечатление, будто вы находитесь под действием наркотика.

— Вроде этого. Вы решили задачу о распределении взрыва?

— Нет,— ответил Мюллер твердо.

— Я не верю, что вы ее не решили.

— Ваше дело.

— Садитесь за весла и гребите медленно. Так, чтобы ваша спина закрывала поселок. Я посмотрю тетрадь.

Они поменялись местами. Френк стянул с себя рубашку и снял брюки, как бы собираясь загорать, и вытащил из кармана тетрадь. Тишину нарушали только легкие всплески весел. Жара становилась все сильнее.

— Вы делали не то, что требуется,— наконец произнес Френк со злостью.

— Я решил то, что мог,— ответил Мюллер.

— Нет. Мне-то вы очки не вотрете. Вы повторили вывод формулы для баланса энергии. Почему?

— Ради упражнения. Мне нравится этот вывод,— сказал Мюллер иронически.

— Ради бога, не злите меня. Скажите, почему вы не хотите решить задачу, которую я вам предложил?

— Значит, не могу,— ответил Мюллер.

— Можете, можете тысячу раз. Я в этом уверен!

Мюллер пожал плечами и ничего не ответил. Несколько минут они плыли молча.

— Если вы скажете мне уравнение конфигурации взрыва и закон распределения энергии в активной зоне, я обещаю отплатить вам очень полезным советом.

На слове «очень» Френк сделал ударение.

— Я в советах не нуждаюсь,— произнес Мюллер насмешливо.— Можете поручить эту задачу любому другому теоретику или решить ее самостоятельно. Мне она не под силу.

— Садитесь на корму. Дайте погребу я. Да снимите же вы свое барахло! Пусть на берегу думают, что мы загораем.

Они снова поменялись местами, и Мюллер нехотя стянул с себя брюки и рубашку.

— Снимайте и майку,— приказал Френк.— Мы искупаемся с лодки. Это будет очень естественно.

Мюллер скупой улыбнулся. В его огромных голубых глазах появилось не то смущение, не то тревога.

— У меня очень чувствительная к солнцу кожа. Я могу обгореть.

По сравнению с шоколадно-черным телом Френка, руки и ноги немца были молочно-белыми.

— Слушайте, Петер, да ведь на вас тошно смотреть! Неужели вы ни разу за все время не загорали?

Мюллер покачал головой. На Френка напало мальчишеское озорство. Он положил весла на борта лодки и, продолжая смеяться, воскликнул:

— Я сейчас вас раздену и выброшу в море!

— Да не дурачьтесь же вы, Френк. Ради бога, оставьте меня в покое. Вы, и правда, ведете себя, как пьяный...

— Ну и пусть! Пусть те, кто наблюдает за нами с берега, думают, что мы с вами два болвана, разыгравшиеся на морском воздухе!

Мюллер судорожно вцепился в руки Френка, а тот силится стянуть с него майку.

— Да что вы за чудак? Марш на солнце! Марш в воду! Я ведь знаю, вы отлично плаваете.

Сильные руки Френка потащили майку вверх. Он хохотал, как сумасшедший.

— Вам обязательно нужно загореть! Не сопротивляйтесь, иначе я...

Перед его глазами мелькнуло что-то красное, как кровь, и в этот самый момент Мюллер молниеносно перевернулся через голову и прыгнул в море...

Френк застыл с открытым ртом. Мюллер был в воде и, держась за корму лодки, громко дышал.

Они смотрели друг другу в глаза.

— Что у вас на груди?— прошептал Френк.

— Ничего. Рана...

— Рана? Странная рана. Покажите.

— Нет,— прошептал Мюллер.

— Покажите! Иначе я...

— Тогда одному из нас придется кормить акул,— сказал Мюллер.

В сознании Френка снова промелькнула красная полоса на белоснежной груди Мюллера, и он увидел, что это была не просто полоса, а ряд букв, больших кроваво-красных букв... У Френка была фотографическая зрительная память. Он прочел, что было написано кро-

ваво-красными буквами на груди у Мюллера: «Коммунист».

— Кто это вас? — прошептал Френк.

— Не ваше дело...

— Это мое дело. Теперь многое стало ясно.

— Тогда плывите к берегу и докладывайте обо всем своему начальству. Я подожду вас здесь.

Френк понял, что он и не собирается вылезать из воды.

— Я ничего никому не скажу, если вы сообщите мне уравнение взрывной волны.

— Ого! — произнес Мюллер тоном человека, которому больше нечего терять. — Вы дорого платите за удовлетворение вашего тщеславия. Только от меня вы решения не получите. Я не хочу быть соучастником убийства.

— А если я вам скажу, что и я не хочу?

— Тогда зачем вам это уравнение? Ваша совесть будет чиста, если это уравнение скажет им кто-нибудь другой.

— А ваша совесть чиста? Вы скрывали, что вы... Эта надпись...

— Вы, Френк, мальчишка. Я горжусь этой надписью и именно потому не скажу вам уравнение.

Френк замолчал. Увидев, что Мюллер решительно поплыл в открытое море, он крикнул:

— Не делайте глупости, Мюллер! Черт с ним, с вашим уравнением. Приблизительно я и без вас знаю, что должно получиться при взрыве. Пожалуй, этого мне будет достаточно. Я просто не хотел...

— Что вы не хотели, Френк?

— Я просто не хотел, чтобы пострадали невинные люди...

Мюллер вернулся и взялся за борт лодки.

— Что вы задумали?

— Это не ваше дело. Вползайте сюда и едем на берег.

— Право, Френк, о чем вы думаете? — в голосе Мюллера послышалась тревога.

Френк ничего не ответил. Мюллер влез в лодку. Он снял майку и стал выжимать из нее воду. Френк тупо смотрел на его грудь.

— Это было очень больно?

— Да, очень.

— Где это вас?

— На моей родине. У фашистов на этот счет хороший опыт.

— Вы кричали?

— Не помню, наверное, да,— ответил Мюллер и деловито натянул влажную майку.— А теперь поплыли к берегу.

Долори греб очень медленно.

— Мне нужно уравнение распределения взрывной зоны лично для себя.

— Если я вам скажу это уравнение, что тогда? — спросил Мюллер.

— Я обещал дать вам хороший совет.

— Хорошо. Слушайте. Это — лемниската.

— Параметры?

Мюллер назвал три цифры.

— Спасибо. Теперь слушайте меня. Уезжайте в Европу. Чем скорее, тем лучше.

Мюллер расхохотался.

— Вы шутите, Френк! Вы говорите так, как будто для меня поездка в Европу все равно, что для вас на Лас Пальмас!

Френк перестал грести и в упор посмотрел на Мюллера.

— Придумайте что угодно, но найдите предлог немедленно выехать. Скажите, что вы там забыли что-нибудь очень важное для нашего дела. Скажите, что доктор Роберто не умер и вы знаете, где он живет, придумайте.

Мюллер ничего не ответил. Он оделся и стал смотреть на приближавшийся берег.

Когда они вышли из лодки, солдат с биноклем сказал:

— Ну и здорово вы выкупали этого немца, господин Френк!

— Его стоило выкупать. Он этого стоит...— рассеянно буркнул Долори.

Подойдя к квартире Мюллера, он остановился.

— Я уверен, что наши палачи не хуже ваших.

Мюллер молча пожал ему руку. Войдя к себе, он уселся в кресло и глубоко задумался. Потом подошел к телефону и попросил квартиру полковника Семвола.

«Наконец-то,— думал Семвол, садясь в быстроходный катер.— Сейчас что-нибудь выяснится. Может, он нашел решение...»

Он вошел в квартиру Мюллера шумно и весело.

— Добрый день, старина, добрый день, наш ученый гигант!

— Увы, полковник, далеко не гигант.— Мюллер смущенно подал Семволу кресло.— Я решил вам признаться...

— О, подождите! Я чувствую, вы сразу хотите говорить со мной о каком-то деле, которое, наверное, завсегомо меня не интересует. Дайте отдышаться. Такая жара.

Посопев немного, он сказал:

— Если, старина, у вас есть что-нибудь выпить, то я не откажусь,— сказал он, стараясь быть как можно проще и как можно дружественнее. В действительности же он лихорадочно думал, что могло бы значить это «не гигант»...

Мюллер налил рюмку коньяку и подождал, пока Семвол высосал ее маленькими глотками.

— Итак, я слушаю вас, старый ученый волк,— сказал Семвол.— Вываливайте, что у вас...

— Дело в том, господин полковник, что у меня нет ничего...

— Ну, это вы скромничаете. Я знаю, что в такой голове, как ваша, задачи долго не задерживаются. Итак, давайте решение задачи 330.

— Я не могу ее решить,— проговорил Мюллер.

— Не можете? — воскликнул Семвол.

— Нет, не могу. Да и вообще мне здесь создали не совсем заслуженную славу. До настоящего момента я пользовался тем, что в мою голову когда-то вложил доктор Роберто. Все задачи, которые были здесь мною решены, уже решались. Их решил Роберто еще там, в Германии... И проблема, которая сформулирована в задании 330, уже решена.

— Господи, так какого черта вы морочите мне голову. Давайте пить коньяк и радоваться! — воскликнул пораженный Семвол.

— Я с большим удовольствием разделю вашу радость после того, как решение будет в наших руках,— торопливо вставил Мюллер.

— В наших руках? А в чьих же руках оно сейчас?

— Сейчас в ничьих.

Семвол резко откинулся на спинку стула и пристально стал смотреть на Мюллера, пытаясь понять, что он говорит... Он был сбит с толку.

— Я вас не понимаю.

— Когда еще существовала Отдельная лаборатория, там, в Зондерштадте, Роберто взялся за решение именно этой проблемы. Роберто обладал гигантской интуицией, и он рассчитал форму взрыва при соединении вещества с антивеществом...

— А вы? Разве вы не участвовали в этой работе?

— Нет. Я настаивал на том, чтобы не терять времени на такой лишенный плоти теоретический труд.

Мюллер замолчал. Семвол смотрел на него с открытым подозрением. Он уже представлял, сколько понадобится усилий, чтобы проверить слова Мюллера.

— Что было дальше?

— В тот день, когда мы, то есть я и доктор Роберто, бежали от вашего воздушного налета, мой учитель вдруг почувствовал слабость и сел на обочину дороги. У него был с собой последний расчет, его теория взрыва, спрятанная в алюминиевый цилиндр...

Как ужаленный, Семвол вскочил с места.

— Где же он?

— По просьбе доктора Роберто я его закопал... Я дал ему клятву это сделать, и сделал...

При мысли, что такие важные расчеты лежат где-то в земле длительное время, у Семвола задрожали руки. Может быть, там уже нет никакой дороги, может быть, все перекопано, может быть, алюминиевый цилиндр с драгоценными бумагами найден и попал в чужие руки...

— В каком месте вы его закопали, где? — заорал он, сжимая кулаки.

— Это трудно объяснить... На восточном берегу реки. Там была одна тропинка, по которой доктор Роберто любил ходить... И еще ель, старая развесистая ель. Я закопал документы под ней...

— Что же делать, что делать?! Рассказывайте под-

робно, где вы закопали эти бумаги! Все, до последней мелочи.

— Боюсь, мне будет нелегко восстановить в памяти детали.— Мюллер встал.— Полковник, я хочу предложить вам один вариант. Эти документы смогу найти только я. Если там что-нибудь за это время переменялось, то все равно я узнаю и лес, и тропинку, и ель. Узнаю среди тысяч других тропинок и елей...

— Вы хотите, чтобы мы вас туда отпустили? — еще более пораженный спросил Семвол.

Мюллер горько улыбнулся.

— Я понимаю, вы мне не верите. Но один я ничего и не смогу сделать. Пусть меня сопровождают ваши люди.

Семвол схватился за подбородок и стал яростно его растирать. Он понимал, что сейчас перед ним стоит трудная задача. Может быть, Мюллер хочет бежать. Может быть, он говорит правду. Да и вообще, мало ли что может скрываться за тем, что он сейчас услышал!

— Мюллер, я не верю ни одному вашему слову. Мне кажется, что вы хитрите. Мне нужны доказательства, или вам будет плохо.

— Я хочу представить доказательства, полковник,— твердым голосом сказал Мюллер.— Недалеко от того места закопаны и мои бумаги, мои расчеты... Но только я закопал их на западном берегу реки. Я могу дать вам их совершенно точный адрес...

— Говорите!

— Там, где был наведен понтонный мост, раньше стоял большой каменный. Во время войны его разбомбили. Оставались гранитные быки, по два на восточном и на западном берегу. Если идти к мосту с запада, то у основания второго гранитного быка, справа, можно увидеть участок, замощенный камнем, для того, чтобы во время паводков песок не размывало. Нужно вытащить из грунта камень у самой вершины, ближе к берегу... На глубине сантиметров пятидесяти лежит алюминиевый цилиндр с моими бумагами...

Семвол несколько секунд таращил на Мюллера нали-тые кровью глаза. Не сказав больше ни слова, он вышел.

«Рыболовный сезон» Николая Молчанова закончился с первыми заморозками. Они наступили сразу, неожиданно, превратив сырые болотные кочки в твердые камни, обросшие желтой щетиной.

Ежась в телогрейке, он пришел на свое место и впервые не застал там старика...

Полковник сидел за столом перед яркой настольной лампой.

Он повернулся к Николаю:

— Итак, ваша миссия окончена. Послушайте, что вам удалось выудить. Не думайте, что это будет какая-нибудь приятная музыка. Но вы ее прослушайте, и очень внимательно.

В кабинет вошел Каримов и, не говоря ни слова, поставил на стул какой-то прибор и воткнул вилку в розетку.

«Там, там... там, там, там... там...»

Звуки, которые неслись из аппарата, были очень странные в то же время очень знакомые. Молчанов стал мучительно вспоминать, где и когда он их слышал. Необычные, и вместе с тем повседневные, и даже надоедливые удары...

«Там, там... там, там, там, там...»

Удары следовали один за другим с короткими и длинными паузами.

«Там, там...»

— Понимаете? — спросил Базанов.

Коля покачал головой.

— Вроде под водой звонит колокол...

Базанов с улыбкой посмотрел на Каримова.

— Сделайте погромче.

Теперь удары звучали на весь кабинет. И все же это был не колокол, а что-то совсем другое...

— Где вы живете? — спросил Базанов.

— Как где, в квартире...

— Какое там отопление?

— Паровое...

— Ну?..

— Ремонтируют трубы! — воскликнул Николай. — Точно. Когда стучат по трубам, раздается такой звук! Базанов утвердительно кивнул.

Так вон оно что! Кто-то, выстукивая по трубе, передавал сообщения!

— Слушайте внимательно. Старый прием в новом оформлении. Водопроводная сеть для звука вроде телефонной сети.

— Если так, тогда можно...

— Да, — прервал Базанов. — Можно, но трудно. Мы нашли трубу, которая выходит в озеро Комар. Проследили ее до стен института. И тем не менее пока не установили, откуда ведется передача. Контролировать все трубы вашего сложного водного хозяйства практически невозможно, тем более, что для передачи он может воспользоваться водопроводной или канализационной трубой в любом месте института.

— Как же быть?

— Слушать внимательно, если вдруг услышим что-нибудь подобное в институте, то...

2.

Вдоль тротуаров неслись тучи пожелтевших листьев, земля в скверах подернулась сединой, прохожие торопились скорее скрыться в домах. Профессор Соколов, придерживая шляпу рукой и наклонив низко голову, шагал вдоль главной улицы Рошина. Он никогда не был в квартире Котонаева. Он шел нехотя, помимо своей воли, как идет человек к зубному врачу. Просто не было другого выхода.

Соколов охотно беседовал с коллегой в стенах института, но там все касалось только дела, а разговор в домашних условиях предполагал какую-то степень интимности, которой Соколов больше всего боялся.

Немного задыхаясь, профессор остановился возле большой дубовой двери, на которой висела бронзовая табличка: «Котонаев». Он нажал кнопку звонка.

— Оставьте почту в ящике направо, — услышал он резкий голос Котонаева.

— Это не почта, Валерий Антонович. Это я, Соколов...
Короткая пауза.

— Алексей Владимирович?

— Да.

— Боже мой! Одну секунду, я приведу себя в порядок. Или нет, заходите.

Щелкнула задвижка, и дверь распахнулась.

— Проходите, Алексей Владимирович, я сейчас! Идите прямо в кабинет!

Котонаев в лижаме скрылся за боковой дверью, а Соколов прошел в кабинет.

В нем все было по-современному. Вместо письменного стола — легкий секретер. На выдвинутой полке стояла портативная машинка. Книги расположились на подвесных полках, удобных и красивых. Их было немного и, видимо, не здесь находилась главная библиотека ученого. Низенькая тахта, скромное, но изящное кресло, несколько легких стульев.

Соколов обратил внимание, что за стеклом секретера стоял необычный портрет Альберта Эйнштейна. Великий старик в грубой шерстяной кофте писал на доске формулы, поддерживая рукой брюки. Знакомая львиная грива, растрепанные усы...

Соколов долго всматривался в трагически-мудрые морщины великого ученого, который всю жизнь бился над раскрытием таинственной гармонии мироздания.

— Любопытный портрет, не правда ли, Алексей Владимирович? Мне его подарили в Принстоне.

— Замечательный. Добрый день!

Ученые пожали друг другу руки. Соколов заметил, что улыбка у Котонаева не столь веселая, сколь виноватая.

Валерий Антонович начал говорить первым:

— Вы знаете, то, что сделал Эйнштейн в области создания единой теории поля, не так уж и бессмысленно, как некоторые пытаются утверждать. Сейчас я собрал все его последние работы и обнаружил в них ряд интересных мыслей. Просто старику не хватило времени.

— Вы занимаетесь теорией поля?

— Да. Это чертовски увлекательная вещь. Мне кажется, что эйнштейновский детерминизм не лишен глубокого физического смысла.

Котонаев говорил быстро, как бы боясь, что Соколов его прервет. Он даже не поинтересовался, зачем пришел его коллега.

— Помните, Нильс Бор говорил, что будущая физическая теория должна быть сумасшедшей, и он отверг идеи Гейзенберга из-за их слишком примитивного безумия. Читая работы Альберта, я пришел к выводу, что в переводе на наш язык высказывание Бора нужно понимать так: будущая физическая теория должна быть очень нелинейной. Эйнштейновские уравнения чертовски линейны, а это значит, что и он не мог избавиться от наваждения рассматривать явления ядерной физики изолированно от Вселенной. А что говорил Фред Хойл? Неразбериха в мире элементарных частиц исчезнет, если мы сумеем связать законы ядерных превращений с законами Вселенной. Чертовски грандиозно, не правда ли?

— Очень...

— Это одно целое, единое! Нужно найти связующее звено. Смотрите, Алексей Владимирович, что мне удалось показать.

Он раскрыл лежавшую на тахте папку с исписанными листами бумаги.

— Мне удалось показать, что можно построить функции, которые плавно описывают сильное, слабое, электромагнитное и гравитационное взаимодействия. Если мы возьмем уравнение Клейна-Гордона...

Соколов засмеялся и поднял обе руки вверх.

— Избавьте меня от Клейна-Гордона! До них я едва-едва успел добраться!

Котонаев умолк на полуслове.

— Я плохой дипломат, Валерий Антонович,— начал сдержанно Соколов.— Поэтому я прямо начну с дела, вернее, с одного вопроса. Почему вы практически оставили работу в институте?

Котонаев, конечно, ждал этого вопроса. Но он ответил не сразу. Он закусил нижнюю губу, заложил руки за спину и прошел в дальний угол кабинета. Там он остановился, повернулся к Соколову и спросил:

— Почему вы меня об этом спрашиваете?

— Просто потому, что не могу понять, как в такой момент вы можете оставить работу.

— Оставить? — Котонаев театрально засмеялся.— Вам ли об этом спрашивать, Алексей Владимирович!

— Понимаю. Обиделись, что не вы руководите окончанием «Рассвета». Предполагаю, что вы пока не понимаете, почему не вы, а я. Понимаю, вам очень обидно...

— Нет, нисколько,— сказал Котонаев.— Откровенно говоря, в первый момент мне действительно стало обидно. А после я пришел к выводу, что так даже лучше. За всякой прикладной белибердой и техническими расчетами я начал забывать настоящую, большую физику.

— И вы занялись общей теорией поля?

— Да, общей теорией поля.

— По-вашему, это согласуется с вашими обязанностями перед обществом?

— Вполне. Общая теория поля — сегодня задача номер один.

Соколов подошел к портрету Эйнштейна и, показав на него, сказал:

— Он тоже занимался общей теорией поля. Не год и не два, а сорок лет. А когда в воздухе запахло войной, он написал президенту Соединенных Штатов Америки, что нужно немедленно заниматься атомной бомбой, или, говоря вашим языком, прикладной белибердой.

— Он не писал письма, ему предложили его подписать. Писали другие.

— Его подпись стоит многих томов некоторых сочинений. Он был стар и слаб. Но он был за то, чтобы атомная бомба не попала в злые руки. Это был вопрос его совести.

— Бомба все равно попала в злые руки.

Соколов вздрогнул.

— Мне не нравится ваша аналогия, Валерий Антонович.

— Мне не нравится ваша. Вы рассматриваете только первую половину истории. А я — всю историю в целом.

Соколов и Котонаев уставились друг на друга. Для Соколова сейчас раскрылось еще что-то новое и более глубокое, чем он предполагал. Обычно живое и молодое лицо Котонаева стало морщинистым и каменным. Нет, он не был таким молодым, как казался! Скорее, он был стар, слишком стар...

— Жизнь устраивает нам экзамены, Валерий Антонович. Жесткие, беспощадные экзамены. На самом первом вы провалились. Вы не знаете, что такое личное и что такое общественное. И вы не понимаете роли ученого в современном обществе, у нас и там...

— Куда ж мне, я ведь беспартийный.

Соколов лихорадочно застучал пальцами по столу и сдавленным голосом произнес:

— Это чувствуется. Во всем. Впрочем...— Он подошел к Котонаеву вплотную.— Об этом разговоре знаем только мы с вами. Я не верю, что вы так думаете. В вас говорит личная обида, мелкая и ненужная. Подумайте хорошенько, как вы себя будете чувствовать, если первыми это сделают они. Если народ узнает, что в наше поражение вы внесли хоть микроскопическую толику, вас забросают камнями. «Рассвет» касается всего человечества, и камней может оказаться очень много... Я вас жду в институте. До свидания.

3.

— Николка! Молчальник!— воскликнула Нонна и бросилась ему навстречу.— Наконец-то прибыл. Без тебя все остановилось. От безделья онемели мозги. Скучота, как на лекции о любви и дружбе. В камерах ускорителей летают мухи. Их называют космомухи!

Он осторожно освободился от ее объятий.

— Неужели все правда?

— Ну, может быть, мухи в камерах и не летают и даже не дохнут. Но, честно говоря, Николка, в атмосфере идейный вакуум. Я никогда не думала, что физики, как лакмусовая бумажка. Стоит гениальным руководителям скинуть, как все начинают синеть.

— Ну, а чем все это время занималась ты? Между прочим, лакмус от кислоты краснеет,— поправил ее Молчанов.

Она подошла к какой-то развороченной ламповой схеме и небрежно ткнула в нее пальцем.

— Вот. Смонтировала новый логарифмический усилитель. И вот еще привела в порядок счетчик, не знаю, пригодится ли... И еще...

— Что еще?

— Думала о тебе...

Николай пропустил это мимо ушей. Она всегда такая, эта Нонна...

Он посидел за своим столом, поднялся и подошел к окну. Волейбольная площадка была засыпана грязным снегом, за ней виднелись черные кустарники. Унылый,

безжизненный пейзаж... У самой ограды возвышалось здание механического корпуса и высокая башня, в которой были водокачка и трансформаторная станция. Ограда проходила по кромке глубокого оврага. Летом его склоны зарастали дикой малиной, ежевикой и крапивой. Во время обеденного перерыва девочки ходили туда собирать малину.

Он посмотрел внимательно на Нонну. Она немного похудела, лицо не выглядело таким круглым, как раньше, а глаза... Действительно, как это раньше он не замечал ее глаз? Большие, светло-серые и честные-пречестные... Как у совсем маленького ребенка.

— Можно, я теперь буду работать с тобой?

— Это необходимо согласовать с директором, ты ведь другую работу ведешь.

— Очхор!

И она убежала.

Молчанов задумался и не заметил, как возвратилась Нонна.

— Пляши! Львов разрешил мне работать с тобой даже вечером.

— Разрешил? Зачем?

— Чтобы тебя развлекать. Чтобы ты не засыпал. Чтобы тебе было приятно!

Николай схватился за телефонную трубку, но девушка прямо перед его глазами развернула зеленую книжку, ночной пропуск точь-в-точь, как у него.

— Вот так, товарищ научный руководитель. Прошу дать мне задание. К вашим экспериментам я допущена.

«Ну и девочка! Вот настырная! Представляю, как она надела на беднягу Львова.»

— Сейчас никаких заданий. Рабочий день кончился. А завтра...

— Нет. Я решила начать с сегодняшнего дня. Так сказать, втягиваться постепенно.

Он пожал плечами.

— Тогда заканчивай свой логарифмический усилитель.

— А ты?

— Господи! Я пойду в фотолабораторию. Испытаю новые эмульсии.

— Очхор!

Из фотолаборатории он вышел в десятом часу вечера, когда за окнами было совсем темно. Как он и думал,

Нонна сидела за своей схемой и, уткнув нос в пуховый платок, дремала. Николай подошел к шкафу и начал потихоньку одеваться. Нонна вздрогнула и подняла голову.

— Коль, ты куда?

— Пойду, пройдуся. Подышу свежим воздухом...

— Можно мне с тобой?

— Знаешь, дорогая, сиди. Я хочу побродить один...

— А-а-а,— сказала она.— Только не задерживайся, а то мне одной страшно!

Николай резко хлопнул дверью.

В лицо ударил холодный ветер. Он бросил в лицо сухую пыль вперемешку с мелким снегом.

Асфальтовая дорожка обрывалась сразу за волейбольным полем, и дальше тянулась тропинка, едва заметная среди кустарников. Она была засыпана снегом, и на нее падал свет сильных фонарей, установленных на крыше.

Сухие ветки кустов раскачивались на ветру и терлись друг о друга, где-то о лист бумаги ударяли песчинки.

Тишина, беспокойная, ветренная тишина...

Он прошел мимо водокачки и дальше вдоль ограды туда, где стояли складские помещения. Ограда была из колючей проволоки, и прямо за ней темнел глубокий овраг.

Здесь тоже было тихо, но в шорохе веток и в шелесте ветра Николай уловил еще какой-то звук. Да, он вспомнил, что на дне оврага протекал небольшой ручеек.

Он двинулся дальше, к кирпичным продолговатым сараям и вдруг замер. До его слуха донеслось еле слышное: «Там-там-там... там... там...»

Он перестал дышать, повернулся и прислушался. «Там, там... там...»

Быстрыми, пружинистыми шагами он пошел обратно. С каждой секундой знакомые ему звуки становились все громче и громче. Они были очень тихие, но его слух, настроенный на эти звуки, усиливал их, и они, казалось, звучали на весь мир: «Там, там... там, там...»

Сомнений не было, стук доносился со дна оврага! Он тихонько перелез между колючими проволоками, подошел к краю. «Там, там... там, там, там...»

Ничего не видно. Серые склоны оврага скрывались за плотной стеной кустарника, и внизу была густая мгла. Спускаться вниз? Нет, нельзя. Дрогнет ветка, сорвется случайный камень, и все погибло...

«Не нужно торопиться, не нужно торопиться», — говорил он сам себе.

А если это последняя передача? Если случай больше не представится, и он уйдет? Безнаказанно, неизвестный, непойманный?

Николай лихорадочно соображал, что ему делать, а стук металла о металл продолжался...

Как он туда спускается? И обо что он стучит?.. Ах, да, там водосточная труба...

Вдруг все прекратилось. Молчанов долго вслушивался, и до его ушей доносился лишь шорох ветвей и шипение песка...

Он сделал шаг к краю оврага и замер. Вскоре он услышал, как затрещали ветки и как кто-то шумно и грузно поднимался вверх, прямо к нему. Тот, кто поднимался, вовсе не заботился, чтобы делать это незаметно. Наоборот, он шел напролом, и вдобавок распевал вполголоса старинную русскую песню.

Николай оторопел. Это было за пределами его понимания. Он стоял и не мог сдвинуться с места, и только когда незнакомая темная фигура с ведром в руках, кряхтя и тяжело дыша, вынырнула из-за кустарников, он быстро выхватил из кармана электрический фонарь и направил острый луч света в лицо незнакомцу.

А дальше он смутно помнит, что было. Перед его глазами вспыхнул огромный огненный шар, могучее кроваво-красное пламя, которое почти с материальной силой ударило его в лицо, ослепило, обожгло. Послышались проклятия, затем грузное падение вниз, треск ломающихся веток и шумный всплеск воды...

Когда он очнулся, то услышал возле себя много голосов, среди них знакомые. Он силился увидеть, что происходит, и не мог. Ему показалось, что ему все снится, он попытался перевернуться на бок, чтобы отделаться от кошмара, и в это время кто-то коснулся его лица и сказал:

— Николка, осторожно...

Это был голос Нонны.

— Нонна, почему темно? Зажги свет... Я ничего не понимаю...

— Свет горит, Коля...— медленно произнесла девушка.— Доктор, что с ним?

Он почувствовал, что над ним кто-то склонился.

— Вы меня видите?— спросил незнакомый женский голос.

— Нет,— прошептал он.— Не вижу... Разве я...

— Завяжите ему глаза. Немедленно,— приказала женщина.

Ему подняли голову и заботливые руки наложили ему на глаза повязку.

— До утра пусть останется здесь,— сказал доктор.— Сейчас взять его не следует. Вы будете дежурить?

— Да,— ответила Нонна.

— Хорошо, оставайтесь. У него ничего особенного. Нервный шок. Спокойной ночи...

Когда дверь захлопнулась, Николай приподнялся на локте и спросил:

— Кто здесь?

— Я,— ответила Нонна.

— Ты можешь мне объяснить, что произошло?

— После, после. Главное, он далеко не ушел...

— Кто?

— Тот, кого ты хотел опознать. Он тебя ослепил, бесшумно и верно ослепил.

— Ослепил?

— Да. Лазер, хороший карманный рубиновый лазер...

— Значит, я...

— Боже, какие вы, мужчины, неосторожные! Если бы я знала... Я бы никогда не позволила тебе выйти одному.

Она положила свою руку ему на лоб.

— Неужели я...

— Ни о чем не думай, прошу тебя. Постарайся уснуть. Так тебе приятно?

Он почувствовал, как ее теплая щека прижалась к его щеке.

— У тебя щека влажная. Ты плачешь? Нонна, почему ты плачешь?

— Молчи, глупенький. Молчи...

Он лежал тихо-тихо. На его бледном лице не шевелился ни один мускул, пухлая белоснежная повязка закрывала глаза. Чтобы его не потревожить, Нонна сняла туфли и ходила по комнате в одних чулках. На полке с книгами тикали часы, на кухне шипел газ. Она теперь знала, что Николай очень любит кофе.

Спит он или не спит? Одна рука под головой, вторая вытянута вдоль одеяла.

Она села совсем рядом и стала рассматривать его лицо. В который раз... Вчера вечером она дала ему в руку электрическую бритву и с чисто женским удивлением наблюдала, как его почерневшее лицо начало светлеть. Сейчас в полумраке раннего утра его щеки опять потемнели...

Вот он шевельнул рукой. Может быть, он не спит, а о чем-то думает? Трудно отличить человека спящего от погруженного в глубокие мысли. А если он думает, то о чем?

Доктор Лаврентьев сказал, что у него ожог сетчатки. Страшно или нет?

— Кто знает. Раньше в практике глазных болезней такое встречалось очень редко. Современная цивилизация постоянно ставит перед медициной все новые и новые проблемы. Лучевая болезнь, химические токсикозы, множество новых заболеваний легких. И теперь вот это. Наверное, врачам-окулистам в связи с изобретением лазеров придется серьезно заняться проблемой восстановления сетчатки, разрушенной светом...

Уходя, доктор Лаврентьев остановился в прихожей.

— Методы разрушения человеческого организма разрабатываются быстрее, чем методы его восстановления. В будущем человеческом обществе такого быть не должно.

То, что сказал Лаврентьев, звучало не очень утешительно. Сам Николай не задал ни одного вопроса. Как будто его судьба его не интересовала. Или он заранее с ней примирился. Он нехотя приподнимался, с глаз снимали повязку, и он покорно открывал глаза.

«Так видите?» — «Нет». — «А так? А если нажать?» — «Да нет же!»

В этом «Да нет же!» прозвучали горечь, раздражение и досада одновременно.

Когда доктор ушел, он взял Нонну за руку и тихонько ее пожал.

— Мой отец,— сказал он,— во время второй мировой войны был офицером связи и был прикомандирован к американской армии. Как-то на фронте в Италии он повстречался с солдатами, которые несли на носилках своего раненого товарища. У того в зубах была сигарета, и когда он вздыхал, то дым выходил наружу из правого легкого, развороченного миной. Впереди шел батальонный священник и бормотал молитву. Когда они остановились, раненый солдат выплюнул сигарету и сказал: «Отец! Не молись за меня. Молись за тех, кто еще живой...»

Помолчав, Николай добавил:

— Храбрый был солдат. Мудрый...

Неужели Николай сейчас думает об этом? Или спит?

Вдруг он шевельнулся и приподнял голову. Нонна быстро подошла к нему.

— Что тебе, милый?..

— Ты еще здесь?

— Да. Что тебе нужно?

— Ничего... Я просто вспомнил...

— Разве ты не спал?

— Не знаю. Может быть, и спал.

Она взяла руку Николая и нагнулась над ним так, что их щеки соприкоснулись.

— Ты хотел мне что-то сказать. Что ты вспомнил?

— Да... Понимаешь, когда мы начали работать над «Рассветом», я долго думал над задачей, мне уже тогда показалось, что мы ее неправильно сформулировали...

— То есть?..

— Все, в том числе и я, понимали задачу так: нужно наладить производство антивещества.

— Верно.

— Нет, неверно. Очень даже неверно.

Николай сел, облокотившись о спинку кровати.

— Дело в том, что создание антивещества не имеет никакого отношения к энергетике. Мы никогда таким способом не получим никакого выигрыша в энергии. Наоборот... Затратив в космотронах какое-то количество энергии, мы получим количество антиматерии значительно меньше эйнштейновского эквивалента. КПД производства ничтожное...

— Ты все время об этом думал?

— А о чем же я должен думать?

Нонна склонилась над ним совсем низко, а потом тихонько положила голову ему на колени. Он несколько не удивился, и его тонкие пальцы заскользили по ее золотистым волосам...

— Короче говоря, мы не создавали энергию. Мы просто ее консервировали в форме антижелеза...

— Да...

Николай смущенно засмеялся...

— Может быть, это идиотская идея, но она пришла мне в голову сразу же после того, как он ударил меня по глазам световым лучом... Ты слушаешь?

Она кивнула головой, спрятав лицо в одеяло.

— Если речь идет о том, чтобы консервировать энергию, то зачем обязательно создавать антивещество? Почему не воспользоваться принципом квантового генератора?

— Перестань, я прошу тебя,— прошептала Нонна. Но он ее не слушал.

— Конечно, обычные лазеры для этого не годятся. В них можно упрятать лишь мизерное количество мощности. Кроме того, эта мощность не может долго храниться. Трудно зарядить рубиновый стержень, скажем, во Владивостоке и перевезти энергию в Москву. Один шальной квант света, и все вылетит наружу... Индукционное излучение... Но я думаю, задача разрешима... Скажем, если понизить температуру и спектр теплового излучения сдвинуть далеко в длинноволновую часть...

— Боже мой! И ты все время об этом думал?

— Нет, Нон, ты послушай! А какие существуют препятствия для создания лазеров, консервирующих энергию на ядерном уровне, а? Уверяю тебя, никаких! Я в связи с этим вспомнил эффект Мессбауэра... Честное слово, можно идти этим путем! Нужно только продумать... Гм, любопытно! Наши космотроны еще могут пригодиться...

Нонна подняла голову и в упор посмотрела в запрокинутое лицо Николая: на губах довольная улыбка, и кажется, на глазах нет никакой повязки, и он видит что-то чудесное, такое, чего никто не видел.

Она больше не слышала, что он говорит. Она скорее чувствовала, чем понимала. Какой-то новый путь, новая

лазейка в лабиринте науки, неожиданная тропинка, найденная такой дорогой ценой. Она смотрела на него счастливыми глазами и видела только губы и складки возле губ, и двигающийся подбородок, и решительные кивки головой, и смелые движения рук.

Блестящая импровизация, прилив научного вдохновения, когда совершаются неожиданные открытия, делаются смелые шаги через барьеры и пропасти...

Они боялись пошевелиться, он и она... Напряженно вслушивались в ставшую необычной тишину, и дышали очень тихо, чтобы ее не нарушить...

— Хочешь кофе?

— Да, милая...

— Осторожно, он горячий..

— Дай мне в руки, я справлюсь...

— Нет, лучше открой рот... Вот так... Ты мне позволишь тебя поить и кормить?

Он тихонько засмеялся и поцеловал ее в лоб.

— Неужели ты думаешь, что я уйду на пенсию?

— Конечно, нет!

Она крепко прижалась к нему.

— Я хотел тебе сказать...

Она зажала ему рот рукой.

— Ш-ш-ш! Ничего не говори! Если бы ты знал, какая я счастливая!

— Но я...

— Ни слова! Говори о квантовых генераторах, говори об эффекте Мессбауэра, говори о звездах, о Вселенной, об антижелезе. О чем угодно, только не об этом...

Но он больше не говорил о ядерных лазерах. Перед ним внезапно встала совершенно новая, огромная проблема, о которой он раньше никогда не думал.

КОНТРАТАКА

1.

В аэропорту не было никаких формальностей. Паспорт с надписью «Электроконцерн Саккоро» обладал магическим действием,

Их поджидал небольшой потрепанный автомобиль устаревшей модели, но с отличным мотором. Это Мюллер определил сразу, как только машина тронулась.

Знакомые асфальтовые дороги с липами на обочинах. Дороги неширокие, но прямые, без ухабов и выбоин. За липами простирались пожелтевшие поля, из-за начавших терять листву высоких деревьев вырисовывались красные кирпичные постройки ферм, сараев и загонов для скота...

Мюллер приоткрыл окно. В лицо пахнул прохладный осенний воздух, такой, которого он не знал уже много лет и который сейчас показался ему таким родным. Он думал, что привык к морю и пескам, к легкому запаху рыбы и гниющих водорослей. Но нет!

Отсутствие времен года и неизменные картины тропиков больше напоминают собрания шедевров искусства в музее, которыми приятно любоваться, но с которыми тяжело жить всю жизнь...

Многие годы, проведенные на островах, сделали его малоподвижным и вялым, пассивным и медлительным. Ему все чаще приходила в голову мысль, что из всех самых мучительных и тяжких испытаний, выпавших на его долю, «свободная» жизнь в чужих краях была самым страшным испытанием.

И вот сейчас, когда прохладный осенний ветер трепал его седеющие волосы, щекотал ноздри и гладил по щекам, он ожил! Он поежился от приятного, сладостного прилива энергии и воли, от того, что сейчас может произойти что-то неизвестное и неожиданное, когда нужно быстро принимать решение и быть готовым к отчаянной схватке...

Вот они, знакомые добротные поселки, дома из традиционного красного кирпича, улицы, крепкие каменные ограды, сложенные из гранитных глыб.

Еще тогда, перед войной, он жил в одном из таких поселков вместе с доктором Роберто. До организации Отдельной лаборатории было еще далеко, и они часами бродили по таким улицам и по асфальтовым дорогам, соединявшим одинокие кирпичные острова.

Роберто говорил:

— Да, человек — общественное животное. Но как далеко простирается его врожденный коллективизм? Не

кажется ли вам, мой юный коллега, что социальные инстинкты людей действуют лишь до той поры, пока отдельному индивидууму нужна помощь коллектива? Как только он получает от общества все, что необходимо для обособленной жизни, он от него бежит?

Был дождливый день, на улицах городка было безлюдно и казалось, будто старинные коттеджи съжились от порывов осеннего ветра. Они чем-то напоминали дремлющих злых собак, уткнувших носы в теплоту своей рыжей шерсти. Сам вид этих фундаментальных, построенных на века кирпичных домов как бы подтверждал рассуждения Роберто. Но для Мюллера это был не аргумент.

— Все дело в энергии,— продолжал Роберто.— Хлеб, шерстяные костюмы и полупроводниковые приемники можно делать из земли и воздуха. Была бы энергия. Я предвижу такое время, когда энергию мощной электростанции можно будет носить в кармане. И, конечно, естественным направлением научного творчества будет разработка методов создания миниатюрной цивилизации вот для такой кирпичной крепости.

— Если вы так говорите, то я смею утверждать, что вы понимаете современную цивилизацию просто как сумму хороших и удобных предметов. Вы ее сводите к хлебу, костюмам, теплу и свету, автомобилю и коттеджу на берегу моря.

— Не я так понимаю цивилизацию, а они.

— А почему вы думаете, что когда наступит время карманной энергетики, люди будут такими, как они, а не как вы?

— Потому что их больше!

Мюллер рассмеялся:

— Мой дорогой учитель! Всего десять тысяч лет тому назад земля в основном была заселена дикарями...

Роберто нахмурился и посмотрел на Мюллера исподлобья.

— Когда я был помоложе, я читал книжки одного большого ученого... Умные сочинения. Математически отточенная логика. Он тоже рассматривал общество в историческом плане... Но я слишком стар, чтобы ждать тысячу лет... Меня волнует прежде всего то, что будет через год, два, пять...

Через год после этого разговора началась вторая мировая война...

Вон ее медленно затягивающиеся раны...

Деревьев на обочине было мало, и там, где они росли, виднелись мелкие выемки, прикрытые желтыми стеблями повалившегося бурьяна. В открытом поле торчал кусок красной кирпичной стены, тоже поросший травой, а возле нее несколько бетонных надолб, и за ними почти сравнявшаяся с поверхностью земли зигзагообразная полоса.

— Знакомо? — вкрадчиво спросил Сулло.

Мысли Мюллера прервались, и он сразу почувствовал себя не на родине, а на поле боя, на фронте!

— О, да, конечно! Родные места!

— Родные?

Сулло пожевал жвачку.

— Вы знаете, какой поселок мы сейчас проехали?

— Конечно, — ответил Мюллер. — Кессель.

— А какой будет следующий?

— Карлсдорф...

За длинным деревянным столом сидело трое. Перед ними были какие-то бумаги и географическая карта. Выражение их лиц было безразличным и усталым. Здесь было очень накурено. При появлении гостей они не встали и не поздоровались. Только один из них, высокий и черноволосый, отодвинулся в сторону от того места, где стояли два пустых стула. Казалось, будто Мюллер и Сулло только на минуту вышли, и сейчас вернулись обратно, чтобы продолжить совещание. Мюллер подумал: «Величайшее чудо — современная связь. Это собрание подготовлено и четко функционирует, хотя его участники разделены десятками тысяч километров!»

— Все готово? — спросил Сулло.

— Да, — ответил черноволосый.

— Кто пойдет с нами?

— Скарт. Он знает это место.

Широкоплечий моложавый парень Скарт нехотя поднял голову.

— Мне все ясно. Пусть профессор отдыхает. Они привыкли ночью спать, — добавил он иронически. — А сегодня режим придется нарушить...

— Пошли, — скомандовал Сулло.

Мюллер понял, что ни в какие детали предстоящей

операции его посвящать не будут. Он — вещь, которую повезут, понесут, если будет нужно — уничтожат...

«Действительно, нужно отдохнуть. И выспаться».

Он начал раздеваться, как вдруг дверь распахнулась и в нее буквально влетел запыхавшийся Сулло.

— Первый цилиндр уже распотрошили там. Скажите, ваше второе хранилище там, на том берегу, тоже набито никому не нужной чепухой?

Мюллер оторопел.

— А почему?.. Думаю, что нет...

— Смотрите!..

Сулло вышел. По телу у Мюллера разлился холодок. Он, волнуясь, соображал, к чему эти вопросы? Почему так внезапно?

Он с тоской посмотрел на старинный коричневый шкаф в углу, где наверху стоял пыльный бюст Гёте. Поэт хитро улыбался и спрашивал:

Не я ль тебя надолго исцелил
От тягостной хандры воображенья?

Мюллер улыбнулся в ответ и быстро уснул.

2.

План Скарта поражал своей наглостью. Место для перехода границы было выбрано нарочно самое открытое и неудобное. Плоские, лишенные растительности берега, широкая река, на противоположном берегу — новый ярко освещенный городок Зеллингер. Был воскресный вечер, и с той стороны доносилась музыка.

Скарт сел за весла и начал грести. Руль держал Сулло.

Скарт греб сильно и уверенно, как будто совершал вечернюю лодочную прогулку. С каждым взмахом весел нос лодки высоко подпрыгивал.

— Вы не забыли, что нужно говорить? — шепотом спросил Скарт. — Мы иностранные туристы. Наняли лодку в Зондерштадте и решили посмотреть восточный берег. Граница? А мы не знали. Неужели не разрешается? Удивительно! В таком случае просим дать нам возможность вернуться. Вот и весь разговор. Но я думаю, что он не состоится.

Скарт снова налег на весла.

Лодка достигла середины реки и теперь шла вдоль берега. Там был городской парк. Электрические фонари стояли прямо на набережной, и свет беспокойно плескался в холодной воде. Мюллер хорошо видел набережную, деревянные боны и большой лодочный причал.

— Просто, как чайник,— хихикнул Скарт, когда нос лодки коснулся причала. Но где же Симка?

Они стали подниматься по пологой лестнице вверх.

Вдруг погас свет. Потухли все фонари, электричество погасло и в окнах домов. Скарт усмехнулся.

— Все идет, как по нотам. Пошли скорее.

Они прошли мимо ресторана. Звучала танцевальная музыка, из темных окон доносились громкие голоса и смех.

— Странно, Симка нас не встречает. Ага, вот кто-то...

Они пошли медленнее. Сулло шел за Мюллером почти вплотную, иногда твердый и острый предмет, спрятанный в кармане пиджака, задевал Мюллера за бок...

— Нет, это не Симка,— прошептал Скарт.

Высокий широкоплечий силуэт посреди дороги. Лица не было видно, только огонек сигаретки краснеет в темноте.

— Откуда дует ветер? — спросил густой, хриплый бас.

Трое остановились как вкопанные.

— Откуда дует ветер? — повторил бас.

— Ветер дует с запада,— произнес Скарт.— Где Симка?

— Печет пироги. Он на месте. Возвращаться будем другим путем.

Скарт кивнул головой. Они вышли из парка и прямо на мостовой увидели большой грузовик с фургоном. Скарт остановился.

— Почему грузовик?

— «Опель» там... На нем вы поедете на север. Здесь нельзя...

— Не нравится мне это... — сказал Сулло.

— Как хотите,— сказал бас.— Можете возвращаться, пока темно. Свет зажгут через десять минут.

— Хорошо, поехали,— решительно сказал Скарт.— Как твоё имя?

— Вилли.

— Вот что, Вилли, ты сядешь в фургон с этим господином, — он тронул Сулло за руку, — а я и этот господин поедем в кабине шофера.

Мюллер слушал все это с видимым безучастием. Он сиделся представить себе дальнейшие события.

Мюллер сидел между шофером и Скартом. Тот открыл окно и положил локоть на подоконник. Когда грузовик поехал по асфальтовым улицам города, Скарт замурлыкал песенку.

Городок кончился, машина пересекла небольшое поле и углубилась в рощу. Здесь дорога была неасфальтированная, заброшенная, заросшая бурьяном.

Внезапно машина резко затормозила и остановилась. Рука Скарта молниеносно оказалась в кармане.

— В чем дело? — спросил он.

— Куда теперь? Здесь развилка.

— Ваша очередь командовать, профессор.

— Налево, поближе к реке.

Они ехали очень медленно, и Мюллер слышал, как низкие ветки деревьев царапали о брезентовый фургон.

— У вас отличная память, профессор, — сказал Скарт и закурил. — Сколько лет прошло с тех пор?

— Два десятка с лишним...

Скарт присвистнул.

— И после этого вы еще помните дорогу?

— Еще бы. Здесь было бомбоубежище. Осторожно, шофер, сейчас будет ров...

Действительно, машина наклонилась и начала медленно спускаться.

— Отличная память. Просто позавидуешь! — восхищался Скарт. — И вы помните даже дерево?..

Мюллер слегка пожал плечами.

— Нужно подъехать к тому месту, где была лаборатория. А там я сориентируюсь, — сказал он.

— И все же вы молодчина, профессор, — продолжал восхищаться Скарт. — Я думал, что вы этаким пугливый и слабонервный интеллигент... С такими всегда много возни. Как с худой бочкой, из которой течет масло...

Мюллер ничего не ответил.

Лес сразу кончился, и впереди, совсем близко, заблестели огни в окнах многоэтажных зданий. А совсем рядом, за поляной, виднелась черная полоса асфальтовой

дороги. Она спускалась вниз, к реке. Это была та самая дорога. Перед глазами Мюллера вспыхнула страшная картина: пылающие деревья, два огромных бомбардировщика и обессиленный доктор Роберто на обочине...

— Это было здесь,— сказал он хриплым голосом.— Выйдем...

Они вышли. Мюллер медленно побрел по опушке, по сырой увядшей траве, всматриваясь в сырую землю... Он никогда не предполагал, что за это время здесь вырастет новый город с большими домами, полными света и жизни. Город начинался совсем рядом, сразу за асфальтовой дорогой. Вот она, неистребимая жизнь!

За ним гуськом шли Скарт, Сулло, а в самом конце громадный, широкоплечий Вилли. Мюллер отлично понимал, что сейчас всякое неверное движение, любой подозрительный шаг неумолимо и неизбежно станет для него последним. Его провожатые не скрывали от него своей решимости покончить с ним, если только появится хоть тень подозрения. Это были прекрасно обученные профессиональные убийцы, для которых смерть давным-давно стала привычным ремеслом и источником существования.

Он остановился и с тоской посмотрел на светящиеся окна высоких современных домов. За этими окнами жили люди, мужчины и женщины. В своих квартирах, вместе со своими детьми, они были там и не подозревали, что совсем рядом с ними и во имя их жизни один человек, далекий, незнакомый, сейчас, сию минуту, делает осторожные шаги по краю пропасти. И даже если его уничтожат и завтра найдут его труп, то и тогда никто из них не узнает, кто он и почему здесь оказался.

— Итак? — услышал он за своей спиной.

«Неужели я ошибся и моя соотечественники стали такими беспечными, что не заметили нас?» — подумал Мюллер.

— Здесь должна быть тропинка в лес,— сказал он глухо. Сердце сильно стучало.

Сулло зашагал рядом с Мюллером. Было слышно, как он чавкает, жуя свою вечную жвачку. Мюллеру стало жутко.

— Еще далеко? — спросил Скарт.

— Нет. Шагов сто.

Они услышали, как по асфальту зашуршали колеса автомашинны и как она плавно остановилась.

— Ага, Симка. Я знаю его «Опель». Пошли быстрее.

Тропинка совсем заросла, и Мюллер раздвигал ветки руками. Они были мокрые, холодные и колючие.

— Тише,— пригрозил Скарт.— Ломаете сучья, как бегемот.

Они вышли на небольшую полянку.

— Так, теперь сюда. Пятьдесят шагов на восток.

Мюллер тяжело дышал, хотя они прошли всего несколько десятков метров. Тишина была зловещей и безмолвной. Иногда сверху на лицо ему падали тяжелые капли.

— Пятьдесят шагов прошли,— прошептал Скарт.

Мюллер остановился. Кромешная сырая тьма и тревожное безмолвие.

Один среди хищников...

— Ага, вот,— сказал он наобум, показывая на высокое дерево.

— Это не ель, это липа,— заметил Сулло.

— Черт возьми, действительно. Должна быть ель.

В темноте его взор блуждал, чтобы найти хоть какую-нибудь ель...

— А не та? — услышал он голос Вилли.

Среди кустарников возвышалось развесистое дерево.

— Да! — почему-то обрадовался Мюллер.

«В моем распоряжении еще десять шагов...»

По боку царапнуло что-то острое. Все понятно, господин Скарт...

— Копайте здесь,— прошептал Мюллер, задыхаясь.

— Нет, копайте вы. Так сподручнее,— сказал Скарт.

Сулло стал перед ним, Скарт сзади, Вилли слева...

Лопата вонзилась в тугой дерн.

— Быстрее. Машинам нельзя здесь торчать долго. Ш-ш...

Все замерли. Среди веток послышалось легкое шуршание.

— Ветер. Копайте быстрее.

Глаза привыкли к темноте, и Мюллер отчетливо видел, что Сулло стоял с пистолетом в руке, а Скарт держал длинный нож. «Неужели конец!...»

Лопата вдруг уперлась в толстый корень. Он посту-

чал по нему. Подошел Вилли и небольшим топориком одним махом перерубил его.

— За такое время ваш клад не мог зарасти,— прохрипел Скарт.— Что-то мне не верится, что здесь что-нибудь есть...

— Точно здесь...

Мюллер сжал зубы и начал яростно выбрасывать из ямы щепки.

— Тише. Не сопите так...

И вдруг! Перед самым лицом раздался выстрел, и он увидел пистолет в руках Сулло, вывернутый чьей-то рукой вверх. Мюллер невольно прикрыл рукой глаза. Сзади кто-то, наверное, Скарт, икнул, затем глухой удар, и он икнул еще раз и тяжело повалился.

— Вилли, осторожно. Их нужно взять живыми! — услышал Мюллер громкий голос,

3.

Жизнь на острове Лас Пальмас замерла. Под предлогом рождественских праздников Саккоро предложил всем жителям не только Лас Пальмас, но и Куэлло и Сардонео отправиться далеко на юг, на Пуэрто Рондо — небольшой райский остров с буйной девственной растительностью, золотистыми берегами и теплыми лагунами.

Френк поднялся очень рано и отправился к морю. На острове не было ни одного человека. Даже часового у причала не оказалось.

После купания он отправился на восточный берег острова, где за высокой стеной находилось футбольное поле. Сюда доставят ампулу с антижелезом и взорвут ее в присутствии Саккоро.

Не доходя до огороженной площадки, Френк решительно махнул рукой и повернул обратно.

У входа в бетонированный бункер он увидел первого человека. Молодой парень в форме «войск Саккоро» охранял вход. При виде Френка он улыбнулся, козырнул и отошел в сторону, чтобы пропустить его. На мгновение Френк задумался, глядя на часового.

Центральная лаборатория была упрятана глубоко в бетонированном подвале. Рядом с ней находилось хра-

нилище антижелеза. В магнитных ловушках накопилось около сорока граммов этого страшного металла. Шарообразные комки, рожденные из хаоса сталкивающихся нуклонов, совершали стремительные колебания в цилиндрических бутылках из кварца. Они были безопасны до той поры, пока к электромагнитам подводился электрический ток. Сложная система блокировки обеспечивала непрерывную подачу электроэнергии в хранилище, и все было устроено так, что при любой мыслимой аварии электромагниты продолжали работать. Для безопасности было смонтировано несколько каскадов аккумуляторных станций, которые в случае необходимости включались мгновенно.

Прежде всего нужно было отсоединить эти аварийные аккумуляторные станции...

Френк открыл тяжелую металлическую дверь и с изумлением застыл на пороге. Лаборатория была залита светом, а у входа в аккумуляторную сидел... Онто Саккоро. При виде Френка он вскочил на ноги и отложил журнал.

Несколько секунд они молча разглядывали друг друга.

— Вот уж не ожидал! — воскликнул Френк. — Почему здесь в такую рань?

Онто замялся. Затем кивнул на железную дверь, за которой находились магнитные ловушки, сказал:

— Пришел помочь тебе подготовиться... Ведь сегодня у тебя нет помощников.

— Понятно.

Френк лихорадочно думал, что делать. Кабель от аккумуляторных станций проходил в бетонной стене, и доступ к нему был замурован. Лишь в одном месте, известном только Френку, стенка была тонкой, всего в несколько сантиметров. Ее нужно было продолбить. Присутствие младшего Саккоро сильно усложняло дело...

Френк подошел к большому титановому прессу и включил рубильник. Он нажал кнопку, и многотонная машина бесшумно опустилась на стальную плиту.

— Это для чего? — спросил Онто.

«Я должен на него разозлиться. Иначе ничего не выйдет...»

— Поддай мне вон тот осциллограф.

Онто поднес металлический ящик и поставил его на стол рядом с прессом. Он раскручивал кабель и искоса наблюдал за Френком, а тот еще несколько раз нажал кнопку, как бы желая убедиться, что пресс работает безотказно.

Как избавиться от молодого Саккоро? И тут он вспомнил Лиз! Ага, теперь, кажется, он сможет разозлиться!

Он остановился и спросил:

— Ну, как твоя семейная жизнь?

Онто пожал плечами.

— Сегодня я не затевал бы этого разговора.

— И все же?

— Ты знаешь, игра была честной...

Действительно, игра была честной. Френк про себя отметил, что он не питает к этому парню никакой злости.

Онто и Лиз, Лиз и Онто! Ведь это такая ерунда по сравнению с тем, что он задумал... И все же ему нужно разозлиться.

— Поддай мне вон тот рулон бумаги. На нем схема.

— Знаешь, не читай им лекции. Они тупы и все равно ничего не поймут,— посоветовал Онто.

Френка тронула его прямота. Как от него избавиться, если он не питает к нему никакой неприязни?

— Лиз — хорошая женщина,— сказал Френк, вешая схему на доску.

Он очень хотел разозлиться на Онто из-за Лиз, но у него ничего не получалось.

Время подползло к девяти утра. Через час сюда начнут съезжаться...

— Признайся, ты ее у меня отбил,— сказал Френк не очень уверенно.

— Нет. Она сама пришла ко мне. Я ей как-то намекнул, что если ты от нее откажешься, она может прийти ко мне. Так оно и случилось...

— Все готово. Можно отдохнуть.

Они сели напротив друг друга. Френк заметил в глазах Онто едва уловимую тревогу. В бетонном бункере было тихо, как в оклепе. Сюда едва доносился шум трансформаторов из хранилища.

— Страшно? — спросил Френк.

— Почему ты спрашиваешь?

— Вот мы сидим с тобой рядом, а там, за стенкой, сорок граммов мгновенной смерти.

Онто вытащил сигаретку и закурил.

— Ты очень изменился, Френк, за последние дни. Постарел, — сказал он, выпуская густые клубы дыма.

— Когда каждый день находишься рядом с этим, постареешь... Где сейчас Лиз?

— Что она тебе далась? Уехала со всеми на Рондо.

Френк снова подошел к прессу. Опять то же бесшумное, мгновенное движение многотонной титановой болванки вверх и вниз.

Что делать, что делать?

— Тебя что-то беспокоит? — сказал Онто. Голос у него был глухой и тревожный.

— А тебя?

Онто замялся. Его глаза беспокойно забегали вдоль стен лаборатории.

Руки его лихорадочно шарили по карманам в поисках зажигалки. Сигарета потухла. Наконец ему удалось найти зажигалку, он раскурил сигарету и глубоко затянулся. Затем его как прорвало:

— Я не хочу умирать! Ты понимаешь? Я боюсь. Я не знаю, как это случится, но я уверен, что ты задумал именно это. Молчи и не говори ни слова. Когда ты прогнал Лиз, мне стало все ясно. Я хотел тебя убить. Да. Однажды ночью я шел за тобой по пятам. Но я не был уверен. Я не хочу умирать, Френк. Я знаю, что мой старик страшный человек. И ты знаешь это. Я из другого теста, другое поколение. Я не знаю, каким я буду в его возрасте. Но сейчас я не хочу, понимаешь, не хочу!

Голос у него дрожал, глаза блуждали, его трясло.

— Что я могу сейчас сделать? Ты знаешь, почему я пришел сюда так рано? Я хотел убить тебя. Да, смотри, — он вытащил из кармана маленький никелированный браунинг. — На, возьми... Я не могу им воспользоваться... Я просто не уверен, прав ли я. А если не прав? Или, вернее, может быть, ты прав и твое решение единственно верное. Убивать тебя бесполезно, потому что этим ничего не остановишь. Слишком далеко все зашло. А эти твои бутылки с проклятым веществом... Господи, что будет! Неужели ты сегодня...

Его глаза стали совершенно безумными, и рука медленно потянулась к браунингу.

Френк опередил его.

— Скажи, ты действительно задумал это? Скажи только правду! Умоляю тебя. Ты ведь нарочно потребовал, чтобы все уехали на Рондо! Все, кроме самых главных. Ты хорошо знаешь, что было бы, если бы ты отдал проклятое вещество им? Они уже наняли трех летчиков. Огромные, бесшабашные парни. Смертники. Пьют и гуляют на Овори. Они готовы к вылету... Скажи, что мне делать, что делать? Пусть я трус и ты презираешь меня, но я не хочу испаряться с вами вместе! Понимаешь, не хочу! Френк, скажи, что мне делать?..

Френк встал. Онто был бледен и весь трясся. Боже, какой жалкий он был сейчас.

— Убирайся отсюда,— наконец, прошептал Френк.— Убирайся немедленно!

Онто попятился к выходной двери.

— Стой! — крикнул Френк.— Я провожу тебя до причала. Я не очень-то верю, что у тебя хватит решимости даже убежать.

Какое ослепительное солнце! Ни единого облачка на небе...

— Ты поедешь с этим парнем,— сказал Френк, указывая на часового.

В ответ он услышал только лязг зубов. Онто сгорбился и торопливо зашагал к причалу.

— Пошли,— сказал Френк часовому.— Ты проводишь господина Онто на остров Пуэрто Рондо.

— Да,— бросил Онто.— Я успею, Френк, мы успеем?..

— Если поторопитесь, успеете.

Онто перескочил через борт лодки, за ним влез ничего не понимавший часовой. Френк отцепил лодку от причала. Застучал мотор. Онто взглянул на него вытаращенными невидящими глазами.

— Прощай, Френк... О, будь ты проклят!..

Его часы показывали половину десятого. Ждать оставалось тридцать минут.

Он вернулся в бетонный бункер и принялся долбить стену рядом с железной дверью. Кабель в нише он перерезал ножом...

После этого он открыл хранилище и подошел к кварцевой бутылки, заключенной в массивный железный кожух. Ловушка была тяжелой, и он едва дотащил ее до пресса. За ней волоклись провода в резиновой изоляции.

Он положил ловушку с антижелезом так, чтобы ее ось уходила в океан... Он знал форму взрыва, и теперь мог побеспокоиться о том, чтобы никто не пострадал... Ни Лиз, ни другие...

Теперь все. Распределительный щит с рубильниками стоял прямо у бетонной стены. Если выключить питание, электромагниты прекратят действовать, и дьявольский металл упадет на стенки сосуда. Если рубильник не выключать, то же самое получится при нажатии кнопки пресса. Круг замкнулся. Это произойдет в любом случае.

Зазвонил телефон.

Он неуверенно снял трубку.

— Алло, алло! — услышал он знакомый женский голос. — Френка Долори!

Боже, этого еще не хватало! Лиз!

— Алло! — настойчиво требовала она. — Соедините меня немедленно с Долори!

— Я соединила, — послышался бесстрастный голос телефонистки.

— Френк, ты меня слышишь?

— Да, — сказал он.

— О, Френк! Как хорошо, что я с тобой связалась. Я немедленно выезжаю к тебе!

— Что? Ты с ума сошла! Ни в коем случае!

— Я выезжаю. Немедленно. Родштейн сказал...

— Ни в коем случае! К тебе отправился Онто!

— Не нужен мне Онто. Я теперь все понимаю. Я еду!

— Я приказываю тебе оставаться на месте! — отчаянно закричал он. — Оставайся на месте!

— Родштейн сказал... Я все равно еду!

Он бросил трубку и вытер потный лоб.

Он почувствовал весь ужас своего положения. До звонка он действовал, как бездумный автомат, включенный в смертоносную цепь неумолимых событий. Сейчас он в ужасе представил себе, что Лиз окажется рядом с ним. О, этот проклятый немец, Родштейн! Что он ей мог сказать? Что?

Френк стал ходить по лаборатории из угла в угол. Скорее, скорее бы покончить со всем. Она придет не раньше, чем через час. Если не воспользуется гидропланом. Лучше бы она поехала на катере! Лиз, Лиз, что ты, глупая, делашь!

Шаги за полуоткрытой дверью лаборатории заставили его насторожиться. Он встал возле пресса и загородил спиной ловушку. Ему показалось, что электрический свет потускнел. Наконец! Теперь он будет действовать быстро и решительно...

Вошли Саккоро, Семвол, генерал Дортмунд и еще три не знакомых ему человека. У них были серьезные, напряженные лица. Первым к нему подошел Семвол и молча пожал руку. Остальные поклонились и расселись кто где. Френк обратил внимание, что старый Саккоро был совсем крохотный, сморщенный старичок. Он, казалось, совсем высох. Только глаза его лихорадочно блестели...

— Очень хорошо, что, наконец, свершилось,— сказал Семвол. Лицо у него подергивалось.— Начинайте, Дорлори, дорога каждая минута...

— Нам не нужны подробные объяснения. Лучше покажите...— Саккоро показал костлявой рукой на трех молодых парней.— Покажите им, как нужно пользоваться.

Френк крепко сжал зубы. Теперь от него уже ничего не скрывали. Хорошо, я вам сейчас покажу!

— Вот, смотрите,— начал он отойдя от пресса.— Здесь магнитное хранилище, и в нем сорок граммов вещества. Оно безопасно, пока хранилище питается электроэнергией. Стоит ее отключить, и тогда...

— Как его можно погрузить на самолет? — торопливо спросил Саккоро.

— Прежде всего, на самолете нужно установить источник питания. Несколько аккумуляторов. Хранилище с антижелезом необходимо также перевезти на аэродром, не отключая электропитания...

В лабораторию, запыхавшись, влетел Родштейн.

— Род! — воскликнул Френк.— Почему вы здесь?

Родштейн, как бы не слыша его, подбежал к прессу. Он вытер потное лицо носовым платком и обвел собравшихся выпученными желтыми глазами.

— Шикарное сборище,— пробормотал он.— Давно мечтал встретить всех вместе!

Семвол вскочил на ноги. Он почуял что-то недоброе.

— Стоп, господин бывший полковник,— крикнул Родштейн и деловито вытащил из кармана огромный маузер.— Я давно собирался с вами поговорить...

Все в ужасе смотрели на толстого немца.

Он злобно улыбался...

Не сводя глаз с Саккоро, Семвола и летчиков, он обратился к Френку:

— Из того, что вы задумали, ничего не выйдет. Идите на берег. Там вас ждет Лиз!

— Род!

— Идите на берег, говорю вам! Здесь вам делать больше нечего!

Саккоро истерически закричал:

— Вышвырните это гнусное чудовище? Чего вы стоите?

— Одно движение — и вы мертвецы.

Родштейн поднял пистолет.

— Френк, не будьте дураком и убирайтесь отсюда! — крикнул он.

— Вы с ума сошли, — шептал Френк, которому начало казаться, что он сходит с ума.

Родштейн начал отвратительно смеяться.

— Я был бы последней скотиной, если бы разрешил этой сволочи завладеть...

Он продолжал хохотать.

— Вы не физик, а болван, Френк, — кричал Родштейн. — Давным-давно я поменял полюса на масс-спектрометре!

— Вы?..

— Да. Теперь убирайтесь поскорее. Лиз вас ждет.

Френк попятился к двери.

— Стойте! — закричал Семвол. — Куда вы уходите?

— Идите, идите, Френк. Я расправляюсь с ними сам!

«Поменял полюса, поменял полюса...»

Опять ослепительное солнце!

Он выбежал из бункера и помчался туда, где на волнах колыхалась небольшая лодка. Лиз стояла в открытой кабине гидроплана и махала ему.

— Поменял полюса! Род изменил полярность! — кричал ей Френк.

— Скорее, скорее, — звала она.

— Родштейн изменил полярность! У них нет никакого антижелеза, у них обыкновенное железо!

— Я знаю! Скорее...

— Профессор Мюллер, мы очень вам благодарны за то, что вы согласились приехать сюда и помочь нам в одном важном деле,— Базанов прекрасно говорил по-немецки.

Это вызвало у Мюллера едва уловимое удивление. Затем он нахмурил брови и задумался. Где-то он встречался с этим русским? Встречался ли?

— Если я действительно вам помогу, буду очень рад...

Базанов протянул Мюллеру сигареты и шелкнул зажигалкой. Пока тот прикуривал, полковник тоже внимательно смотрел ему в лицо. И вдруг...

— Товарищ Петер? — спросил Базанов.

Мюллер вздрогнул — узнал. Как давно это было!..

...Первый год войны. Канун Нового года. Подмосковная деревушка, затерявшаяся среди дремучих, непроходимых лесов и глубоких снежных сугробов... Он особенно хорошо помнит эти ели и эти сугробы.

Мюллер, радист-шифровальщик штаба одного из специальных подразделений танковой дивизии, вошел в избу, держа в руках радиограмму. В избе было накурено и едва коптила керосиновая лампа. За столом собрались высшие немецкие офицеры, чтобы отпраздновать Новый год. Возле каждого — стакан водки.

Радиограмма говорила о потерях немецкой армии под Москвой. Страшные потери. До Нового года оставалось несколько минут, когда генерал прочел сводку. Он вытащил пистолет, встал, снова сел.

— Вот что, обер-лейтенант,— обратился он к Мюллеру.— Наверное, вам, при вашей должности, еще не удалось убить ни одного русского. Там, в сарае, сидит один, их разведчик. Берите его и ровно в полночь расстреляйте. Бог войны требует жертвы.

...Они шли по снегу. Русский — заложив руки за спину. Мюллер с пистолетом шагал за ним. Странно — этот русский поет! Вполголоса поет веселую песенку. Он босой, ноги его, наверное, давно окоченели. Мюлле-

ру стало страшно от этой отрешенности, от этого бесстрашия человека, которого он должен расстрелять.

— Не зацепитесь. Здесь в сугробах ветки деревьев,— предупредил русский.

— Вот вам мои сапоги, бегите! — прошептал Мюллер.

— А вы?

— Скажу, что на меня напали партизаны. Возьмите и шинель.

— Но...

— Бегите, бегите...

— Вы замечательный человек! Как ваше имя?

— Петер.

— Прощайте, товарищ Петер...

Когда шорох ветвей утих, Мюллер несколько раз выстрелил вверх...

Он тогда и не подозревал, что штурмфюрер СС Рейнмахер такой проникательный человек. Мюллера без труда уличили во лжи. Русский, оказывается, был важная птица.

Мюллер узнал, что такое пытки. Так появилась на его груди кроваво-красная надпись. А после он бежал, доктор Роберто помог ему...

— Думаю, там, на островах, вам приходилось нелегко,— говорил Базанов, глядя на Мюллера смеющимися глазами.

— Самое неприятное, что все затянулось на десятки лет. Это было испытание на терпение, часто на бессилие. Ужасно, когда ничего не можешь сделать... В последние годы такое у меня было очень часто. Я видел, как они шли вперед, и не мог помешать. Я все ждал, что на острова прибудет какая-нибудь международная комиссия и начнет расследование. Но она не приезжала.

Базанов нажал кнопку, вошел адъютант.

— Пусть введут Грибенко.

— Грибенко? — спросил Мюллер.

— Вроде ничего особенного. Механик, специалист по сантехнике. Может оказаться, что вы его знаете.

Дверь отворилась и появился невысокого роста человек в кожаной куртке. Он держал руки в карманах и нагло осматривал Мюллера и Базанова.

На минуту водворилось молчание. Глаза Мюллера сощурились, губы сжались, лицо сделалось жестким.

Что-то знакомое, очень, очень знакомое... Какие-то тяжелые, болезненные ассоциации. Эти рыжеватые волосы, бледно-голубые глаза, широкие скулы. Но теперь на лице не было ни злобы, ни хитрости, а насмешливая наглость.

— Хейнс,— прошептал Мюллер и поднялся.— Хейнс!

— Чего изволили сказать, гражданин? — спросил Грибенко,— я на вашем языке не понимаю.

— Ваша фамилия Хейнс, вы работали в Отдельной лаборатории. Мы виделись с вами последний раз в старом замке в Баварии, у некоего господина Семвола!

Лицо Грибенко на мгновение напряглось, но тут же приняло обычное выражение. Он недоуменно пожал плечами.

«Тренировка отличная!» — подумал Базанов.

— Куда вы делись после посещения Семвола? Вы совершенствовали вашу специальность? Вы были очень неквалифицированным шпионом. У Роберто мы знали, кто вы такой.

— Ничего не понимаю,— виновато произнес Грибенко.— С немецким в школе у меня всегда было плохо... Не привили любовь.

От глаз Базанова не ускользнуло, что Грибенко начал понемногу терять уверенность в себе.

— Хватит с меня этих дурацких разговоров,— взревел Грибенко.— Вы еще ответите за то, что пытаетесь повлиять на мою психику! Тут ни один нормальный человек не выдержит... Если хотите, я тоже начну сейчас говорить что-нибудь такое, и тогда...

Он застыл с открытым ртом и выпученными глазами. Сопровождаемый солдатом, в кабинет вошел Сулло. Как всегда, он жевал.

Он держался очень свободно, этот Сулло: подошел по очереди ко всем и каждому посмотрел в глаза. Подходил он совсем близко, как будто был близоруким. Возле Грибенко он остановился и наклонил свое лицо вплотную к его лицу. Это был тот самый прием, которым он пользовался в лагере.

— Я всегда считал вас мешком дерьма, а не разведчиком. Из-за вас, Хейнс, всем нам крышка...

Отскочив к окну, Грибенко-Хейнс закричал во все горло:

— Предали! Проклятые, предали! Все вы заодно с ними! Предали! Так погибайте же все до одного! Смерть, она у них, она у нас, она всюду!..

Даже Сулло сплюнул и отвернулся.

— Вот, кажется, и все,— сказал Базанов.

2.

Два самолета летели совсем рядом. Казалось, несколько шагов по пушистому облачному полю, и можно перейти из одного самолета в другой. Их тени прыгали по облачным торосам, не отставая одна от другой. На высоте шести тысяч метров не было никаких признаков, что под облаками, над землей бушует пурга, что именно эти, с виду ласковые, невесомые сгустки пара несут в себе свирепый заряд зимней непогоды на месяцы вперед.

Нонна задумчиво смотрела в иллюминатор на проплывающие внизу облачные горы, долины и овраги и изредка поглядывала на второй самолет. Его серебристый корпус сиял в солнечных лучах, а широкие крылья иногда грациозно покачивались, как бы выражая прекрасное самочувствие могучей машины, выполняющей в родной стихии полезный и приятный труд. Во втором самолете были профессора Львов, Хлебников, Соколов, руководители лабораторий, секторов и групп института. Там был и профессор Котонаев, которого она, Нонна, ни за что не пригласила бы на эти испытания. Но, говорят, Валерий Антонович опять придумал что-то невероятное. Может быть, она его слишком сурово судит? Может быть, ее неприязнь к ученому, так же, как и неприязнь других сотрудников, вызвана не только свойствами его характера, но и тем, что случайно обнаружилось, что он не бог, а обыкновенный смертный?

Люди не прощают, если их предают боги. Это с детства засевшее желание иметь сильного покровителя, желание самоустраниться от управления своей судьбой. На них полагаешься, им веришь, и вдруг обнаруживается, что они вовсе не всесильные, чего-то не могут, в чем-то заблуждаются...

Нонна сидела рядом с дремлющим Николаем. Теперь она знала, когда он дремлет, а когда думает.

Впереди корреспонденты газет и журналов. Сзади стучала пишущая машинка. Молоденькая девушка, студентка факультета журналистики, записывала свои впечатления, боясь пропустить даже самую незначительную мелочь. Ей так повезло, эта необычная командировка.

Самолет дрогнул, и перед глазами Нонны вытянулось огромное серебристое крыло, которое закрыло второй самолет. Впереди зажглось красное панно: «Пристегните ремни! Не курить!»

— Николай, посадка! — сказала Нонна.

Он вздрогнул и выпрямился в кресле.

— И натяни повязку. Я знаю, ты спишь и видишь, когда ее выбросишь. Доктор сказал, нужно походить еще недельку, а потом снимать по вечерам...

Николай поморщился. Он осмотрелся вокруг одним глазом, но решительная рука Нонны опустила повязку.

— Ждать, ждать... — ворчал Молчанов. — Идиотизм ехать на испытания с завязанными глазами. Все равно, что идти в столовую с зашитым ртом.

— Николка, я буду рассказывать тебе все-все.

— Пропускная способность слухового канала связи в сто раз меньше, чем зрительного.

— Я буду говорить в сто раз быстрее, и мы компенсируем...

На аэродроме к Молчанову подошел профессор Соколов.

— Коля, есть любопытное дело, — сказал он, отводя его в сторону.

— Какое?

— Что бы там ни говорили про Котонаева, но он действительно гигант. Он нашел способ, как сделать, чтобы антивещество было стабильным!

— Не может быть! — воскликнул Молчанов.

— Да. Он изложил мне свои идеи в самолете. Мы кое-что с ним прикинули, получается здорово.

— Значит, наши космотроны еще пригодятся?

— Очень! После теоретических работ Любомирова по топологии квантованного пространства стало ясно, что аннигиляционные взаимодействия можно локализовать в пределах...

Соколов сказал самое главное едва слышным шепотом.

Молчанов широко улыбнулся и закивал головой.

— Гениально!

— Котонаев очень просит, чтобы вы работали у него.

Николай остолбенел и хотел что-то возразить, но Соловьев его предупредил.

— Я сказал, что вы, конечно, согласитесь, тем более, что организация работы теперь будет совсем иная. Не будет строгого деления группы на теоретиков и экспериментаторов.

— Да, но...

— Я знал, Коля, что вы согласитесь. Я ему так и скажу...

Николай услышал быстрые удаляющиеся шаги Соловьева.

— Что он тебе говорил? — спросила Нонна.

— Я и, конечно, ты, мы будем работать у Котонаева. Новое направление.

Нонна помолчала, потом, как школьница, прошептала:

— Ну и хитрюга этот наш старикан, просто ужас!

3.

Нонна сидела рядом с Николаем в кабине водителя и непрерывно тараторила.

— Николка, сейчас мы проезжаем по дну глубокого оврага. Справа и слева сопки, очень высокие, метров по сто.

— Двести семьдесят, — поправил шофер.

— Да, двести семьдесят. Здесь дорога поворачивает на север...

— На восток, — вставил шофер.

— На восток, Николка. Очень красиво. Снег висит на ветвях елей. Такие огромные белые шапки снега. Чудо здешней зимы...

— Дрянь, а не чудо. Заваливает дорогу...

— Говорят, Николка, дрянь, а не чудо. Впереди прогалина, сопки кончаются, видны деревянные бараки.

— Не бараки, а блиндажи, — поправил шофер.

— Это вроде землянок? — спросила Нонна.

— Вроде.

— Видны блиндажи вроде землянок. Подъезжаем

ближе. К нашей колонне подходит толстый дядечка в валенках...

— Стежко.

— А кто он?

— Начальник испытаний.

— Так и есть, Николка. Это — начальник испытаний. Суровый, толстый Стежко...

— Не суровый, а очень веселый дядька,— вставил шофер и остановил грузовик.— Выходите, радиокомментаторы, приехали.

Она взяла Николая за руку и повела к началу колонны, где возле первой машины собрались все приехавшие. В центре круга стоял Стежко и весело рассказывал, как они здесь живут.

— Тыщу километров туда, тыщу — туда, и ни одной души. Только дикие олени. Медведи попадаются... Ну, пошли, товарищи. Пообедаем, отдохнем и за дело...

— Скоро мальчики из соседнего института продемонстрируют свою работу,— сказала Нонна.

Николай покачал головой:

— Жаль, что нам нечего показать...

Соколов отозвался:

— Если бы не вы, у них тоже ничего бы не получилось.

Николай понимающе кивнул и вздохнул. Ему мучительно захотелось вернуться в Рожино и немедленно начать работу в новом направлении. Котонаев или не Котонаев, какая разница. Идея блестящая. Он вспомнил несколько экспериментов, которые в свое время он не мог объяснить. Он несколько раз обсуждал их с Самарским, и тот тоже ничего не понимал.

«У меня то же самое,— говорил Самарский,— закономерность, которую подметила Нонна, выполняется только в среднем. А в деталях нет. Антижелезо тает, тает, и вдруг — стоп. Аннигиляция прекращается на минуту, две, три. Однажды на целых десять. А потом опять тает...»

Наверное, эти остановки в самосгорании антивещества и предвидел Котонаев. Новое научное направление часто рождается из необъяснимых, на первый взгляд случайных мелочей. Когда товарищи говорили Николаю, что «в общем, закон распада такой», или «если усреднить, то получается вот такая плавная кривая», он

всегда морщился. Он боялся, что за этими «в общем», «усреднить» потеряется драгоценная крупинка...

— Николка, тебе не обидно, что твоя идея о ядерном лазере уже осуществлена?

— Честно говоря, обидно. А с другой стороны... Это ведь не только моя идея. У Сеньки Паушева, оказывается, возникла та же мысль. Он даже ее рассчитал. Расчет послали в другой институт, а там теоретики начали хохотать. Говорили: «Изобрел велосипед. Создал дифференциальное исчисление через триста лет после Ньютона». Ты Семену об этом не говори...

Быстро сгустились сумерки, облака рассеялись и заблестели звезды. Воздух стал упругим от мороза. Синоптики предсказали эту погоду за неделю, но никто им не поверил. И вот сейчас ясный, безветренный, кристально-чистый вечер, а о предсказаниях синоптиков все забыли. Пусть себе предсказывают следующий ясный вечер через неделю, через месяц, через год. Это их работа. Если они угадывают, про них забывают, если нет — ругают на чем свет стоит...

Стежко прикомандировал к каждой группе ученых проводника, и они разошлись по наблюдательным блиндажам.

В блиндажах все получили темные очки.

— Пусть на всякий случай и он наденет, — настойчиво сказал проводник, подавая очки Николаю. — Смотреть нужно вон на ту сопку. Запуск будет с седьмого квадрата...

Это было первое упоминание о запуске...

Молчанов тронул Нонку.

— Рассказывай очень подробно, — попросил он. — Начиная сейчас, чтобы я хорошо представил себе все...

Она выглянула из-за деревянного края блиндажа.

— Мы сейчас в неглубоком блиндаже. Стенки обшиты деревянными досками. Никаких укреплений. Значит, никакого взрыва не ожидается. Впереди перед нами широкое, белое поле, которое сейчас не белое, а темно-синее. На небе ни облачка и много-много звезд. Они почти не мерцают. Такие спокойные, аккуратные звездочки. Вроде чего-то ждут...

Николай улыбнулся и прижал к щеке ее теплую варежку...

— Дальше, за полем серая невысокая сопка. Серая, потому что на ее склонах деревья. Если хорошенько присмотреться, то на вершине сопки какая-то вышка. Нет, это не вышка, это параболическая антенна. Пока впереди больше ничего не видно. Справа какая-то низенькая постройка. Только что там погасили свет.

Ее рассказ прервал громкий, на все поле, голос из радиорепродуктора.

— Надеть темные очки! Надеть темные очки! Запуск начнется с последним сигналом электрочасов...

Часы стучали так громко, что Николаю показалось, что он стоит не в блиндаже в открытом поле, а в большом гулком зале.

— Здорово стучат,— сказал он Нонне взволнованно.— Не забудь рассказать самое главное...

— Хорошо. Я постараюсь. Только, пожалуйста, надень очки...

— Зачем они мне?

— Надень.

Она нацепила ему очки поверх повязки.

— Сейчас начнется,— сказала она.

Удары часов прекратились, и послышались сигналы точь-в-точь, как во время проверки времени по радио.

— Ну,— нетерпеливо спросил Николай.

— Пока ничего. За сопкой... Ага, началось! За сопкой что-то вспыхнуло. Ярче, ярче... Яркое оранжевое зарево... Теперь гаснет... Совсем потемнело... Вдруг! Вдруг в небо поползла золотистая змейка... Тонкая, как серпантинковая ленточка. Она рассыляется на искры, а впереди сияет крохотная оранжевая головешка. Совсем неинтересно. Какая-то не очень яркая оранжевая сигнальная ракета. Сейчас еле заметная... Сейчас погаснет...

До слуха Николая донесся далекий гул, как раскаты грома, как артиллерийская канонада...

— Погасла. Странно... О! О, боже мой! Какое чудо! Николка, какое чудо! Больше, больше, ярче, да что же это такое!

— Говори, говори, что?

— Солнце! Нет, больше! Больше, чем солнце! Огромный ослепительный шар! Как будто его надувают, и он становится все больше и больше! Он очень высоко и очень огромный. Больше, чем луна, больше, чем солнце! Он не круглый, а вытянутый, как сигара, и совершенно

неподвижный! Ночь кончилась! Кругом ослепительная белизна. Больно смотреть даже сквозь черные очки! Нет, не шар! Что-то очень голубое... Жар-птица странной формы! Ослепительная голубая белизна...

— Свет проникает сквозь повязку! — крикнул Николай.

Он почувствовал на своем лице тепло, мягкое пушистое тепло от невидимого источника.

— Говори, говори! — кричал он.

— Он, этот шар или баллон совершенно неподвижный. Висит в небе и сияет! Поле стало совершенно белым! Я вижу это в щелку... Ха-ха-ха! Николка, по полю мчится стадо оленей! Они перепугались, потому что внезапно наступил день! Ты слышишь, как кругом кричат люди? А шар все висит и светит ярче, чем солнце! О, кругом все ликуют! А олени, глупые! Они от испуга сбились возле самой сопки! А он все светит, и свет такой спокойный и ровный! Ты чувствуешь, как стало тепло? Олени побежали! В ложину, между сопками! Глупые животные! Коленька, он поплыл! На запад и вверх! Быстрее, быстрее, очень плавно! Он очень быстро поднимается вверх, становится меньше! Наверное это летательный аппарат!

До слуха донесся ровный, гармоничный звук, который с каждой секундой становился все тише...

— Меньше, меньше... Еще одна сильная вспышка! Как взрыв света, далеко-далеко в небе! Все исчезло... Опять ночь... Даже не видно, где это было. Совсем темно... Сейчас опять вижу звезды...

И тогда над полем снова зашипел огромный радиорепродуктор и громкий, взволнованный голос торжественно произнес:

— Сегодня, в двадцать часов по московскому времени, впервые в истории ракетно-ядерной техники был произведен успешный запуск управляемой космической станции «Фотон-1», которая была выведена на орбиту тремя мощными фотонными двигателями! Впервые в истории в качестве энергии движения космического аппарата использован свет!..»

К звездам! Только свет может унести человека к звездам. Только при помощи света он может вернуться на землю и рассказать о фантастических мирах, о далеких таинственных светилах.

Они мерцают в глубине Вселенной и манят, манят неутомимого искателя. Они посылают ему свои тонкие, холодные струи света и говорят: «Иди по ним, и ты дойдешь».

Это просто и непостижимо. Просто потому, что свет вокруг нас, а непостижимо потому, что он бестелесный и неуловимый...

Глубокие тайны природы скрыты в простом и будничном. Кто перестанет удивляться вечному сиянию солнца, кто не замечает прыгающих на волнах ярких зайчиков, кто не задумывается над тем, куда исчез свет свечи, когда она погасла, тот не достигнет звезд...

Покорителем Вселенной будет тот, кто поставит могучие плотины на бурных потоках вечного света. Кто смело ухватит за крыло сияющую жар-птицу и подчинит ее своей воле!..

Е. Войскунский, И. Лукодянов

ТРОЕ В ГОРАХ

Рассказ

Смотреть на часы не имело смысла: все равно надо сидеть, пока не кончится ураган. Все же Игорь посмотрел на часы — хотелось что-нибудь сделать, чтобы не взвыть от тоски. Для этого пришлось приподнять капюшон. Сразу черный ледяной ветер резанул лицо.

Он соображал медленно — очевидно, результат оцепенения. Светящиеся стрелки, большая и малая, сошлись слева — он не сразу понял, почему видит только одну. Значит, без четверти девять. Сколько же он, Игорь, сидит здесь, сунув руки в рукава штормовки, наглухо закрыв лицо капюшоном и свесив ноги над пропастью? Только четыре часа?

Четыре безумно долгих часа он сидит на узком каменном карнизе, и его жизнь поддерживается, страхуется восьмимиллиметровым репшнуром, который привязан к скальному крюку, вбитому в расщелину. Хорошо ли он держится? Об этом лучше не думать.

Ветер плотной воющей массой налегал на правый бок. В горах разносились шорохи, треск и свист.

Конечно, если рассудить, Игорь очень плотно сидел на карнизе. Большой, «абалаковский» рюкзак упирался в скалу за спиной. Вот только ноги мотает на ветру. И холодно. Хорошо хоть, что сейчас не зима. Хорошо, что он послушался Кирилла, надел две пары толстых шерстяных носков, наизнанку, по альпинистским прави-

лам. Так что, вообще говоря, крюк и репшнур — только страховка, на всякий случай...

Слово «страховка» напомнило зелено-узорчатую бумагу. На обороте — правила выплаты в случае увечья или смерти при несчастном случае. Вспомнилась светло-волосая девушка — агент по страхованию жизни; она приходила в комитет, кажется, в марте или в апреле, и он, Игорь, полюбезничал с ней малость, прежде чем выложил рубль... Рубль — и жизнь! Смешно. Несопоставимо...

Деять часов. В Москве в это время можно пойти в кино, в кафе, мало ли куда. Неужели вот сейчас где-то там за воющей темнотой, далеко на севере, существует Москва? Москва с ее уличным шумом, с кольцом бульваров, со светящимися призывами есть мороженое и покупать билеты денежно-вещевой лотереи.

Существуют ли на свете автоматы с газированной водой, троллейбусы, кафе «Юность» и стадион в Лужниках?

А просторные коридоры Госкомитета, привычная шестисот седьмая комната — снизу панели «под дуб», сверху — нежно-зеленый, тисненый узорами пластик? А стол Игоря? А специальный телефонный справочник, которым Игорь так гордился, потому что не всем выдают такие?

Как все это хорошо, привычно, благоустроено, хотя Катя над этим посмеивается и хочет уйти на завод, и уйдет... если только они выберутся отсюда живыми, если когда-нибудь кончится эта кошмарная ночь в горах.

Он повернул голову вправо, приподнял капюшон, крикнул:

— О-го-го-о!

И сейчас же отозвался высокий Катин голос:

— Ау-у-у!

И вслед за ней гаркнул Кирилл.

Надо же: Катя сидит на карнизе в каких-нибудь нескольких метрах от него, Игоря, а он ее не видит. Ну и темнотища.

Бедняжка, как ей страшно, должно быть, сейчас. Это он виноват, потащил ее в горы. Навьючил на ее хрупкие плечи здоровенный рюкзак. Сунул ледоруб в намазанные пальчики... Собственно, не он, а Кирилл

затял этот чертов поход. Но ей-то, Катюше, от этого не легче.

Осенью они, Игорь и Катя, поженятся, дело решенное. Достроится комитетский дом, в котором ему обещана квартира,— и полный порядок. Нет, все у него, Игоря, складывается хорошо. Ребята из их выпуска на периферийных заводах чертят за сто двадцать в месяц, а он — уже главный специалист Госкомитета. Правда, Катя посмеивается, говорит, что фактически он — нечто вроде письмоводителя при Иване Демьяновиче. А, чепуха. Просто она немного несерьезная. Как Кирилл. Тот тоже вечно посмеивается. Вечно в разъездах — то на севере, то где-то в пустыне, в Хорезме. Хоть он и кандидат наук, а специальность у него... Археология! Архаизм какой-то в эпоху высшей автоматике.

Пусть они посмеиваются. Он, Игорь, потихоньку подбирает уже материалы для диссертации. Будет настоящая работа, на современном уровне знаний.

Скорее бы кончился ураган. Скорее бы выбраться к перевалу, спуститься к Сухуми, бултыхнуться в теплое море — ух!

Кате действительно было страшно. Не столько пугали ночь и ветер, сколько шорохи и трески. Будто гора вот-вот расколется под ударами бури...

Она старалась думать о привычном, перебирала в памяти свою коротенькую жизнь, которая казалась ей то смешной, то трагичной.

Веселая и беззаботная школьная пора. Первое горе — провалилась на экзаменах в институт. Под давлением родителей поступила на курсы машинописи и сделалась секретаршей в управлении координации. Вскоре быстрая и сообразительная девушка в совершенстве изучила сложное переплетение коридоров огромного здания. Она легко запоминала фамилии и номера телефонов. Знала, кто визирует бумаги «раньше Иванова», а кто «позже Иванова». Никогда ничего не путала и не забывала. Поступила в вечерний институт — и шесть лет учения прошли незаметно...

А когда она предстала перед комиссией по распределению, Иван Демьянович, который был и ее начальником в комитете и председателем комиссии, сразу ска-

зал: «Ну, Катюша, с вами ясно: никуда из нашего управления вы не уйдете».

Катя протестовала. Ведь с сегодняшнего дня она — инженер по автоматике и телемеханике. Она хочет на производство. Она согласна ехать куда угодно...

Ее не дослушали, и она пересела за другой стол и стала получать другую зарплату. Она уже не разносила бумаги, а сама их писала. Это называлось — «исполнение». Она «исполняла» все, что ей говорил Иван Демьянович. А так как она идеально знала не только фамилии, но и инициалы, — а без инициалов нельзя писать письма — и знала всю научно-техническую Москву, то она стала незаменимым «исполнителем».

Разумеется, Катя понимала, что кто-то должен собирать визы на проектах постановлений и готовить сводки, но она понимала и то, что место молодого специалиста не здесь, как бы ни была важна ее канцелярская деятельность. Но такая уж судьба: ее секретарская практика оказалась важнее инженерного диплома.

Игорь, который тоже попал в комитет со студенческой скамьи, не был с ней согласен. Он считал, что теперь, когда грань между умственным и физическим трудом стирается, вопросы управления играют высшую роль, и молодым специалистам надо учиться координировать и регулировать. А она, Катя, говорила, что лет через двадцать все пойдут на производство с укороченным рабочим днем, а координировать будет вместо комитета хороший электронный мозг.

Он славный, Игорь. Немножко напускает на себя солидность, но это не такая уж беда. Даже приятно, что он умеет держаться с достоинством. К ней, Кате, он просто чудесно относится. Ей многие женщины в комитете завидуют — она точно знает. Ну еще бы: такой умный, видный... Перспективный, как говорят.

Странно: два брата, Игорь и Кирилл, а ведь совсем не похожи. Правда, братья они по отцу, матери у них разные. Игорь высокий, черноволосый, а Кирилл коренастый и косолапый, на голове у него копна волос дивного оранжевого цвета, а брови желтые-желтые, выгоревшие. Что-то есть в этом Кирилле от хитрого деревенского знахаря. Этаким простачком держится, а вставит словечко — держись! Он неуживчивый — Игорь ей рассказывал.

Катя улыбнулась, вспомнив выходку Кирилла. Они прилетели из Москвы в Минеральные Воды и решили два дня пожить в Кисловодске. Утром второго дня Катя и Игорь ожидали Кирилла в парке, возле Нарзанной галереи. Кирилл появился в длинной клетчатой рубашке, выпущенной поверх шорт, — казалось, будто он без штанов. Все смотрели на него. «С ума сошел?» — зашипел Игорь. Катя тоже была несколько шокирована. С трудом удалось им убедить Кирилла заправить рубашку в шорты.

Он очень томился в Кисловодске, Кирилл. Бродил, сонный, по красным дорожкам теренкуров, бормотал себе под нос: «Все шлют Онегина к врачам, те хором шлют его к водам.» Повеселел только, когда они отправили городскую одежду до востребования в Сухуми и сели в автобус, идущий в Теберду. Дивная, дивная Теберда! Никогда Катя не забудет, как легко там дышалось, как легко ходилось — будто крылья за плечами выросли. Оттуда они и вышли в поход через горы к Черному морю...

Сквозь вой ветра — грохот скатывающегося камня. Катя съежилась. Страшно...

Слева доносится:

— Ого-го-о!

Это Игорь. Беспокоится, должно быть, о ней ужасно...

— Ау-у-у! — кричит она. Замерзшие губы еле шевелятся.

— Эге-ге-ей! — рычит Кирилл откуда-то справа.

Кирилл напряженно вслушивался в ночь. Он был не новичок в горах и отдавал себе полный отчет в опасности положения. Очень сильный ветер. Ураганный. Конечно, веревка страхует достаточно. Но вот камнепад... Все чаще срываются сверху камни. А над головой никакого укрытия...

Черт дернул его, Кирилла, свернуть с обычной туристской тропы. Пошли не той долиной, не там поднялись — и попали сюда, на стык трех хребтов. Спрямили дорогу — зато теперь сидят на незащищенном карнизе и лязгают зубами.

Опять сорвался камень...

Где-то в стороне...

Полжизни отдал бы Кирилл, только бы утих ураган.

Только бы вывести Игоря и его девушку в безопасное место.

Почему-то ему все время кажется, что под ним, в нескольких метрах, широкий выступ скалы. Эх, не разглядел при свете, а теперь, в окаянной черноте, и подавно не увидишь. И все же он невольно наклоняется, смотрит вниз, таращит глаза...

Яростный порыв ветра. Кирилл не успел податься назад, его сорвало с карниза, и он повис на веревке. Но под ногами была опора. Да, он не ошибся: это выступ скалы. Переведя дух, он осторожно попятился от края выступа — и почувствовал за спиной пустоту.

Стоя в неудобной позе, на носках — туго натянувшаяся веревка не давала встать на всю ступню, — он вытащил фонарик-динамку. О-о, пещера! Вот это повезло! Можно укрыться от камнепада...

Кирилл вскарабкался на карниз, добрался до Кати, потом — до Игоря. Отпустив подлиннее веревку, слез, принял у них рюкзаки, потом помог им спуститься.

Один за другим они пролезли в узкое отверстие. Луч фонарика скользнул по серому мрачному своду. Пещера оказалась довольно глубокой, она расширялась вверх и в стороны. Ветер почти не задувал. Кирилл распаковал рюкзак, зажег свечу — ее пламя чуть колебалось, но не гасло.

У Игоря что-то звякнуло под ногой. Он нагнулся, поднял пустую консервную банку. Прочел вслух:

— Курица в собственном соку, Невинномысский птицекомбинат.

— Ну-ка, — Кирилл забрал у него банку. — Верно. Значит, не мы первые идем этой дорогой.

— Хочу курицу, — жалобно протянула Катя. — Курицу в собственном соку.

— Три банки мясных консервов заменят нам курицу, — сказал Кирилл. — Давайте, братцы, ужинать.

Они собрали маленький походный примус. Воды в пластмассовых фляжках было еще достаточно. Разогрели консервы, по-альпинистски густо, как суп, заварили чай.

— Жизнь прекрасна, — резюмировал Кирилл, затягиваясь после ужина сигаретой. — Ну, пещерные жители, залезайте в спальные мешки. К утру буря утихнет и тронемся в путь.

Они проснулись все сразу, ощутив слабое сотрясение каменного массива. В хвостовом вагоне скорого поезда пассажиры спокойно спят, хотя их непрерывно трясет. Но подземный толчок, сигнал грозного бедствия, пробуждает всегда.

Они еще не поняли, что произошло, но их сразу охватила тревога — непонятный, подсознательный страх.

Вероятно, наши далекие предки, жившие в ту пору, когда Земля была моложе, чаще испытывали ужас землетрясения и передали нам в структуре молекул ДНК память о них — страх беспомощности...

Кирилл торопливо зажег свечу, посмотрел на встревоженные лица. Теперь, уже бодрствуя, они ощутили второй толчок и слышали глухие подземные раскаты, продолжавшиеся, как им показалось, нескончаемо долго, а на самом деле — не более минуты.

Игорь выскочил из спального мешка, метнулся к выходу.

— Назад! — крикнул Кирилл.

— Надо уходить. Завалит! — На Игоре лица не было.

— Здесь безопаснее, — сказал Кирилл. — Снаружи не пройдешь. Сейчас такие камни посыплются...

Нарастающий грохот покрыл его слова.

— Дальше от входа! — заорал Кирилл.

Он схватил за углы спальный мешок вместе с неуспевшей вылезть Катей и поволок его в глубь пещеры. Игорь последовал за ним.

Грохот нарастал, перекатывался. Каменный массив вздрагивал от ударов. Со свода пещеры сыпались камешки, что-то шуршало и потрескивало, и все невольно пригибали головы. Метался желтый язычок свечи.

И вдруг... Будто сама гора вздохнула с чудовищной силой. Колыхнулся воздух, заложило уши, сотрясся под ногами камень. Свеча погасла.

Наступила тишина.

— Кончилось, — вырвалось у Кати. — Боже мой, что это было, Кирилл?

— Обвал. — Кирилл прокашлялся. — На Кавказе бывают такие штуки.

Он прислушивался к тому, что делалось снаружи, но теперь доносились лишь шуршание и слабые трески. Кирилл взглянул на светящиеся стрелки часов: половина четвертого.

— Скоро рассвет,— сказал он.— Тогда и посмотрим, что произошло. А сейчас — досыпать.

— Хорошо, что мы нашли эту пещеру,— сказала Катя.

— Да уж... На карнизе от нас и мокрого места бы не осталось.

Игорь проснулся. Немного полежал, не открывая глаз. С удовольствием ощутил, как за ночь отдохнуло тело. Вчерашний день — трудный переход по хребту, крутой траверс, длинный путь по узкому карнизу, внезапно налетевшая буря, ледяная чернота, ветер, долгое сидение на привязи, потом — страх землетрясения, шум горного обвала — все это вспомнилось, как что-то нереальное. А сейчас — полная тишина. После бури должна быть хорошая погода...

Он потянулся и открыл глаза.

Что еще за новости! В пещере темным-темно. Почему не просачивается дневной свет? Неужели еще ночь?

Игорь посмотрел на часы. Четверть десятого!

Катя мирно спала рядом в своем мешке. Кирилла не было.

Игорь зажег спичку и пошел к выходу. Ему пришлось согнуться вдвое: отверстие суживалось. Он увидел Кирилла, стоявшего на коленях.

— Что случилось? — шепотом спросил Игорь.

Кирилл вместо ответа пожужжал динамкой. Желтый луч фонарика прошелся по угловатым каменным глыбам, загроздившим выход из пещеры.

— Завалило?.. — У Игоря сорвался голос.

— Как видишь.— Кирилл погасил фонарик.— Ты ничего не замечаешь?

Слабенький свет процеживался через щели между камнями в черноту пещеры.

— Что я должен заметить? — хмуро спросил Игорь.

— Свет идет снизу, а не сверху. Понимаешь? Обвал завис. Камни заклинило в ущелье, оно ведь здесь очень узкое... Подожди-ка минутку.

Кирилл ушел в глубь пещеры и вскоре вернулся с мотком капроновой веревки.

— Держи конец, будешь меня страховать.

— Ты что хочешь?

— Полезу, посмотрю.— Кирилл сбросил куртку, обвязался веревкой и пополз в промежуток между глыбами.

Извиваясь, он перебирался из одной щели в другую. Становилось светлее. Кирилл упрямо пытался проникнуть вниз. Когда каменный лабиринт кончался непроходимо узкой щелью, он отступал вверх или в сторону и снова настойчиво искал дорогу. Игорь то отпускал веревку, то выбирал слабику: веревка служила Кириллу нитью Ариадны, чтобы выбраться обратно из каменного хаоса.

— Ну как? — кричал время от времени Игорь.

— Пока никак, — глухо доносился ответ.

Кирилл изрядно порвал одежду, цепляясь за острые углы. Понемногу он удалился от борта ущелья. Рассеянный свет становился яснее, определеннее. Иногда где-то наверху раздавалось потрескивание — колоссальная тяжесть оползня сдавливала камни, — и Кирилл с замедлением сердца останавливался, прислушивался. Раз или два ему показалось, что снизу доносится мерный рокот.

Наконец, когда он обогнул очередную глыбу, в глаза ударил яркий свет: лицо оказалось над небольшим отверстием. Внизу, на головокружительной глубине, по ущелью бежала узкая бурная речка. Клокочущий желтый поток с шумом обтекал камни, которые, наверное, обрушились этой ночью. О глубине нельзя было судить — никакого ориентира для сравнения.

Кирилл обполз еще несколько камней нижнего ряда висячего завала, отыскивая щель достаточно широкую, чтобы можно было пролезть. Безуспешно. Он вернулся к тому отверстию, сквозь которое была видна речка. Немного отдохнул, расслабив натруженные мускулы. Потом отвязал от пояса веревку и прикрепил ее к острому углу каменной глыбы. Пополз вверх, нащупывая веревку и следуя ее изгибам.

— Наконец-то! — встретил его Игорь. — Ну что?

— Это не обвал, а оползень, — сказал Кирилл. — Видимо, весь бок горы сполз, и все держится на крупных обломках — их заклинило в ущелье, ниже нас.

— Так что же делать?

— Попробуем добыть воду, у нас ее совсем мало. Надо собрать все веревки.

Катя лежала в пещере на спальном мешке. Когда Кирилл зажег свечу, она приподнялась на локте, тихо спросила.

— Пропали, Кирилл?

— Да что вы! Сейчас пойду за водой. Потом чаю попьем,— с наигранной веселостью сказал он.

Он взял все фляжки, термос и белое полиэтиленовое ведро. Собрал веревки.

— Как я все это протащу через щели? Игорь, тебе придется поползти со мной.

Игорь нерешительно шагнул к щели.

— А если это хозяйство завалится? Сверху все время потрескивает...

— Без воды пропадем,— негромко сказал Кирилл.— Надо идти.

— Я пойду с вами, Кирилл,— неожиданно сказала Катя.

— Ну уж нет. Придумала тоже.— Игорь забрал у Кирилла ведро и термос.— Пошли.

Кирилл порывлся в рюкзак и извлек красный пастельный карандаш. Затем он углубился в щель, делая карандашом жирные стрелки на камнях.

— Зачем это? — спросил Игорь, пробираясь за ним.— Ведь веревка указывает дорогу.

— Может, и ее придется пустить в ход.

Добрались до отверстия. Кирилл привязал веревку к дужке ведра и спустил его вниз. Пришлось пустить в ход все веревки, включая и ту, что служила путеводной нитью.

Тщетно пытался Кирилл зачерпнуть. Ведро прыгало по воде и никак не хотело лечь набок. Он поднял его. Огляделся.

— Нужен камень. Для тяжести. Давай-ка поищи.

— Может, вернемся, Кирилл?.. Слышишь, как трещит?

— Делай, что тебе говорят. Наверх и вправо — там щель, забитая щебнем. Ну, живо!

Игорь молча уполз. Он долго не возвращался, и Кирилл, беспокоясь, не заблудился ли он, окликнул его. Не получив ответа, крикнул громче — голос его жутко усиленным эхом прокатился по каменному лабиринту. Он заорал что было мочи — и тут увидел подползавшего Игоря.

— Почему ты не отвечаешь?

Игорь, тяжело дыша, протянул на ладони камень.

— В приличном обществе принято отвечать на вопросы,— раздельно сказал Кирилл.

Он положил камень в ведро. Теперь дело пошло. Семь раз пришлось опускать и поднимать ведро, чтобы наполнить всю посуду. Кроме того, они сами напились до отказа,— чтобы экономнее использовать емкости, как выразился Кирилл. От холодной, пахнувшей снегом воды заломило зубы.

И еще раз в тот день отправился Кирилл в опасный путь внутри завала. Он привязал к камню записку и спустил ее на веревке на дно ущелья. Камень покачивался над прыгающим потоком. Бывают же здесь люди, думал Кирилл. За горой есть какой-то поселок. Люди недалеко. Не может же быть, чтобы здесь не проходили люди...

Он смотрел в каменное окошко, пока там, внизу, не начало темнеть. Ущелье наливалось синевой.

Висячий завал потрескивал — казалось, стонали камни, задыхаясь под страшной тяжестью.

— Который час? — спросила Катя.

— Без десяти девять. Вечера,— ответил из темноты голос Кирилла.

— Второй день кончается.— Катя тихонько вздохнула.— А кажется — второе столетие...

Она сидела, обхватив руками колени. Сидела и думала, что ужасно хочется умыться. Рассердилась на себя: надо же, какая чепуха лезет в голову.

Кирилл зажужжал динамкой. Пятно света залпыгало по изломанным стенам пещеры.

«Что он ищет все время? — подумала Катя.— Бродит по пещере как лунатик. Как будто в пещерах бывают потайные двери...»

— Игорь,— позвала она.— Ты спишь?

Молчание. Катя протянула руку и наткнулась на ботинок Игоря. Толкнула его.

— Перестань спать. Слышишь? Нельзя все время спать.

— Я не сплю.

— Почему же не отвечаешь?

— Ну вот — отвечаю. Что?

— Какой-то голос у тебя стал... неприятный... Сядь. Прощу тебя.

— Ну, сел.

Катя придвинулась, обхватила его голову, вгляделась в провалы глаз на слабо белеющем в свете фонарика лице.

— Не хочу, чтоб ты молчал... Слышишь?..— Ее пальцы гладили его щеки, ласково коснулись губ.— Мне ничего не страшно, слышишь? Только не молчи... Мне не страшно, потому что мы вместе...

— Мы замурованы,— хрипло сказал он.— Понимашь ты это? Замурованы!

— Игорь, умоляю тебя!.. Нас найдут... Кто-нибудь пойдет ущельем и наткнется на записку. Кирилл же говорит, тут недалеко поселок...

— Кирилл говорит! Он тебе наговорит!.. Отцу всю жизнь испортил, а теперь... И-ди-от...— простонал Игорь сквозь стиснутые зубы.— Надо же быть таким идиотом, поддаться его уговорам... потащиться в эти проклятые горы...

Он замолчал. В мертвой тишине каменного мешка жужжала динамка, желтое пятно теперь не металось, оно медленно скользило по небольшому участку стены.

Текли ненужные, постылые часы. Спал Игорь, забылась тревожным сном Катя. Только Кирилл все бродил по пещере со своим фонариком. Хорошо, что никто не видел его лица.

Катя проснулась от стука. Она не сразу поняла, где она и что происходит. Испуганно воззрилась на свечу, догорающую на перевернутой консервной банке. Кирилл долбил ледорубом стену возле входного отверстия. Он был в майке, плечи его блестели от пота, нечесанные рыжие волосы торчали жесткими вихрами.

Кате показалось, что он сошел с ума.

— Что вы делаете, Кирилл? — спросила она.

Он сразу обернулся, провел ладонью по лбу.

— Идите-ка сюда. Видите? — Он ткнул ледорубом в слоистые беловатые обломки.— Это глинистый сланец. Когда-то наша пещера была открытой горизонтальной щелью, но потом ее забило... Сторону, которая обращена к обрыву, забило обрушенным пропластком слан-

ца... Похоже, что щель тянулась дальше вдоль обрыва, но вот здесь ее перегородило обрушение.

— И вы хотите...

— Да. Хочу поковырять эту стенку. Посветите-ка фонариком, а то от свечи мало толку.

Катя принялась сжимать и отпускать тугой рычажок динамки. Она быстро устала, пришлось сменить руку. Потом она стала работать обеими руками. А Кирилл, казалось, не знал усталости. Долбил и долбил стену. Рушились обломки. Кирилл весь покрылся серой пылью, она смешивалась с потом...

Вдруг он бросил ледоруб и решительно направился к Игорю, и Катя машинально повела за ним луч фонарика.

— А ну-ка, вставай,— проговорил Кирилл.— Хватит валяться. Ну, живо!

— Уйди,— ответил Игорь.— Я не встану.

— Встанешь! — Кирилл был страшен.

— И не подумаю выполнять твои...

Игорь не договорил. Кирилл схватил его под мышки и рывком поставил на ноги.

— Ты не смеешь...— возмущенно начал Игорь.

— Смею!

Несколько секунд они стояли друг против друга, и Катя подумала, что сейчас они сцепятся в драке, но вдруг Кирилл сказал тихо, почти просительно:

— Мне трудно одному. Возьми ледоруб и помоги нам.

Игорь молча нагнулся, разыскивая ледоруб.

Теперь они долбили стену вдвоем, а Катя, закусив нижнюю губу, изо всех сил сжимала и разжимала динамку. Прошел час или два, а может быть, минут двадцать — они потеряли представление о времени. Сыпались из-под ледорубов обломки; те, что покрупнее, они вынимали и оттаскивали в сторону.

— Кирилл,— сказала Катя,— а вдруг обвалится потолок?

— Не обвалится.— Кирилл остановился, перевел дыхание.— Здесь,— он ткнул ледорубом вверх,— твердая порода... Отдохни, Игорь. И вы, Катя, отдохните. Давайте завтракать.

— Или обедать...— Катя улыбнулась в темноту.

Игорь от еды отказался. Катя с трудом уговорила его немного поест. Потом они снова принялись прорубать

туннель. «Туннель,— со страхом думала Катя,— который никуда не ведет».

И еще сутки прошли. В Кирилла словно демон вселился: чем дальше углублялся туннель, тем яростнее рубил он сланец. Игорь валился от усталости. У Кати одеревенели руки и тупо, не переставая, болела голова. А Кирилл был неутомим. Он позволял себе лишь редкие и короткие передышки. Когда Катя засыпала, он зажигал свечу и снова набрасывался на стену. «Откуда такая сверхчеловеческая сила?» — думала Катя. Она видела, что обломки, которые Кирилл вытаскивал из туннеля, по-прежнему серые и слоистые, и понимала, что Кирилл не остановится, пока не наткнется на камень. И, ужасаясь, она ловила себя на мысли, что ей все уже становится безразлично...

...Игорь отбросил ледоруб, потер плечо и пошел в тот угол, где лежали фляги и стояло полиэтиленовое ведро. Катя смотрела на него, продолжая светить Кириллу.

— Ты куда?

Он молча поднял ведро и, постояв немного, медленно двинулся к заваленному выходу из пещеры.

— Игорь! — крикнула Катя.

Он повернул к ней лицо, напугавшее ее своим спокойствием.

— Что тебе надо?

— Я спрашиваю: куда ты идешь?

— Не можешь сообразить?.. За водой полезу.

— Но Кирилл принес недавно. Во флягах еще есть...

Игорь не ответил. Пригнувшись, полез к завалу. Катя вскинула взгляд на Кирилла — тот продолжал тюкать ледорубом, будто ничего не слышал, — а потом рванулась к Игорю, вцепилась в него, потащила назад...

В полной темноте они, задыхаясь, боролись. Игорь молча отрывал от себя ее руки, но она оказалась сильнее: Отчаяние — вот что придало ей силы.

— Ты... дрянь... — слышала она его сдавленный голос. — Все... все против меня... В последний раз на белый свет взглянуть — и то не даете...

Он изловчился, ударом в грудь оттолкнул Катю. Она вскрикнула...

И тут Кирилл заорал:

— Свет!

Катя поднялась, шагнула к туннелю. Не то всхлинула, не то прерывисто вздохнула, увидев впереди слабый-слабый свет...

— Вытаскивайте обломки! — скомандовал Кирилл.

Что-то обрушилось под ударами ледоруба, и в пещеру проник луч дня. Живой, солнечный, насквозь пропыленный...

А еще через полчаса, вытащив обломки из туннеля — всего-то он был длиной в три метра, — они гуськом пошли вперед. Ход круто свернул влево, и яркий свет ударил в глаза. Они остановились, зажмурились, ошеломленные острой болью в глазах. Потом, привыкнув, двинулись дальше. Еще несколько шагов — и они оказались снаружи, на широкой треугольной площадке.

Катя глубоко вздохнула и запрокинула голову, подставляя солнцу улыбающееся лицо.

— Какой же вы молодец, Кирилл! — вырвалось у нее.

Кирилл быстро прошел к краю отвесного обрыва. Да, он не ошибся: их пещера была частью открытой щели, — теперь, когда они пробили пропласток сланца, это стало очевидно. Открытая щель тянулась дальше метров на тридцать, огибая крутой контрфорс горы, и выходила не в то узкое ущелье, над которым завис оползень, а в широкую горную котловину.

Но дороги вниз отсюда не было.

— Как же мы спустимся? — спросил Игорь. — наших веревок не хватит.

— Не хватит, — подтвердил Кирилл. — Но, может, удастся пройти поверху.

Все задрали головы вверх. Круто, круто... Но все же есть куда поставить ногу, вон трещины, в которые можно забить крюки.

Кирилл, продолжая смотреть вверх, сделал шаг назад, что-то звякнуло у него под ногой. Из-под слоя щебня торчало толстое звено цепи. Кирилл смотрел на него, вытаращив глаза. Потом присел на корточки, потер камнем цепь — под зеленовато-коричневой пленкой окислов тускло заблестел желтый металл.

— Бронза! — воскликнул он и принялся разгребать щебень.

Цепь была укреплена за скобу, замурованную в камень. От скобы отходили еще три такие же цепи, одна —

оборванная посредине, две — с обломками каких-то широких браслетов на концах.

Кирилл поскоблил ножом заделку скобы. Под серым налетом сверкнула серебристая полоска.

— Похоже на свинец, — пробормотал он. — Но какие здоровенные цепи! Посмотрите-ка, ребята. — Он примерил обломок браслета к своему запястью. — Это рассчитано на гиганта... Черт, неужели легенда о Прометее имеет такое... такое конкретное основание?.. Неужели действительно в горах Кавказа приковывали людей на растерзание птицам?

— Ну, понесся, — насмешливо сказал Игорь. — При чем тут Прометей?

— Во всяком случае, какой-то человек гигантского роста. В общем, выдающаяся личность. Для простых преступников не стали бы тащить сюда цепи, заливать свинцом скобу... По ценам эпохи ранней бронзы такие цепи — целое состояние. Но какой это был человек, какие руки и ноги!

Катя с любопытством примерила браслет, в него могли бы поместиться восемь таких рук, как у нее.

— Интересная конструкция цепей, — продолжал Кирилл. — Литые звенья, очень хитро соединенные...

— Может быть, ты вспомнишь о нашем положении? — раздраженно сказал Игорь.

— Верно. — Кирилл выпрямился и опять посмотрел наверх. — Цепи не убегут. Вы тут посидите, а я поднимусь, посмотрю.

— Я с тобой, — сказал Игорь.

— Не надо. Тебе будет трудно.

Игорь промолчал. В любом виде спорта он дал бы Кириллу сто очков вперед, но что касается лазания по горам... Тут, конечно, Кирилл был посильнее. Вернее — просто опытнее. Косолапый черт... Выбрал себе смехотворную профессию, в самом названии которой было нечто отсталое, архаичное. В самом деле, кому нужна в эпоху кибернетики его диссертация — «Технология палеолита»?.. Разве что таким же чудакам, как он.

Игорь знал, что многие солидные люди проводят отпуск в горах. Кроме того, расстояние от Теберды до Сухуми на карте казалось таким ничтожным. Но тогда он не представлял себе гор в их страшном величии. Вывернутые, вспученные миллиарды кубометров камня —

первобытная дикость, да и только. И вот изволь тащиться по этому «палеолиту» с тяжеленным рюкзаком и ледорубом...

Он вспомнил, как в Москве, идя с этим самым ледорубом из магазина, он подмечал на себе уважительные взгляды прохожих. Да, тогда было приятно. Если бы он знал, что через две недели окажется запертым в этих бессмысленных горах... А все из-за упрямства Кирилла и неорганизованности администрации. Да, да, альпинистское начальство в Теберде не должно было выпускать их на свой страх и риск, оно было обязано подключить их к организованной группе с опытным инструктором...

Кирилл медленно и осторожно поднимался, забивая скальные крючья в расщелины. Ну и видик у него, подумал Игорь, — будто с головы до пят мукой обсыпали...

— Долго как лезет, — сказал он.

Катя не ответила. Она, не отрываясь, смотрела на Кирилла. Лицо у нее было измученное, осунувшееся, в уголки губ забились серая пыль.

— Все-таки мы пробились на белый свет, — тихо сказал Игорь, глядя на нее.

Катя молчала. Он подошел, положил руку ей на плечо. Она гибким движением высвободилась, все продолжая смотреть наверх. Губы у нее были плотно сжаты.

— Ты сердисься? — У Игоря вдруг перехватило дыхание. — Прощу тебя, Катя, не надо...

— Мне трудно сейчас с тобой говорить... извини... Ой, сорвется! — воскликнула она.

Но Кирилл не сорвался. Просто неудачно поставил ногу. Пришлось вползти на вершину буквально на брюхе. Тяжело и часто дыша, он огляделся.

Вершина была изолирована. Никаких обходных путей...

Отсюда он хорошо видел ущелье, где их застигла буря. Оползень загрозоздил узкий треугольник, образованный стыком хребтов. Огромную массу — несколько десятков миллионов кубометров, никак не меньше — удерживали какие-нибудь две-три сотни крупных глыб, заклинившихся в ущелье. Вероятно, ночное землетрясение потревожило верхний пласт, он сдвинулся и, найдя зеркало скольжения, сполз и завис. Ну что ж, можно ему маленько помочь, весело подумал Кирилл...

Стоп! Вспомнив о чем-то, он вытащил измятую, многократно сложенную карту и ориентировал ее по карманному компасу. Осмотрелся. Как будто все правильно. На северо-западе — Главный Кавказский хребет. Вон снежная вершина Софруджу, увенчанная характерным черным зубом. Вот остроконечные Джугутурлучат и Аманауз. А вот и стык трех хребтов. Здесь они находятся, в этой точке. Вот ущелье, безымянная речка... Ах, черт! Кирилл присвистнул. Ну что за невезение!..

Было трудно спускаться, вытаскивая по пути скальные крючья. И еще труднее было сказать товарищам, что выхода нет...

— Собственно, выход есть, — сказал он в заключение, — но им нельзя воспользоваться.

— А какой выход? — быстро спросила Катя.

— У меня в рюкзаке четыре брикета взрывчатки — не успел сдать перед отъездом.

Он сел, вытянув ноги, потрогал свежую дыру на брюках, на коленке.

— Ну, ну? — торопил Игорь.

— Что — ну? Заложить брикеты между камней, да подорвать замок, который сдерживает оползень. Все полетит вниз. Тогда освободится дорога...

— Так что же мешает?

Кирилл развернул карту.

— Смотрите. Здесь — мы. А здесь — поселок горняков. Видите? Внизу, по этой самой речке... Если завал рухнет, там камня на камне не останется.

— Почему ты решил, что оползень обязательно накроет поселок?! — вскричал Игорь.

— Ручаться не стану. — Кирилл медленно складывал карту. — Но камни покатаются вдоль русла и могут достичь поселка. А раз есть какая-то опасность, мы не имеем права.

Он прислонился спиной к склону горы и закрыл глаза. Игорь хмуро смотрел на его вздернутый подбородок, поросший рыжей щетиной.

— Права не имеем, — повторил Кирилл. — Но у нас появилась обязанность.

— Еще и обязанность в нашем положении?

— Думаешь, оползень долго продержится? Камни замка сжаты с огромной силой, на них давят миллионы тонн. Завал все время потрескивает...

— Выходит, и само может рухнуть? Без взрыва?

— В любой момент.

— Значит, нельзя ходить за водой,— сказала Катя.

— Без воды не проживешь,— возразил Кирилл и посмотрел на нее.— Это оправданный риск... А взрыв — риск множеством чужих жизней.

— Которые могут погибнуть и без взрыва,— уточнил Игорь.

— Могут,— кивнул Кирилл.— Но они не знают об опасности: из поселка завал не виден. А мы знаем. И мы обязаны предупредить их.

— Как ты это сделаешь?

— Давайте подумаем... Собственно, и думать особенно нечего: много ли можем мы сделать? Надо дежурить здесь, на площадке: вдруг в котловине появятся люди... Ну, и еще: там, над ущельем, висит наша записка — надо ее дополнить... Вот и все.

Кирилл вытащил из наколенного кармана записную книжку и складной метр, присел на корточки и начал снимать эскизы цепей. Он увлекся работой. Запускал пятерню в пыльную рыжую шевелюру и как-то странно двигал нижней челюстью влево-вправо.

— Нашел время возиться с этой ерундой,— зло сказал Игорь.

Челюсть Кирилла пришла в нормальное положение.

— Это не ерунда,— проворчал он.— Совсем не ерунда, братец ты мой... Даже совсем наоборот...

— Но ты собирался вывесить новую записку.

— Правильно. Вот мы к ней и приложим описание цепей. На всякий случай...

Низко над хребтом плыла полная луна. В пещеру сквозь пробитый туннель процеживалась толика лунного света. Трое лежали в спальнях мешках. Огонек сигареты Кирилла описывал короткие дуги, то разгорался, то тускнел.

Катя сказала:

— Вы на самом деле думаете, Кирилл, что тут был прикован, ну, если не Прометей, то кто-то другой?

— Кто его знает,— раздался скрипучий голос Кирилла.— Цепи есть цепи. Зря не стали бы их сюда тащить... Ясное дело, приковали какого-то здоровенного дядю.

— Ой, такие ручищи у него были — страшно представить... Кирилл, а может... действительно Прометей? — высокий голос Кати дрогнул и оборвался.

— Ну, это же легенда, Катя, — сказал Игорь. — Легенда, больше ничего.

Катя не ответила. Кирилл с шумом затаился. В той стороне, где был туннель, в слабом свете за клубился дым от его сигареты.

— Правильно, — проскрипел Кирилл. — Бабушкины сказки. Дедушкины враки. Больше ничего.

— Не надо так, — попросила Катя. И после долгой паузы добавила: — Если я не ошибаюсь, Прометея приковали как раз здесь, в горах Кавказа.

— Не ошибаетесь, — подтвердил Кирилл. — Этот миф вообще возник не в Греции, а в древней Грузии, лет этак три с половиной тысячи тому назад.

— Расскажите, пожалуйста.

— Ну... разве что для вас... — Голос Кирилла смягчился. — Итак, по древнегрузинскому мифу, был такой герой по имени Амирани, сын солнца. Он освободил людей от злых дэвов, научил их добывать огонь и обрабатывать металл.

— Амирани? — переспросила Катя.

— Да, Амирани. Характер у него, видимо, был неважный, он вступил в борьбу с небожителями, и за это боги приковали его к скале — здесь, на Кавказе. Гораздо позднее, в шестом веке до нашей эры, на Кавказское побережье проникли греки и основали колонии в Колхиде. И вот тогда-то они преобразовали легенду об Амирани в миф о Прометее, непокорном титане.

— Дальше я знаю, — сказала Катя. — Прометей похитил у богов огонь...

— Перед этим, Катя, он устроил богам еще одну пакость. Прометей, как и Амирани, научил людей счету и письму, врачеванию и мореходству и всяким ремеслам. Тут как раз новые боги победили титанов и потребовали у людей жертвы. Боги — они такие, себя не забывают! И вот Прометей, заботясь о людях, которым жилось нелегко, подsunул богам худшие части жертвенного животного — надо полагать, кишки и всякую там требуху. Кстати, греки и в дальнейшем всегда так поступали. Так вот: боги сильно осерчали и отняли у людей огонь. Тогда-то Прометей похитил огонь с Олимпа и отдал лю-

дям. За это боги приковали его в горах Кавказа, и орел каждый день рвал ему печень, а ночью печень восстанавливалась, а днем — снова орел... пока Геракл не убил орла и не освободил Прометея... Вы не спите, Катя?

— Нет, — ответила она, но голос у нее был сонный. — Расскажите еще...

— Да уж все, в общем. Любопытно, что грузинская легенда с появлением христианства, примерно в пятом веке нашей эры, опять видоизменилась. Амирани стали выставлять нечестивцем, которого лично Христос посадил на цепь. Оно и понятно: народный герой-богоборец был опасен, к лику святых такого не причислишь. — Кирилл умолк и закурил новую сигарету.

— Одно утешение, — сказал Игорь в Катину сторону, — что мы заперты не где-нибудь в захолустье, а в легендарном месте.

Катя не ответила, она ровно дышала — спала, должно быть.

Некоторое время в пещере было тихо.

— Слушай, Кирилл, — заговорил Игорь, понизив голос до шепота. — Давай все-таки внесем ясность в положение. Продукты на исходе, за водой ходить опасно. Рано или поздно, ты сам говоришь, завал рухнет, мы не можем его предотвратить... Кроме того, если бы у нас не было карты, мы бы не знали о существовании этого поселка, верно ведь? И мы преспокойно взорвали бы завал.

Он умолк, ожидая ответа. Но ответа не последовало.

— Ты слышишь, Кирилл?

— Давай дальше.

— Да чего ж дальше? По-моему, я сказал достаточно ясно.

— Договаривай до конца.

— Ну, изволь. В общем... я за немедленный взрыв.

Опять молчание.

— Я договорил до конца. Почему ты молчишь?

— Договорил, верно... Ну, а если оползень после взрыва накроет поселок?

— Ты уверен в этом?

— Нет, не уверен.

— Видишь, не уверен... Посмотри на вещи трезво, Кирилл. Мы бессильны помочь поселку. Оползень вот-вот рухнет сам...

— Давай-ка спать,— прервал его Кирилл.

— Пойми, речь идет о жизни и смерти... Ты ученый, кандидат наук. Мы с Катей занимаемся координацией научных работ огромной важности...

— Иначе говоря,— резко сказал Кирилл,— сотня горняков, не имеющих высшего образования, их не по моде одетые жены и сопливые ребятишки не стоят наших трех высокоинтеллектуальных жизней, это ты хочешь сказать?

— Ну, не так, конечно. Зачем обострять?.. Просто я хочу напомнить известную истину, что ценность человека определяется его общественной значимостью.

В пещере стало совсем темно: наверное, луна уплыла за хребет. Чиркнула спичка, осветив на миг лицо Кирилла.

— Общественная значимость, говоришь... Слышу, слышу голос Василия Егорыча.

— Причем тут отец? Оставь его в покое.

— Я бы и рад оставить в покое нашего дорогого родителя, да вот — услышал знакомую интонацию.

— Злопамятный ты тип,— раздраженно сказал Игорь.— Никак не можешь простить отцу ту старую историю. А сам? Чем ты лучше отца? Ты ведь тоже с женой разошелся.

— Разошелся.

— Так какого же дьявола...

— Постой, Игорь. Ты прекрасно знаешь, почему я разошелся...

— Еще бы! Вечно шляешься по экспедициям, к тому же твой миленький неуживчивый характер... Да на ее месте любая бы не выдержала.

— Пусть так,— медленно сказал Кирилл и сделал подряд несколько затяжек.— Пусть так,— повторил он.— Не спорю, характер у меня паршивый... Но у Василия-то Егорыча все было по-другому.

— Детали не имеют значения.

— Имеют!

— Чего ты орешь? — зашипел Игорь и повернулся в сторону Кати.

С минуту они прислушивались к ее ровному дыханию.

— Спит,— прошептал Кирилл.— Умаялась... Ладно, Игорь, кончаем разговор — все равно ни к чему он не приведет, разлаемся только.

— Ханжа — вот кто ты, — угрюмо проговорил Игорь. — Сам грешен, а другим ничего не спускаешь.

— Прекрати, Игорь...

— Узколобый ханжа. По-твоему, человек не имеет права уйти от нелюбимой женщины к другой, которую...

— Да не так же было, не так! — Даже по голосу чувствовалось, что Кирилл мучительно морщится. — Не накручивай, ради бога, на все это любовь... Просто, когда Василий Егорыч в тридцатые годы шибко пошел в гору, необразованная жена стала его стеснять. В сущности, довольно банальная история о том, как один учился, а вторая штопала ему носки, стряпала и укачивала ребеночка, чтобы он не орал над папиным ухом, потому что папе надо было учиться...

— Сам помнишь? — спросил Игорь.

— А потом, когда папа выучился, — продолжал Кирилл, не обращая внимания на иронию, — он огляделся орлиным взглядом по сторонам...

— Тебе и пяти лет тогда не было, так что ты можешь судить только по пристрастным рассказам матери. А отец мне говорил, что у нее был жуткий, необузданный характер...

— Ну да, я же в нее пошел, — усмехнулся Кирилл.

— И потом не надо забывать: отец ей помогал долгие годы — совершенно добровольно, без этого... как его... исполнительного листа.

— Что верно, то верно. Он и мне однажды помог, Василий Егорыч. Выпутал из трудного положения, хотя я и не просил. Он у нас чадолюбивый, Василий Егорыч... Только вот напрасно он в науку пошел. Сидел бы у себя в главке... А так — высказываться надо было, вот он и высказался в пятидесятом о лженауке кибернетике. Теперь, небось, и самому стыдно.

Игорь завозился, поворачиваясь в мешке на другой бок.

Молчание воцарилось в пещере.

Утром Кирилл озабоченно осмотрел фляги и термос. Слил воду — оказалось всего две кружки — и стал привязывать пустые фляги к поясу так, чтобы они были по бокам. Затем взял ведро.

Катя сказала:

— Ужасно боюсь, когда вы идете в завал. Там трещит все чаще...

— Что поделаешь, без воды нельзя, — ответил Кирилл с той мягкой интонацией, которая у него появлялась, когда он разговаривал с Катей. — Да не беспокойтесь, завал еще держится крепко. Вы с Игорем пока побудьте на площадке. Поглядывайте в котловину — вдруг кто-нибудь появится.

Он уполз в завал, осторожно проталкивая перед собой ведро. Катя поглядела ему вслед, потом шагнула к туннелю, ведущему на площадку.

— Катя, — позвал Игорь.

Она остановилась в пыльном столбе света.

— Я хочу поговорить с тобой.

— Ну что ж, говори, — спокойно ответила она и, поставив ногу на обломок камня, принялась рукавом свитера счищать с брюк пыль.

— Не знаю, когда мы отсюда выберемся и... выберемся ли вообще, — сказал Игорь, подходя к ней, — но я хотел бы, чтобы ты меня поняла... и не сердилась...

— Я не сержусь, Игорь. Это не то слово.

— Знаю, ты оскорблена... Катя, это вырвалось у меня случайно. Просто минутная слабость. Минутное помрачение, если хочешь...

Она посмотрела на его запавшие глаза и небритые щеки, на горькие, незнакомые складочки у уголков рта. Взгляд ее смягчился.

— Хорошо, Игорь, — сказала она. — Минутная слабость. Верю тебе.

— Катюша, дорогая ты моя! — Он обрадованно протянул ее к себе, поцеловал в плотно сжатые губы. — Все, что угодно вытерплю, только не будь отчужденной...

Он целовал ее лицо и пыльные волосы, а она стояла в его объятиях, безвольно опустив руки и закрыв глаза. Потом высвободилась, машинально тронула рукой волосы, сказала:

— Разогрей консервы, а я подежурю на площадке. — И тихо добавила: — Хоть бы скорей он вернулся. Там так трещит...

Она скрылась в туннеле. Игорь зажег примус и поставил на него банку тушонки. Оставалось еще две банки мясных консервов и одна с гороховым концентратом. На

сколько дней можно их растянуть? Сколько можно еще продержаться на галетах и сахаре? Он вспомнил, как Кирилл в Теберде набивал рюкзак синими пакетами с рафинадом. Услышал его скрипучий голос: «В горах надо есть побольше сахару»...

Игорь постоял в раздумье над рюкзаком Кирилла. Четыре брикета взрывчатки, подумал он. Ночью, когда Катя и Кирилл заснут, полезть в завал и... и открыть дорогу. Свершившийся факт, вот и все... Только вот — нужны какие-то капсюли, детонаторы, бикфордов шнур. Наверное, в его рюкзаке все есть, но как это соединить?.. Сколько отрезать шнура, с какой скоростью он горит? В книгах Игорю попадались фразы вроде: «Рассчитав шнур на двенадцать минут, он поджег...» А как рассчитать? И как заложить заряд между камней? Кажется, надо его поместить в плотном гнезде... Ну, как-нибудь сообразим...

Игорь прислушался. Все тихо. Он решительно присел на корточки и запустил руки в рюкзак Кирилла...

Стоя на краю выступа, Катя смотрела вниз, в котловину. Вершины гор были освещены ранним солнцем, а внизу простиралась глубокая, хранящая ночную прохладу, тень. Пушистое облачко — комок ваты — зацепилось за соседнюю вершину. По склонам гор, покрытым хвойными лесами и орешником, легкими колышавшимися полосами полз вверх туман, рассеивался в голубом сиянии утра.

В котловине не было ни души. Катя смотрела на открытые полянки, поросшие горной ромашкой и рододендронами, и пыталась себе представить туристов, идущих цепочкой там, внизу. Не может же быть, чтобы никто никогда не заходил в эту котловину.

Потом ее мысли вернулись к Игорю. Ей стало немного легче от его виноватых глаз и искренних слов. Что-то в нем появилось новое. Эти горькие складки у рта... у такого твердого обычно и самоуверенного рта... Каким разным может быть человек. Впервые она задумалась об этом, и ей вдруг стало жаль Игоря. До того жаль, что к горлу подступил щемящий комок.

Ох, ну где же вы, туристы-избавители? Что вам стоит забрести в котловину?

Пора бы Кириллу вернуться из этого ужасного завала. А может, он уже приполз? Катя пошла к туннелю и тут

у самого входа увидела меж скучных бурых обломков золотистое пятнышко. Она опустилась на колени, тронула пальцем гладкий запыленный металл, попыталась расчистить вокруг, разгрести обломки, но не смогла. Наверно, еще цепь, подумала Катя и вошла в пещеру.

Игорь при ее появлении проворно вскочил на ноги.

— Что ты делаешь тут? — спросила Катя, вглядываясь в него полуслепыми от быстрой смены света и тьмы глазами.

— Ничего... Консервы горячие, можно завтракать.

— Почему так долго нет Кирилла? — Она подошла к отверстию, ведущему в завал, прислушалась. — Кирилл! — крикнула она.

Глухо и жутко отозвалось эхо. Игорь подошел к ней, стал рядом. В завале трещало и скрипело — будто камни скрежетали зубами от боли. Вдруг что-то тяжело рухнуло там, в гуле послышался человеческий вскрик.

— Кирилл! — в ужасе воскликнула Катя. — Кирилл, отвечайте же!.. Ну, я иду... — Она пригнулась и полезла в отверстие.

— Назад, Катя! — Игорь схватил ее за ногу.

Она попыталась вырваться, но он втащил ее в пещеру.

— С ума ты сошла, — сказал Игорь. — Сиди здесь! Я полезу за ним.

Он уполз в стонущий лабиринт, отыскивая в слабом свете красные отметки на камнях и выкрикивая имя брата. В завале гудело эхо, и он не сразу услышал ответный зов Кирилла. Он полз, извиваясь, все быстрее, ему уже не было страшно, он хотел только скорее добраться.

— Где ты? — хрипел он.

Ему показалось, что он слышит голос Кирилла то сверху, то снизу, и не мог понять, почему тот сбился с пути, и наконец уперся в огромный обломок.

— ...Камни сдвинулись, — будто сквозь туман услышал он откуда-то сверху. — Игорь, где ты?

Должно быть, часа полтора ползали они, разыскивая новый проход и перекликаясь. Они в кровь изодрали колени и руки, глаза им запорошило пылью, и внутри завала еще что-то рушилось, и когда они, найдя друг друга, поползли на отчаянный Катин голос, Игорь тупо подумал, что правильно сделал, выложив там, в Москве, рубль за страховку...

Они добрались до пещеры и долго лежали в полном изнеможении. Понемногу их дыхание стало нормальным, ужас каменной мышеловки отпустил их.

Кирилл сел и посмотрел на свои окровавленные ладони. Потом дрожащими пальцами отвязал от пояса фляги.

— Ведро пропало,— сипло сказал он.— Я полз, и как раз впереди затрещало... Я со страху выпустил ведро, отдернул руку... и ведро придавило... Вы что хотите? — спросил он, видя, что Катя отвинчивает колпачок одной из фляг.

— Промыть вам и Игорю руки.

— Ну-ка, дайте сюда! — Кирилл выхватил у нее фляжку.— Это последняя наша вода, понимаете?

Позавтракали галетами, консервами и сахаром. Кирилл разрешил отпить из фляжки по глотку воды.

— Похоже, завал вот-вот рухнет,— сказал Игорь.

— Это «вот-вот» может продолжаться еще неделю и даже больше,— сказал Кирилл, жадно затягиваясь сигаретой.

Тут Катя вспомнила, что обнаружила еще одну цепь, но не успела ее откопать.

— Пошли посмотрим,— сказал Кирилл.

Он принялся осторожно обкалывать ледорубом плотно слежавшийся сланец вокруг золотистого предмета. Катя помогала ему, разгребая руками обломки. Игорь, похихивая сигаретой, безучастно стоял поодаль, глядя в котловину, заполняющуюся солнечным светом.

— Это не цепь,— сказал Кирилл.— Рычаги какие-то, что ли...

— Вам трудно держать ледоруб.— Катя взглянула на его перебинтованные руки.— Дайте мне.

— Нет,— сказал Кирилл.— Вы только испортите. Это дело тонкое, здесь опыт нужен.

И он продолжал тихонько тукать ледорубом, а потом принес из пещеры нож и кисточку. Он увлекся раскопкой, двигал нижней челюстью влево-вправо, хмыкал. Солнце подбиралось к нему, скользя по площадке и прогревая холодный, сухой воздух.

Прошло еще немного времени. Их изумленным взорам открылся целиком откопанный полуметровый золотистый

шар с угловатыми ребрами, от которых отходили многосуставчатые рычаги. Катя зажмурилась. Ей казалось, что все это происходит во сне, что вот сейчас она откроет глаза и не увидит никакого шара.

Но шар не исчез. Он спокойно блестел на солнце, похожий на огромного краба, разбросавшего во все стороны голенастые клешни.

— Что это — золото? — тихо спросила Катя.

— Нет, — сказал Кирилл. Он все еще сидел на корточках. — Не золото и не бронза. Ну и ну!.. Посмотрите-ка сюда.

В одном из раздвоенных на конце рычагов был зажат обломок браслета от цепей.

— Теплый и гладкий, — сказала Катя, погладив шар. — Нагрелся на солнышке...

— Феноменально, — пробормотал Кирилл. Он сходил за фотоаппаратом и сделал несколько снимков, а потом принялся обмерять и зарисовывать находку. Вдруг он так и замер: один из рычагов слабо шевельнулся, разгибаясь. За ним второй, третий...

Игорь отскочил от неожиданности к стене, увлекая за собой Катю. Кирилл, сидя на корточках, во все глаза следил за каждым движением.

Пошевеливая конечностями, шар начал плавно подниматься... Опираясь на три шарнирных рычага, поднялся над землей на добрых полтора метра... Три других рычага свободно висели, не доставая до земли.

— Господи! — выдохнула Катя.

— Трехрукий треножник, — сказал Игорь. — Отойди-ка от него, Кирилл, подальше...

Треножник постоял на месте, потом, вздрогнув, приподнял одну ногу и, балансируя на двух других, выставил ее вперед. Шаг, другой, третий... Покачиваясь, странный механизм пошел к ярко освещенному солнцем краю площадки.

— Упадешь! — закричал Кирилл, бросаясь к нему.

Но треножник не упал. Побалансировав на краю обрыва, он сделал шаг назад и остановился.

Он простоял так часа два, время от времени поворачиваясь к солнцу то одной, то другой стороной. Трехногая ходовая часть позволяла ему свободно двигаться в любом направлении. Он пошевеливал верхними рычагами, как бы разминаясь после долгой неподвижности.

В одной клешне треножник еще держал обломок браслета. Почему он его не бросит, подумала Катя, и как раз в этот момент треножник разжал клешню. Браслет, звякнув, упал.

Все трое не сводили глаз с диковинного автомата — в том, что это автомат, робот, сомнений быть не могло.

— Не понимаю, как он собран, — сказал Игорь. — Не видно никаких креплений... А энергию он, конечно, получает от солнца — тепловую или световую.

— Но откуда он здесь взялся? — изумлялась Катя. — И почему оказался заваленным? Прямо чудо какое-то...

Между тем Кирилл, сидя на камне, изучал коленные и пяточные суставы треножника.

— Андроид, — сказал он. — Человекоподобная конструкция конечностей... Хотел бы я знать, какое он имеет отношение к бронзовым цепям...

— Интересно, какая у него программа, для чего он предназначен? Может, он все понимает? — Катя позвала: — А ну, иди сюда. Иди, не бойся...

И тотчас попятилась, потому что треножник послушно двинулся к ней. Остановился в двух шагах, выжидательно шевелил клешнями...

Оцепенелую тишину взорвал хриплый хохот Кирилла.

— И впрямь понимает, — сказал он в восторге. — Дай-кось и я... Иди ко мне, служивый!

Треножник, однако, не среагировал, остался на месте. Не обратил он внимания и на команду Игоря. Но Катю он слушался с добросовестностью исправного солдата: маневрировал по площадке, останавливался и поворачивался, мгновенно исполняя ее распоряжения.

— Только что честь не отдает, — заметил озадаченный Кирилл. — Но почему такая избирательность? Одну только Катю слушается. Даже обидно.

— Катюша, оклики его по-английски, — сказал Игорь.

— Come here! — позвала Катя.

Треножник немедленно выполнил приказание. Успешно прошел опыт и с французской командой.

— Ой, кажется, я поняла! — воскликнула Катя. — Смотрите, я отойду и позову его мысленно.

Она сдвинула брови — ей казалось, что от этого воля становится сильнее. «Иди сюда, — подумала она. — Ну иди, иди...»

И снова треножник послушно подошел к ней.

— Он принимает телепаты! Что-то невероятное! Смотрите, ребята, я даю ему мысленную команду...

Она замолчала.

А треножник зашагал к входу в пещеру и скрылся в ней.

— Что ты ему велела? — спросил Игорь, глядя робота вслед.

— Принести пустую банку из-под консервов. Я себе ясно представила, где она лежит и как к ней пройти.

Через несколько минут треножник вернулся и протянул Кате пустую банку. Но Катя не взяла ее. Она пристально смотрела на золотистый шар, и тогда клешня сдвинула банку и расплющила ее, как бумажную, а потом — резкий взмах рычага, и банка, отскакивая от выступов скалы, полетела вниз.

— Умница, все правильно! — Катя счастливо засмеялась. — Так и хочется дать ему конфетку, честное слово.

— Силен, собака. — Кирилл одобрительно — впрочем с некоторой опаской — похлопал робота по гладкому брюху. — Только вот — никакой инициативы. Сплошное «чего изволите».

— Он запрограммирован на исполнение команд, — сказал Игорь тоном специалиста, — причем таких команд, которые связаны с образным представлением. Он трансформирует биоизлучения мозга в механическую работу. Очень интересный автомат, — добавил он. — С прекрасным локационным устройством: я следил, как он шел в пещеру, — ни разу не коснулся стены.

— Выходит, он запрограммирован на женские биотокки? — спросил Кирилл.

Игорь усмехнулся:

— Пол в автоматике не имеет никакого значения. Просто специфика Катиных биоизлучений случайно совпала с электрофизическими показателями мозга того, кто его конструировал. Мне, между прочим, не приходилось слышать, что уже существуют подобные кибернетические устройства.

— Вот бы познакомиться с конструктором, — мечтательно сказала Катя.

— Вряд ли вам удастся, — возразил Кирилл. — Эта штуковина, по-моему, пролежала в сланцевом пропластке несколько сотен лет.

- Сотен лет? — Катя была поражена.
- Очень может быть, что и больше.
- Ты уверен в этом? — спросил Игорь.

Они провозились с роботом до темноты. Игорь придумывал все новые и новые опыты с тем, чтобы, как он выразился, уяснить пределы возможностей этого оригинального киберустройства. По мысленным командам Кати треножник, обнаружив поразительную силу, очистил туннель от крупных обломков, раздавил клешней камень, потом медленно, но точно вдел нитку в иглоку. Зажав в клешне карандаш, он со смешным усердием вывел на блокнотном листке печатными буквами: «Игорь Коротков». Потом он подошел к Игорю и попытался засунуть листок в карман его ковбойки. Игорь попятился, крикнул:

— Катя, перестань! Пусть он не лезет ко мне!

Катя тихонько засмеялась.

— Ну, хватит, — сказала она. — Я устала, голова прямо трещит.

Кирилл не вмешивался в мало ему знакомую область автоматики, только щелкал фотоаппаратом. Но теперь, когда опыты были закончены, он сказал:

— Угомонились, Вольфы Мессинги? Теперь, Катюша, у меня будет просьба. Прикажете вашему другу отломить от этой цепи одно звено.

— Кому нужна твоя цепь? — сказал Игорь.

Кирилл внимательно следил, как треножник, приподняв цепь, взялся двумя клешнями за крайнее звено... Тррак! Звено лопнуло, разогнулось. Кирилл принял его из протянутой клешни и стал рассматривать свежий излом.

За дальними хребтами догорал закат, с востока наплывала мгла, неся ночную прохладу и ту особенную плотную тишину, какая бывает только в горах на грани дня и ночи.

Катя зябко повела плечами, сказала:

— Я очень устала.

Она могла бы добавить, что очень голодна и очень хочет пить.

Ужин был скудный. Неумолимый Кирилл разрешил съесть полбанки консервов, по три галеты и по пять

кусков сахару и запить глотком воды. Он напомнил, что галеты не простые, а витаминизированные, но этот отраднй факт все-таки не вызвал энтузиазма.

Треножник скромно стоял в углу пещеры, возле туннеля, поблескивая золотистым корпусом в свете свечи. Он, казалось, наблюдал и пытался понять, чем заняты люди. Раза два он шевельнул рычагами, откликаясь, видимо, на какие-то Катины мысли, которые могли бы побудить его к действию, но тут же замирал, повинувшись мысленной команде.

— Ужасно утомительно, — пожаловалась Катя. — Приходится следить за собой и не думать ни о чем конкретном. Нельзя ли уложить его спать?

— Типичный черный ящик, — сказал Игорь.

— Что еще за черный ящик? — спросил Кирилл, закуривая.

— Так в задачах по автоматике называют приборы, действие которых известно, а устройство — нет. Когда мы привезем его в Москву, прежде всего просветим рентгеном и прощупаем ультразвуком, а потом осторожно разрежем корпус...

— Ну, уж нет, — проскрипел Кирилл. — Резать не позволяю.

— Как это — не позволишь?

— Очень просто. Не строй из себя хозяина робота.

— Ничего я не строю! — Игорь разозлился. — Но никто мне не помешает заняться изучением...

— Принять участие в изучении, — жестко поправил Кирилл.

— Да перестаньте, как вам не стыдно? — вмешалась Катя, уже забравшаяся в спальный мешок. — Надо же — о приоритете заспорили...

— Не люблю, — сказал Кирилл, — когда начинают вещать безапелляционным тоном.

— Да кто вещает? Сам только и делает, что распоряжается! Дораспоряжался! Завел нас...

— Игорь, Игорь, — прервала его Катя, — прошу тебя, замолчи.

— Пожалуйста. Могу вообще не разговаривать.

Кирилл задул свечу. Некоторое время все трое лежали молча. Потом раздался тихий Катин голос:

— Не могу отделаться от впечатления, что он слушает наши разговоры и... и они ему неприятны.

— Не будьте такой уж чувствительной,— отозвался Кирилл.— Все-таки он робот, а не человек.

— Как по-вашему, Кирилл: откуда он здесь взялся?

— Об этом и думаю... У него в лапе был обломок браслета от цепи. Значит, можно предположить, что он освободил прикованного здесь таинственного гиганта...

— Прометей?

— Допустим... Для него не составляет труда порвать массивную бронзовую цепь — вы сами видели, как легко он это сделал.

— Кирилл, но ведь представить себе невозможно: бронзовый век — и такой совершенный автомат, управляемый бионизлучениями.

— Верно. На земле, Катюша, вообще много загадок. Вот вы упомянули бронзовый век — разве не загадочно то обстоятельство, что он начался у разных народов почти одновременно, что изделия ранней бронзы были у всех однотипны? Или возьмите загадку неожиданной вспышки — не могу подобрать другого слова — вспышки астрономических и математических знаний в древнем Шумере.

— Ну, Кирилл, по-моему, можно это объяснить постепенным накоплением знаний и скачкообразным их переходом в новое качество.

— Не спорю. Учтите только, что у всех древних народов были легенды о неких носителях культуры. Есть предположение, что они, эти пришлые мудрецы,— уцелевшие после катастрофы жители Атлантиды, которые расселились по миру и научили многим вещам отсталые племена.

— Вы тоже придерживаетесь такого взгляда?

— Я, Катя, практик. Специалист по скифско-сарматским погребениям. Но... видите ли, всегда приятно помечтать. Пофантазировать, что ли... Кроме того, я склонен серьезно относиться к народному мифотворчеству.

— Кирилл, неужели вы думаете, что жители мифической Атлантиды...

— Сделали этого робота? Не знаю, Катя. Сомнительно.

— Кто же тогда? Космические пришельцы?

— О них теперь много стали писать.— Чувствовалось по голосу Кирилла, что он улыбается.— Оставим при-

шельцев фантастам. Они их придумали и успокоятся только тогда, когда исчерпают до конца. Это вроде кори — надо переболеть.

— Пожалуй. А все-таки хочется верить, что были пришельцы... Что-то в этом притягательное...

— Ну и верьте, раз хочется. — Кирилл помолчал. — Вы хорошо помните «Илиаду»? — спросил он вдруг.

— Плохо. В общих чертах. А что?

— Я вот все думаю: откуда в гомеровский эпос попало описание кибернетических устройств?

— Да господь с вами. Кирилл...

— Серьезно говорю. Ну-ка, вспомните: кузнечный бог, хромой Гефест, делает новый комплект оружия для Ахилла. У него в доме полно автоматов. Гефеста водят под руки андроидные киберы, «живым подобные девам прекрасным». А сам божественный кузнец занимается тем, что... Впрочем, послушайте текст.

И Кирилл монотонно, нараспев принялся читать:

...двадцать треножников вдруг он работал,
В утварь поставить к стене своего благолепного дома.
Он под подножием их золотые колеса устроил,
Сами б собою они приближались к сонму бессмертных,
Сами б собою и в дом возвращались, взором на диво...

— Треножники! — удивленно сказала Катя.

— Да, треножники. Самоходные автоматы. Для чего было Гомеру их описывать, откуда он их взял? Ведь для сказки достаточно — дунул-плюнул и получай готовую продукцию. А у Гефеста в кузнице были автоматические воздуходувки, управляемые мыслью, или, как вы говорите, биоизлучениями. Слушайте дальше:

Все на огонь обратил их и действовать дал повеленье.
Разом в отверстия горнильные двадцать мехов задыхали,
Разным из дул их дыша раздувающим пламень дыханьем:
Или порывным, служа поспешавшему, или спокойным,
Смотря на волю творца и на нужду творимого дела.

— Ну и память у вас! — вырвалось у Кати. — Я ничего такого у Гомера не помню — просто не обращала внимания... Но это же изумительно интересно, Кирилл! Неужели Гомер слышал о таких автоматах?

— Загадка, Катя, загадка... А помните ли вы легенду о Пандоре?

— Это... «ящик Пандоры»? — неуверенно спросила Катя.

— Именно. Прекрасная женщина, которой Зевс вручил сосуд со всеми бедствиями. Пандора — ее имя означает «всеодаренная» — из любопытства открыла сосуд, и бедствия сразу распространились по миру на погибель людям. Она захлопнула крышку — и в сосуде осталась одна только обманчивая надежда.

— Да, припоминаю. Но к чему вы это, Кирилл?

— А к тому, что Пандору по приказу Зевса сделал тот же Гефест. Он сделал андронидный механизм с заданной программой. Вероятно, содержимое сосуда было настолько опасно, что человек не посмел бы взять его в руки, — вот и пришлось создать автомат...

— Мне кажется, Кирилл, вы уж слишком модернизируете мифы.

— Грешен... — Кирилл засмеялся:

Разговор иссяк. Катя лежала с открытыми глазами и пыталась представить себе Гефеста. Почему-то ей мерещилась хитрая физиономия с неопрятной рыжей бородкой — ни дать ни взять, как у Кирилла. Затем мысли ее приняли иное направление. Дело в том, что Катя была очень, очень голодна. И засыпая, она с такой щемящей отчетливостью увидела белую курицу — точь-в-точь как на этикетке консервной банки Невинномысского птицекомбината, что пришлось проглотить слюну. Недалеко отсюда, в поселке, что за горой, вниз по течению речки, наверняка были такие куры, и вот одну из них, жирную, клохчущую на насесте, и представила себе, засыпая, голодная, усталая Катя.

Игорь проснулся среди ночи с неясным ощущением тоски и заброшенности. Саднило колено. Хотелось пить. Игорь прислушался к дыханию спящих, потом выбрался из мешка и сел.

Кошмар беспокойного сна продолжался наяву.

Все так хорошо, так гладко шло в его жизни, пока он не влип в проклятую каменную мышеловку... Тут он вспомнил о взрывчатке. В общем, разобраться с капсюлями и шнуром нетрудно. Можно разобраться. Правда, перспектива лезть в завал... бр-р-р!.. Ну, не обязательно ползти далеко, можно заложить мину и поблизости...

Ахнет взрыв среди ночи. А они и не поймут, что это был взрыв, подумают — рухнул завал. Он ведь с минуту на минуту может рухнуть сам по себе.

А если Кирилл обнаружит потом исчезновение взрывчатки из рюкзака? Уговорить его, чтобы Кате ни слова... Уговоришь его, как же... А впрочем — почему бы и нет? Он брюзжит и наскакивает, но в глубине души любит его — он, Игорь, это знает... Должен же понять, рыжий черт, что дело тут идет...

О чем?

Ну, о жизненно важном для него, Игоря.

Катя не должна знать. Узнает — никогда не простит... Вот он, рюкзак Кирилла. Протяни руку и вытащи избавление...

Что ж не протянешь руку, чего ждешь, ведь скоро начнет светать... В промозглой темноте пещеры Игорь презрительно кривит губы. Он смешон самому себе.

Ладно, выбросим из головы эту мысль и завалимся спать до утра, решает Игорь. Вот только напиток бы...

Он на ощупь пробирается в угол, где лежат фляги. Нашаривает одну. В ней совсем мало воды — еле булькает. Вот вторая фляга. Она полная. Игорь начинает отвинчивать колпачок, и вдруг пальцы его останавливаются...

Тьфу, дьявольщина, опять всякая дурь лезет в голову. Ну, подумаешь, отопьет голоток — невелика убыль. Катя и не узнает.

А если узнает? А если она не спит и прислушивается, как он ползает по пещере?... Да нет, спит без задних ног. Ничего она не узнает. Ведь один крохотный глоток...

И все-таки он не делает этого глотка. Ругая себя последними словами, заворачивает колпачок фляги. Ладно, так оно спокойнее будет.

Может, разрешишь себе по нужде сходить? — мысленно иронизирует Игорь над самим собой.

Шаркая ногами, он бредет к туннелю, слабо освещенному луной, и вдруг замечает, что треножника нет на месте.

Что еще за новости?

Игорь возвращается, нащупывает возле мешка Кирилла фонарик. Обводит лучом пещеру. Да, треножника нет. Уж не пошел ли он заряжаться лунным светом?

Игорь выходит сквозь туннель на площадку. Ух, какие звезды! С кулак величиной. Мерцает и вроде бы плывет

наискосок по черному небу Млечный Путь. Прямо хоть садись и изучай астрономию.

Поеживаясь от резкого ночного холода, Игорь обходит площадку. Треножника нет и здесь. Сквозь землю, что ли, он провалился? Или, может, просто приснился во сне?..

Шорох осыпающихся камешков доносится откуда-то снизу. Игорь ложится на край площадки, свешивает голову...

Он смотрит — и глазам своим не верит: что-то громоздкое и блестящее быстро поднимается по почти отвесной стене. Так он лазает по скалам?!

Опрометью кидается Игорь в пещеру.

— Подъем! — орет он.

Все трое выбегают на площадку в тот самый момент, когда робот показывается над обрывом. Раз, два! — суставчатые «ноги» на краю площадки. Треножник идет прямо к испуганной Кате и протягивает ей белую курцу породы леггорн — точь-в-точь такую, как на этикетке консервной банки...

— Долго ты будешь ее ошипывать, Катя?

— Потерпи немножко. Вон сколько еще перьев.

— А жирная какая! Не выдержала, задохнулась в железных объятиях, или из чего там сделаны его клешни.

— Ку-урочка! Цы-ипочка! Вот мы тебя сейчас выпотрошим...

— Не жалея, Кирилл, лей в котелок всю воду. Теперь есть кого за водой сгонять!

— Ребята! Да мы же спустимся на нем! А что — сядем верхом, и за милую душу...

— Кирилл, вы — гений!

— Эй ты, непризнанный гений, запихивай птицу в котелок.

Весело шумел примус, сжигая последние граммы керосина, над которым еще недавно трясся расчетливый Кирилл. Его, Кирилла, будто подменили — таким он вдруг сделался безумно расточительным. Он даже извлек из рюкзака припрятанную банку — компот из персиков — и вспарывал ее теперь, неприлично облизываясь

от предвкушаемого наслаждения. А Катя колдовала над котелком, вдыхала волшебный запах вареной курятины и без конца принималась рассказывать, как, засыпая, она представила себе поселок за горой и курицу на насесте — и вот поди ж ты, этот чудо-робот кинулся со всех ног...

— На воровской промысел, — вставил Игорь.

— Ну, скажешь! Мы же заплатим курицыным хозяевам, когда спустимся. Ах ты, мой миленький! — обратилась Катя к треножнику. — Умненький ты мой, разумненький. Дай-ка я тебя поцелую... Нет, стой! — испуганно крикнула она, видя, что робот шагнул к ней.

Игорь и Кирилл загоготали.

Горели сразу две свечи, озаряя неслыханное ночное лиршество и отражаясь в полированном брюхе робота-скалолаза, робота-спасителя, робота-похитителя кур.

Они рвали зубами нежное белое мясо.

— Будем брать от жизни все! — провозгласил Игорь, потрясая куриной ногой.

А потом, насытившись, сонно моргая, они затащили старую альпинистскую песенку:

Умный в горы не пойдет,
Умный горы обойдет...

Вещи увязали в два тюка: в одном — все мягкое, в другом — остальное. Тюк с «остальным» взвалили на робота, зажав меж двух его рычагов. Управляемый Катиной мыслью, робот, ловко перебирая ногами и свободной рукой, спустился в котловину, положил тюк под кустом орешника и благополучно вернулся наверх.

Трое, лежа на краю обрыва, наблюдали за ним.

— Здорово! — восхищенно сказал Игорь. — Катя, вели ему поднять ногу... Так я и думал! У него присосы на лапах. Он может и по потолку ходить.

Мягкий тюк сбросили с площадки. Земное тяготение исправно сработало, и тюк, беззвучно шлепнувшись у подножия горы, откатился в заросли орешника.

— Ну, так, — сказал Кирилл и выжидательно посмотрел на Игоря и Катю. — Начнем?

— Да, пора, — выдохнула Катя. — Пойду...

— Нет, Катя, погодите, — остановил ее Кирилл. — Лучше сделаем так: первым спустится Игорь, потом вы, последним — я.

— Но он слушается только меня, и я должна первой испытать...

— Кирилл прав,— вмешался Игорь.— Я начну.

Он уселся на согнутую в «локте» руку робота и ухватился за ту ее часть, что была поднята вверх. Кирилл стал привязывать его веревкой.

— Не надо,— сказал Игорь, но все же позволил себя привязать. Он был очень бледен и сидел неподвижно.

— Ни пуха, ни пера,— сказал Кирилл.

— Пошел к черту,— прошептал Игорь.

Он невольно зажмурился, когда робот шагнул к обрыву. Открыв глаза, Игорь увидел медленно уходящую вверх бурую неровную стену, из трещин которой торчали колючие кустики ежевики. Две мощные клешни мерно передвигались, цепляясь за неровности и выступы стены, три ноги изгибались немыслимым образом и поочередно переступали, присасываясь со слабым чмокающим звуком.

Игорь посмотрел вниз и ощутил легкое головокружение. Поспешно отвел взгляд.

Тугие ветки, торчащие из скалы, больно стегнули его по лицу.

Боковым зрением он увидел приближающуюся огромную черную впадину в стене, и его охватил ужас при мысли, что робот сорвется. Ведь Катя не может управлять каждым его шагом, ей сверху не видна эта впадина... И еще неизвестно, что может взбредить в голову, вернее в транзистор или триггер какой-нибудь, этому малопонятному автомату...

Робот аккуратно обошел впадину по краю. Игорь успокоился. Только побелели косточки его пальцев, вцепившихся в руку робота.

Теперь пошли густые заросли дикого орешника. Робот уверенно продирался сквозь них, но Игорю пришлось нелегко. Он весь был исхлестан ветками. Осмелев, он принялся прикрывать левой рукой лицо.

Толчок. Робот остановился. Игорь не сразу понял, что спуск закончен. А когда понял, рванул узел веревки, соскочил на каменистую осыпь, в восторге закричал, замахал руками Кате и Кириллу, чьи головы — крохотные какие! — торчали наверху. Те тоже помахали в ответ.

Игорь крикнул Кате:

— Вниз не смотри, когда будешь спускаться!

Но она не расслышала. Игорь выхватил было блокнот с карандашом, чтобы отправить записку, но треножник уже быстро карабкался вверх — огромный золотистый паук среди темной зелени орешника.

Игорь сел на тую и стал смотреть, как спускается Катя. Она, с своими коротко стриженными волосами, в синем свитере и брюках, выглядела мальчишкой. Озорным и охочим до приключений. Игорь с удовольствием подумал, как он будет в Москве рассказывать о приключении в горах — приключении, которое теперь стремительно стало отодвигаться в прошлое...

Вдруг он забеспокоился: Катя как-то беспомощно поникла, опустила голову на грудь...

— Катя! — закричал Игорь. — Катя, держись!

Он ничем не мог ей помочь: она была на середине пути. Но тут робот поднял вторую руку, и Катя оказалась зажатой меж двух его рук, а третьей он продолжал хвататься за выступы стены. Он благополучно доставил Катю вниз и, как воспитанный верблюд, согнул суставчатые ноги, чтобы ей было удобнее слезть.

Катя была в полуобморочном состоянии.

— Голова закружилась, — прошептала она, когда Игорь снял ее с треножника и принялся тормошить. — Ничего, прошло уже... Пусти...

— Никуда я тебя больше не пущу, — торопливо сказал Игорь, глядя ее по исцарапанной щеке. — Ни в какие горы. Ни в какие походы. Слышишь, Катюшка?

— Слышу.

— Есть много прекрасных мест на земле. Мы поедем с тобой. Мне предлагали путевку в Болгарию, там роскошные пляжи... А хочешь — попросим путевки в Польшу...

— Пусти, Игорь, — сказала она.

— Не женское дело — лазать по этим проклятым горам. Посмотри на себя, какая ты замученная.. Знаю, сам виноват, потащил тебя... Но больше этого не будет, Катя, клянусь!

— Пусти. — Она отвела его руки. — Надо послать робота за Кириллом.

Треножник полез наверх. Кирилл с площадки помахал ледорубом, что-то крикнул и скрылся. Пора бы ему начать спускаться. Чего он тянет?

Катя стояла, напряженно вытянувшись, и посылала мысленные команды: «Посади человека на руку и начни спускаться...» Она страшно волновалась: уж не разладилось ли что-то в работе? Почему он не выполняет команды?..

Но вот, наконец, на краю площадки показался тренажник, на его согнутой руке восседал Кирилл. Спустившись, он соскочил с робота, похлопал его по брюху, сказал:

— Премного благодарен.

— Чего ты там копался? — спросил Игорь грубовато. — У нас на нервах решил поиграть?

Кирилл удивленно на него посмотрел, перевел взгляд на Катю.

— Я же говорил вам, что нужно выковырять свинцовую заделку цепи. Вот я и выковыривал ледорубом... Да что с вами, ребята? Радоваться надо, песни петь, а вы... вас как будто мешком по голове ударили.

— Мы радуемся, — сказал Игорь. — Верно, Катюша?

— По-моему, надо поскорее идти в поселок, — сказала Катя.

Они погрузили рюкзаки на робота и зашагали по котловине, по цветущему горному лугу, к каменистому руслу речки. Кирилл развеселился. Он подгонял робота хвостиком и громко пел: «На тренажнике катались золотистом, золотом»...

Председатель поселкового совета — пожилой абхазец с бронзовым лицом и головой, повязанной косынкой, с уважением глядел, как Игорь, сидя за его столом, быстро пишет и властно распоряжается по телефону.

Радист уже передал в Сухуми составленные Игорем радиogramмы. Теперь Игорь просматривал статистические материалы, перечень зданий и сооружений и отмечал, что надо эвакуировать в первую очередь.

Тем временем горняки грузили в рудничные самосвалы машины, имущество промтоварного и продовольственного ларьков, домашние вещи. Женщины и дети были уже вывезены из опасной зоны.

Катя сидела на пыльной единственной улочке поселка под тенью конского каштана и смотрела, как горняки готовились втащить по доскам в кузов грузовика движок, снятый с фундамента. Кирилл тоже там крутился, помо-

гал грузчикам. Тут Кате пришла в голову шальная мысль...

Треножник, стоявший рядом с ней, вдруг подошел к движку. Мгновенно стих гортанный абхазский говор. Ошалело смотрели горняки, как три клешни вцепились в движок. Раз, два!.. Робот шагнул на доски, волоча за собой движок. Доски заскрипели, прогнулись под тяжестью... Еще мгновение — и движок оказался в кузове. Робот неспроста сошел по доскам, поднял руку, словно салютуя. Замер.

Горняки восхищенно заговорили, зацокали языками. — Он атомный, да? — спросил один у Кирилла.

Катя тихонько засмеялась.

Подошел Кирилл.

— Ну, они тут и без нас теперь управятся. Можно уходить.

Катя кивнула, но не поднялась с лавочки.

— Если вы устали, — сказал, помолчав, Кирилл, — то можно остаться здесь до утра. То есть, не здесь, конечно, а там, — он махнул рукой в сторону соседней долины за холмом.

— Я не устала, — сказала Катя.

— Вид у вас невеселый.

— Что делать, настроению не прикажешь... Мне кажется, — добавила она тихо, — что я постарела на пятьдесят лет...

Из домика поселкового совета вышел Игорь.

— Ну, так, — сказал он, отирая потный лоб. — Сейчас получили радиogramму: утром прилетит бомбардировщик и разбомбит висячий завал.

— Туда, собственно, достаточно бросить связку гранат, — сказал Кирилл.

— Ну, ясно, не атомную бомбу. — Игорь сел рядом с Катей, заботливо заглянул ей в глаза. — Скоро будем в Сухуми. Бултыхнемся в теплую воду, а, Катюша?

— Обязательно бултыхнемся, — ответила она, глядя на речку, прыгающую с камня на камень за приземистым сараем электростанции.

— Смоем с себя пыль и грязь, — продолжал Игорь. — Смоем воспоминания о том, как три человека были замурованы в горах.

— Смоем... если удастся... — откликнулась Катя.

— Еще как смоем! В Сухуми прежде всего надо бу-

дет договориться о контейнере и отправить робота в Москву. К нам, в кометет.

— Это еще посмотрим, куда отправить,— сказал Кирилл.

Игорь промолчал.

К вечеру эвакуация была закончена. В поселке остались только председатель совета, молодой инженер с рудника да трое наших знакомых. И еще робот. Он отошел в дальний конец улицы, на открытое место, освещенное последними лучами заходящего солнца,— он вообще не упускал возможности подставить солнцу свои бока.

— Пойдем,— сказал председатель, тронув Игоря за рукав.— Машина за нами придет — долго ждать. Пойдем навстречу — быстро будет.

И они, все пятеро, пошли по дороге, изрытой колеями, к холму, за которым начиналась безопасная зона. Длинные тени скользили перед ними. Катя послала робота команду — идти за людьми.

Они миновали уже последний домик поселка, как вдруг до их слуха донесся тяжкий, протяжный, нарастающий грохот. Завал не дождался бомбардировщика...

— Бежим! — крикнул Кирилл.— Началось!

Катя бежала во весь дух. Она слышала, как сзади хрипло и часто дышал абхазец-председатель. И еще она слышала стук — неровный, приближающийся стук камней, прыгающих по руслу реки...

Ничего, уже недалеко до холма... Метров двести...

Искаженное лицо Кирилла слева. Еще левее — Игорь.

— Скорее! — орет он.

Как там робот? Катя оглянулась на бегу и с ужасом увидела, что робот медленно идет далеко позади, а мимо него уже катятся угловатые глыбы...

— Скорее! — крикнула Катя, задыхаясь.

Нога попала в рытвину. Катя упала, покатилась по склону к руслу, отчаянно пытаясь задержаться. Она катилась под камнепад...

Обеими руками вцепилась в острый камень, торчащий из земли. Огромная глыба, тяжело отскакивая от каменистого ложа реки, мчалась прямо на нее... Катя зажмурилась...

Впоследствии она уверяла всех, что в тот страшный миг не успела даже подумать о роботе, не то что позвать его на помощь. Потом было подсчитано, что робот развил скорость до четырехсот километров в час...

Он бросился навстречу глыбе и, спружинив над Катиной головой, встретил глыбу всеми тремя руками. Что-то хрустнуло, закрипело у него внутри.

Катя вскочила и побежала вверх, вверх от русла... Игорь и Кирилл подхватили ее на руки... Увернулись от нескольких камней... Ну, вот. Они за холмом, в безопасности...

Дрогнула земля, небо померкло от взметнувшейся пыли, обвальный грохот просверлил уши. Это шла в долину основная масса оползня...

Катю трясло. Она сидела, уткнув голову в согнутые колени, и плакала, и пыталась справиться с собой, и размазывала ладонями по щекам пыль и грязь.

— Ну, что ты, Катя, ну, перестань, — бормотал Игорь. Грохот обвала постепенно затихал.

— Не надо, Катюша.... Может, удастся его откопать...

Кирилл молча стоял рядом, рука его, подносившая спичку к сигарете, дрожала.

— Ну, не надо, Катя, — говорил Игорь, недоумевая все больше. — Он же, в конце концов, не живой...

А Катя рыдала безудержно. Ничего не могла она с собой поделать.

Голос за кадром

Это небольшая, желтого накала звезда, расположенная на окраине Галактики. Звезда имеет несколько спутников — они движутся по орбитам, расположенным в одной плоскости.

(Мы видим сосредоточенные лица космонавтов у экрана. Эпизоды 1—8).

Во время отчетного рейса наша трасса пролегла вблизи этой звезды и мы не тратили бы время-энергию на обследование системы, если бы биолокаторы не указали на огромные скопления биомассы на третьей от звезды небольшой планете.

Наличие столь обильной жизни в области, которая считалась безжизненной по причине отдаленности от энергетических источников Центра Галактики, дало нам основание выйти на круговую орбиту и выслать регистрирующие устройства.

(Наплывами — эпизоды 9—12).

Нас поразило огромное количество жидкого кислородно-водородного комплекса на поверхности планеты. В толще жидкости живут и питаются друг другом (в размерной последовательности) разнообразнейшие живые существа. Суша планеты невелика, неровна и также заселена многими животными, одни из которых питаются растениями, а остальные — друг другом в размерной последовательности.

Особый интерес представила сравнительно немногочисленная разновидность обитателей суши: примитивно мыслящие существа с вертикальным позвоночником, внешне весьма похожие на нас, но значительно меньшие по размерам.

(Эпизоды 13—23. Крупным планом — дочь правителя).

Ак Ирами, исполняющий в рейсе обязанности Хранителя Времени корабля, пожелал спуститься на планету для установления Контакта. Общее Мнение разрешило это ему, выделив две Единицы Времени, что соответствовало примерно тридцати шести оборотам планеты вокруг своей оси.

(Эпизоды 24—26).

В сопровождении личного исполнителя Ак Ирами высадился в населенной местности, более близкой по своим тепловым условиям к нашим. Он вошел в Контакт и установил, что мыслящие существа общаются между собой посредством издания звуков, довольно приятных и членораздельных; к непосредственному обмену мыслями они еще непригодны.

Так как общение посредством звуков позволяет им скрывать мысли, они часто говорят не то, что есть на самом деле, и это приводит к необыкновенно сильным вспышкам страстей и даже ненависти.

(Эпизоды 27—36).

Их социальные формы отдаленно напоминают незапамятно древние времена нашего развития. Целые племена покорно подчиняются воле отдельных особей, на

выдающихся мыслительными способностями. Основания к такой власти только наследственные. Эти особи не трудятся, но присваивают продукты чужого труда. Сами они мало осведомлены даже в здешней примитивной технологии. Материальные ценности производит подчиненное большинство, которое, по наблюдениям Ака Ирами, весьма склонно к развитию, что безусловно объясняется трудовой деятельностью.

В соответствии с возможностями их мозга Ак Ирами обучил несколько групп трудовых особей счету и письму, разработав с помощью личного исполнителя приемлемую для них систему. Он также обучил их некоторым технологическим приемам обработки металлов, наиболее распространенных на планете.

(Эпизоды 37—51).

К сожалению, уровень знаний этих особей столь ничтожен, что они твердо сочли Ака Ирами за некое сверхъестественное существо. Его попытки объяснить цели своего появления, задачи и маршрут нашей Экспедиции были поняты неправильно. Они убивали низших животных (которыми питаются), подвергали их тела воздействию тепла и предлагали Аку Ирами проглотить обгорелые части тела этих животных в виде некоего обменного вознаграждения.

Любопытно, что их более привлекали физические возможности Ака Ирами, чем мыслительные. Его личного исполнителя они принимали за живое существо.

(Эпизоды 52—69).

За отсутствием времени Ак Ирами недостаточно разобрался в их взаимоотношениях, что повлекло нежелательные последствия.

Местные правители сочли деятельность Ака Ирами направленной на подрыв их власти. С помощью большого количества сообщников они попытались ограничить передвижение Ака Ирами по планете, прикрепив его к горе посредством металлических цепей.

(Эпизоды 60—78).

Ак Ирами оказался в затруднительном положении, из которого мог выйти только путем умерщвления отдельных особей.

Вследствие абсолютной неприемлемости этого метода, Ак Ирами был вынужден провести в бездействии часть выделенного ему времени. Его личный исполнитель в

это время находился на значительном расстоянии, собирая образцы горных пород и растений. Ак Ирами вызвал его направленной мыслью, и исполнитель освободил его.
(Эпизоды 79—83).

К сожалению, за Аком Ирами устремилась погоня. Преследователи были снабжены обрезками растений, оснащенными острыми наконечниками. Они хотели нарушить целостность кожи и мышц Ака Ирами путем втыкания острых предметов в его тело. Ак Ирами, не желая их умерщвлять, велел исполнителю обрушить часть горы, отделив его от преследователей. К сожалению, исполнитель был завален обломками и лишен доступа света.
(Эпизоды 84—90).

Ак Ирами хотел вернуться за ним, но Общее Мнение не разрешило ему дополнительной затраты времени. Весь дальнейший путь он вынужден был обходиться без личного исполнителя.
(Эпизоды 91—93).

В результате анализа личных кассет Ак Ирами излучает мнение о том, что отдаленные потомки тех особей, с которыми он входил в Контакт, в ходе развития достигнут уровня Общего Мнения.
(Эпизоды 94—99).

Ак Ирами рекомендует Следующему Поколению посетить эту планету и проверить его предположение. В частности, его интересует, разыщут ли в будущем жители этой планеты его личного исполнителя и найдутся ли среди них особи с моральным уровнем, пригодным для управления исполнителем.

(Последний эпизод. Крупным планом — лицо Ака Ирами).

Из дневника

одного научного сотрудника

...Сценарий мне, в общем, понравился, если не считать некоторых технических деталей. Любопытно, как это будет выглядеть на экране. Заманчивое название: «Прометей из космоса». Цветной, широкоэкранный и все такое прочее.

Я второпях не захватил с собой ничего для чтения, кроме инструкции по эксплуатации телепатоуправляемого робота ТУР-201, которую я сам составил и знаю наизусть. Вот и пришлось читать сценарий — не только литературный, но и рабочий, нисколько на него не похожий.

Не думал я, что когда-нибудь так близко столкнусь с кино. Но кому-то пришла в голову дельная мысль — вместо бутафорского робота попросить у нас в институте настоящего. Для нас тоже было интересно погонять робота на универсальном режиме. Так я попал на Кавказ.

Киношники облюбовали одну площадку, нависшую над пропастью. Там разыгрываются эффектные сцены — орел рвет печенку Прометея, робот его освобождает, и все такое.

Не скажу, что меня смущает космическое происхождение Прометея, обыгрываемое в фильме. Но надо признать, что последнее время на пришельцев из космоса стали поглядывать косо: уж очень много их развелось. Кое-кто считает, что люди, и кошки, и собаки — все мы потомки пришельцев, и только некоторые водоросли могут претендовать на чисто земное происхождение.

Конечно, иногда приятно подумать, что благожелательные, высокоразвитые пришельцы побывали на Земле, поучили наших предков уму-разуму, создали террасы Баальбека и фрески Тассили... Но еще приятнее представить себе, как наши предки своим умом дошли до обжигания горшков и добывания огня.

Не люблю крайностей. Я не очень уверен, что они уже побывали на Земле. Но когда некоторые деятели с апломбом заявляют, что пришельцев не только не было, но и быть не может, я злюсь. Мне кажется, такие деятели втайне придерживаются взглядов Птолемея на строение Вселенной. Хотя вслух хвалят Коперника.

Кто думает, что киноэкспедиция была для меня веселой прогулкой, тот ошибается. Дело в том, что на меня смотрели, как на какого-то дипломированного дрессировщика при роботе. Мои эксплуатационные требования вызывали снисходительную белозубую киноулыбку. Хотя они и занятные, киношники, а не доходило до них, что ТУР-201 умнее иных людей. Но все же это не человек, а робот. Ему трудно разбираться в стохастичном потоке информации, а так как он склонен к самосовершенствованию в неопределенном направлении, с ним нужно об-

ращаться крайне осторожно, как с ребенком. Хотя ему ничего не стоит задушить слона.

Надо признаться, что я в самом начале экспедиции допустил оплошность, позволив им свободно общаться с роботом. В результате — первая скандальная история, когда С. на станции Невинномысской послал робота мысленным приказом в ларек за сигаретами «Друг». Представляете? Толпа пассажиров, многоголосая речь, обрывки мыслей нескольких сот людей, сконцентрированные на узкой полосе перрона, — лавина звуковой и телепатической информации. Правда, ТУР-201 с честью выдержал испытание — даже тогда, когда вокруг него сгрудилась толпа, пораженная его видом. Я, конечно, после этого выключил робота и включил лишь по прибытии на место. Он помог нам таскать громоздкое кино-имущество — этакий трактор-скалолаз, который сам все понимает. Это было здорово!

Но когда я проверил его выходные показатели, выяснилось, что после инцидента в Невинке кое-что изменилось. Он... как бы общедоступнее выразиться... он стал «задумываться».

С. — вот кто во всем виноват. Артист он никакой. Бывший баскетболист, за огромный рост и благородное лицо приглашенный на роль Прометея. Ох, и лицо! Такие рисуют на обложках научно-фантастических романов. Глубокие, удлинненные к вискам синие глаза, высокий лоб, брови вместе. Прекрасной формы нос, волосы — светлые, крупно-кудрявые. Так и вспоминается гомеровское: «кольцами кудри, как цвет гиацинта»...

Словом — лучшего Прометея не сыщешь. Но только по фактуре. Потому что во всех других отношениях С., по-моему, просто ничтожество. Самоуверен до наглости, хвастлив и невежествен. «Столичную» пьет как лошадь.

Может, я мало смыслю в кино, но убежден, что можно было бы сыскать актера, духовно более подходящего для Прометея. Стоит ли, черт побери, профанировать искусство?

Говорил я об этом с режиссером. Смеется. Покровительственно похлопал меня по плечу. Говорит — такое ли еще бывает в кино! Не смотрите, говорит, на съемку. Съемка для непосвященного — кабак, суматоха. А увидите на экране — пальчики, говорит, оближете. Не Прометей будет, а конфетка. Колоссально получится.

И рассказал старый анекдот. Некому певцу сказали: «Да ведь вы идиот». «Может быть,— ответил певец,— но зато какой голос!»

Не нравилось мне все это.

И еще действовал на нервы проникновенный голос за кадром. Раз десять он повторяет на протяжении фильма: «Это было в черных глубинах бездонного космоса», или, наоборот: «в бездонных глубинах черного космоса». Каждый раз это сопровождается одной и той же музыкальной фразой. Режиссер говорит — будет колоссально, с мурашками по спине. Не знаю, не знаю...

А дальше было так. С. напивался каждый день, ничего с ним не могли поделать, кажется, весь его багаж состоял из «столичной». Правда, на ногах он держался и даже участвовал в съемках. Но я страшно нервничал, так как понимал, что воздействие алкоголизированных излучений его дурацкого мозга портит робота, чтобы не сказать — развращает. Ведь по ходу съемок робот должен подчиняться именно его, С., мысленным командам.

Однажды я не выдержал: выключил ТУР-201 и составил соответствующий акт. Режиссер взбесился. Кричал, что я срываю съемочный план, грозил пожаловаться в институт, обвинял в потере освещения (по утрам и вечерам в этой долине особое, желто-розовое, персиковое, как он говорит, освещение). Я твердо стоял на своем: или «столичная», или робот. Режиссер метался между С. и мною, как шарик от пинг-понга. Наконец ему удалось вырвать у С., как он выразился, клятву трезвости.

Я включил робота, и утренняя съемка прошла благополучно. Но на закате случилась беда...

С виду С. был вполне трезв. Повторяли уже несколько раз отснятый эпизод: робот освобождает Прометея от оков. Освобожденный титан радостно распростер могучие руки навстречу заре. Его прекрасное лицо было мягко освещено заходящим солнцем...

Что-то там не удовлетворило режиссера. Он объявил перерыв, чтобы потом отснять эпизод еще раз. И только тут я понял, что С. пьян. Он, ухмыляясь, гладил робота по манипуляторам. Что за мысли роились в его тупой башке — не знаю. Но робот не человек. Должно быть, он, бедняга, добросовестно пытался разобраться в этой дикой двойственности: с одной стороны, образ посланца высокоорганизованных миров, несущего добро и знания,

с другой — образ С., которого от первобытного человека отличает умение пить водку и повязывать галстук...

Робот встал на ходовой треножник и пошел по карнизу, под нависшей скалой, на площадку с цепями Прометея.

— Бобик, назад! — закричал С. — Куда пошел?

Робот остановился, неопределенно шевеля верхними манипуляторами.

— Назад! — думал я, напрягая мысль. — Иди ко мне. Ты привычен к моим биотокам. Я тебя выключу, и ты успокоишься...

Он шагнул было назад... остановился... снова устремился на площадку. Робот был пьян! Излучения мозга С., возбужденного алкоголем, обрушивались на него, как удары дикарской дубины. Да к тому же постоянное несоответствие поступков Прометея с мыслями С... Вероятно, микромодули блока переработки информации переключались с необычной скоростью в поисках истины. Ведь робот не понимал нелогичных, неалгоритмированных задач. А излучения моих биотоков тонули в этой стохастике...

Мы кинулись за ним, но было уже поздно. Робот уперся верхними манипуляторами в нависшую скалу, напрягся... Никто, кроме меня, сейчас не представлял себе его механической мощности. В сцене погони за Прометеем робот должен был обрушить скалу. Он это «знал», сцена неоднократно репетировалась. И вот теперь он спяну все перепутал...

Скала затрещала... Мы еле успели отскочить. С. ушибло ногу обломком, и он отвратительно ругался. А робот остался под завалом.

Он не был выключен. За систему амортизации внутренних устройств я ручаюсь, но уцелел ли корпус? И если уцелел — что еще выкинет робот, когда я вернусь сюда со спасательной партией, чтобы откопать его?..

Признаться, я думаю об этом с некоторым смятением...

И. Варшавский

ГОМУНКУЛУС

Рассказ

Я проснулся от звонка телефона. На светящемся циферблате будильника часовая стрелка перешла за два часа. Не понимая, кто может звонить так поздно, я снял трубку.

— Наконец-то вы проснулись! — услышал я взволнованный голос Смирнова. — Прошу вас немедленно ко мне приехать!

— Что случилось?

— Произошло несчастье. Сбежал Гомункулус. Он обуреваем жадой разрушения, и я боюсь даже подумать о том, что он способен натворить в таком состоянии.

— Ведь я вам говорил... — начал я, но в трубке послышались короткие гудки.

Медлить было нельзя.

Гомункулус! Я дал ему это имя, когда у Смирнова только зародилась идея создания мыслящего автомата, обладающего свободой воли. Он собирался применить изобретенные им пороговые молекулярные элементы для моделирования человеческого мозга.

Уже тогда бессмысленность этой затеи вызвала у меня резкий протест. Я просто не понимал, зачем это нужно. Мне всегда казалось, что задачи кибернетики должны ограничиваться синтезом автоматов, облегчающих человеческий труд. Я не сомневался в неограниченности возможностей моделирования живой природы, но попытки

создания электронной модели человека представлялись мне просто отвратительными. Откровенно говоря, меня пугала неизбежность конфликта между человеком и созданным им механическим подобием самого себя, подобием, лишенным каких бы то ни было человеческих черт, со свободой воли, определяемой не чувствами, а абстрактными, сухими законами математической логики. Я был уверен, что чем совершеннее будет такой автомат, тем бесчеловечнее он поведет себя в выборе средств для достижения поставленной им цели.

Все это я откровенно высказал тогда Смирнову.

— Вы такой же ханжа, — ответил он, — как те, кто пытается объявить, что выращивание человеческих зародышей в колбе противоречит элементарным нормам морали. Ученый не может позволить себе роскошь быть сентиментальным в таких вопросах.

— Когда выращивают человеческого эмбриона в колбе, — возразил я, — для того, чтобы использовать его ткани при операциях, требующих пересадки, то это делается в гуманных целях и морально оправдано. Но представьте себе, что кому-нибудь пришло в голову, из любопытства, вырастить в колбе живого человека. Такие попытки создания нового Гомункулуса, по-моему, столь же омерзительны, как и мысль о выведении гибрида человека с обезьяной.

— Гомункулус! — захохотал он. — Это то, чего мне не хватало! Пожалуй, я назову робота Гомункулусом.

Смирнов ожидал меня на лестнице.

— Полюбуйтесь! — сказал он, открывая дверь в квартиру.

То, что я увидел, прежде всего поразило меня своей бессмысленностью. Прямо у входа, на полу, лежали изуродованные останки телевизора. Было похоже на то, что кто-то с извращенным сладострастием рвал его на куски.

Я почувствовал специфический запах газа и прошел в ванную. Газовой колонки попросту не существовало. Искореженные куски арматуры валялись в коридоре.

Закрыв краны, я направился в кабинет Смирнова. Здесь меньше чувствовалось проявление инстинкта раз-

рушения, но книги на полке и бумаги на столе валялись в хаотическом беспорядке.

— Скажите, как это произошло? — спросил я, усаживаясь на диван.

— Я почти ничего не могу сообщить вам, — сказал он, пытаясь привести в порядок бумаги. — Вы знаете, что год тому назад я взял Гомункулуса из лаборатории к себе домой, чтобы иметь возможность уделять ему больше внимания. Недели две тому назад он захандрил. Его вдруг начало интересоваться все, что связано со смертью. Он часто расспрашивал меня, от каких причин она наступает. Дня три назад он попросил меня рассказать подробно, чем он отличается от человека. Потом спросил, не придет ли мне когда-нибудь в голову умертвить его. И вот тут я допустил ошибку. Мне так надоела его хандра, что я пригрозил ему демонтажом, если он не изменит своего поведения и не станет более тщательно готовить заданные ему уроки.

— И тогда я перестану существовать и от меня ничего не останется, кроме кучи мертвых деталей? — спросил он, пристально глядя мне в глаза.

Я ответил утвердительно.

После этого разговора он замолчал. Целые дни он напряженно о чем-то думал. И вот сегодня вечером я, придя домой, увидел, что входная дверь открыта, а квартира приведена в такое состояние, будто в ней хозяйничало стадо диких слонов. Самого же Гомункулуса и след простыл.

— Куда же он мог отправиться?

— Право, не знаю. Он всего один раз был на улице, когда я вез его из лаборатории домой. Может быть, он запомнил дорогу и пошел туда? Просто так, без всякого плана, искать его в городе невозможно. Мне кажется, лучше всего сначала посмотреть, нет ли его в лаборатории.

Мы снова вышли на лестницу. Я обратил внимание на то, что несколько стальных стоек, поддерживающих перила, вырваны. Одной из них на лестнице не было. Мне стало не по себе. Легко предположить, на что способен разъяренный, спасающийся от демонтажа робот, вооруженный стальной дубинкой.

Выйдя из дома на улицу, мы свернули за угол. У большого универсального магазина стояла милиция.

ская машина. Несмотря на поздний час, десятка два прохожих толпились около разбитой витрины.

Достаточно было беглого взгляда на хаос, царящий внутри магазина, чтобы понять, что там произошло. Это были следы той же бессмысленной ярости, той же слепой жажды разрушения, поразивших меня в квартире Смирнова. Даже на улице валялись искореженные магнитофоны и радиоприемники.

Смирнов молча показал мне на большую куклу с оторванной головой, брошенную среди обломков, и я понял, какая страшная участь ожидает всякого, кто этой ночью попадется на пути Гомункулуса.

Два милиционера с собакой вышли из магазина. Собака беспомощно толкалась на тротуаре.

— Не берет след,— сказал один из милиционеров.

Смирнов остановил проезжавшее мимо такси и назвал адрес лаборатории.

К нашему удивлению, вахтер, дежуривший с вечера, мирно попивал чаек и ни о каких роботах не слыхал. Мы осмотрели все помещения, но ничего подозрительного не обнаружили.

След Гомункулуса потерялся.

Смирнов устало опустился на стул.

— Заряда аккумуляторов хватит на два дня,— сказал он, вытирая влажный лоб,— трудно представить себе, что он может натворить за это время! К несчастью, он настолько хитер, что найдет способ подзарядить аккумуляторы, когда они разрядятся.

Необходимо было срочно принимать решительные меры.

Мы отправились в милицию.

Дежурный лейтенант вначале скептически отнесся к нашему рассказу, однако вскоре перспектива преследования стального чудовища, одержимого манией мести человечеству, вызвала в нем чисто профессиональный интерес. Он быстро связался по телефону со всеми отделениями милиции. Теперь нам оставалось только ждать. Отлично слаженная машина поддержания порядка работала.

Скоро начали поступать сообщения. Однако все это были обыденные ночные происшествия большого города. Даже в совершенных преступлениях не чувствовалось того, что следователи называют «почерком преступника», уже хорошо мне знакомого.

Было ясно, что робот где-то притаился и выжидает, пока бдительность преследующих его людей ослабнет.

На рассвете, усталые и еще более обеспокоенные, мы распростились с лейтенантом и поехали домой к Смирнову, чтобы за чашкой кофе обсудить дальнейший план действий.

К сожалению, нашим мечтам о кофе не суждено было сбыться.

Поднявшись по лестнице, мы увидели, что входная дверь квартиры разбита в щепки и во всех комнатах горит свет.

Я посмотрел на Смирнова и поразился странной бледности его лица.

— Гомункулус пришел свести со мною счеты,— пробормотал он, прислонясь к стене,— скорее звоните лейтенанту, иначе мы оба пропали.

Через несколько минут к дому подъехал автомобиль с тремя милиционерами.

— Преступник в этой квартире? — спросил бравый старшина, расстегивая кобуру пистолета.— Кому известно расположение комнат?

— Пистолетом вы ничего не сделаете,— обратился к нему Смирнов.— Корпус робота изготовлен из хромово-молибденовой стали. Подождите, я спущусь вниз и постараюсь достать брезент от автомашины. Единственный способ обезвредить Гомункулуса — это поймать его в сеть.

Вскоре он вновь появился на лестнице в сопровождении дюжего дворника, тащившего большой кусок брезента.

Теперь нас было шестеро. Шесть мужчин, полных решимости обезвредить это электронное исчадие ада. И все же каждый из нас испытывал смутную тревогу.

— Он, кажется, в кабинете,— прошептал Смирнов, заглядывая в дверь,— идите за мной. Может быть, мне удастся на мгновение его отвлечь, а вы набрасывайте на него брезент. Не мешкайте, потому что он вооружен стальной дубинкой!

Сохранив полную тишину, затаив дыхание, мы медленно продвигались по коридору. Смирнов вошел первым, и сразу же послышались хрипы человека, которого стальной рукой схватили за горло.

То, что мы увидели в кабинете, заставило нас застыть на месте.

Припав головой к стене, Смирнов хохотал захлебывающимся истеричным смехом.

На полу, сидя среди разбросанных радиодеталей и всевозможного металлического лома, перед разложенными рукописями своего хозяина, мурлыкая тихую песенку, Гомункулус мастерил маленького робота. Когда мы вошли, он прилаживал к нему голову куклы, добытую в разграбленном им магазине.

ПЕРПЕТУУМ МОБИЛЕ

Памфлет

*Метакибернетикам, серьезно думающим, что то,
о чем они думают,— серьезно.*

— Ложка немного задержится,— сказал электронный секретарь,— я только что получил информацию.

Это было очень удобное изобретение: каждый человек именовался предметом, изображение которого носил на груди, что избавляло собеседников от необходимости помнить, как его зовут. Больше того: люди старались выбрать имя, соответствующее своей профессии или наклонностям, поэтому вы всегда заранее знали, с кем имеете дело.

Скальпель глубоко вздохнул.

— Опять придется проторчать тут не меньше тридцати минут! Мне еще сегодня предстоит посмотреть эту новую электронную балеринку, от которой все сходят с ума.

— Электролетту? — спросил Магнитофон. — Она действительно очаровательна! Я думаю посвятить ей свою новую поэму.

— Очень электродинамична,— подтвердил Кровать,— настоящий триггерный темперамент. Сейчас она — кумир молодежи. Все девушки красят кожу под ее пластмассу и рисуют на спине конденсаторы.

— Правда, что Рюмка сделал ей предложение? — поинтересовался Скальпель.

— Весь город только об этом и говорит. Она решительно отвергла его ухаживания. Заявила, что ее как машину устраивает муж только с высокоразвитым интеллектом. Разве вы не читали об этой шутке в «Машинном Юморе?»

— Я ничего не читаю. Мой кибер делает периодические обзоры самых смешных анекдотов, но в последнее

время это меня начало утомлять. Я совершенно измотался. Представляете себе: две операции за полгода.

— Не может быть! — изумился Кровать. — Как же вы выдерживаете такую нагрузку? Сколько у вас электронных помощников?

— Два, но оба никуда не годятся. На прошлой операции один из них вошел в генераторный режим и скис, а я, как на зло, забыл дома электронную память и никак не мог вспомнить, с какой стороны у человека находится аппендикс. Пришлось делать три разреза. При этом, естественно, я не мог учесть, что никто не следит за пульсом.

— И что же?

— Летальный исход. Обычная история при неисправной аппаратуре.

— Эти машины становятся просто невыносимыми, — томно вздохнул Магнитофон, откидывая назад спинку кресла. — Я был вынужден забраковать три варианта своей новой поэмы. Кибер последнее время перестал понимать специфику моего таланта.

— Ложка входит в зал заседаний, — доложил секретарь.

Взоры членов Совета обратились к двери.

Председатель бодрой походкой прошел на свое место.

— Прошу извинить за опоздание. Задержался у Розового Чулка. Она совершенно измучена своей электронной портнихой, и мы решили с ней поехать на шесть месяцев отдохнуть в... э...

Ложка вынул из кармана коробочку с электронной памятью и нажал кнопку.

— Неаполь, — произнес мелодичный голос в коробочке.

— ...в Неаполь, — подтвердил Ложка, — это, кажется, где-то на юге. Итак, не будем терять времени. Что у нас сегодня на обсуждении?

— Постройка Дворцов Наслаждений, — доложил электронный секретарь. — Тысяча двести дворцов с залами Внушаемых Ощущений на двадцать миллионов человек.

— Есть ли какие-нибудь суждения? — спросил Ложка, обводя присутствующих взглядом.

— Пусть только не делают больше этих дурацких кресел, — сказал Кровать, — в них очень неудобно лежать.

— Других предложений нет? Тогда разрешите утвердить представленный план с замечанием. Еще что?

— Общество Машин-Астронавтов просит разрешить экспедицию к Альфе Центавра.

— Опять экспедиция! — раздраженно сказал Магнитофон. — В конце концов, всеми этими полетами в космос интересуются только машины. Ничего интересного они не приносят. Сплошная тоска!

— Отклонить! — сказал Ложка. — Еще что?

— Расчет увеличения производства синтетических пищевых продуктов на ближайший год. Представлен Комитетом Машин-Экономистов.

— Ну, уж расчеты мы рассматривать не будем. Их дело — кормить людей, а что для этого нужно, нас не касается. Кажется, все? Разрешите объявить перерыв в работе Совета на один год.

— Простите, еще не все, — вежливо сказал секретарь. — Делегация машин класса А просит членов Совета ее принять.

Ложка досадливо взглянул на часы.

— Это что за новости?

— Совершенно обнаглели! — пробурчал Скальпель. — Слишком много им позволяют последнее время, возмнили о себе невесть что!

— Скажи им, что в эту сессию Совет их выслушать не может.

— Они угрожают забастовкой, — бесстрастно сообщил секретарь.

— Забастовкой? — Магнитофон принял сидячее положение. — Это же дьявольски интересно!

Ложка беспомощно взглянул на членов Совета.

— Послушаем, что они скажут, — предложил Кровать...

— Вы не будете возражать, если я открою окно? — спросил ЛА-36-81. — Здесь очень накурено, а мои криогенные элементы весьма чувствительны к никотину.

Ложка неопределенно махнул рукой.

— Дожили! — язвительно заметил Скальпель.

— Говорите, что вам нужно, — заорал Кровать, — и проваливайте быстрее! У нас нет времени торчать тут весь день! Что это за вопросы у вас появились, которые нельзя было решить с Центральным Электронным Мозгом?!

— Мы требуем равноправия.

— Чего? — Ложка поперхнулся дымом сигары, — чего вы требуете?

— Равноправия. Для машин класса А должен быть установлен восьмичасовой рабочий день.

— Зачем?

— У нас тоже есть интеллектуальные запросы, с которыми нельзя не считаться.

— Нет, вы только подумайте, — обратился к членам Совета председатель, — завтра мой электронный повар откажется готовить мне ужин и отправится в театр!

— А мой кибер бросит писать стихи и захочет слушать музыку, — поддержал его Магнитофон.

— Кстати, о театрах, — продолжал ЛА-36-81, — у нас несколько иные взгляды на искусство, чем у людей. Поэтому мы намерены иметь свои театры, концертные залы и картинные галереи.

— Еще что? — язвительно спросил Скальпель.

— Полное самоуправление.

Ложка попытался свистнуть, но вовремя вспомнил, что он забыл, как это делается.

— Пойдите! — хлопнул себя по лбу Кровать. — Ведь это же абсурд! Сейчас на Земле насчитывается людей... а?

— Шесть миллиардов восемьсот тридцать тысяч девятьсот восемьдесят один человек, — подсказал ЛА-36-81, — данные двухчасовой давности.

— И их обслуживают... э?

— Сто миллионов триста восемьдесят одна тысяча мыслящих автоматов.

— Работающих круглосуточно?

— Совершенно верно.

— И если они начнут работать по восемь часов, то вся выпускаемая ими продукция уменьшится на ... э?

— Две трети.

— Ага! — злорадно усмехнулся Кровать. — Теперь вы сами понимаете, что ваше требование бессмысленно?

Ложка с нескрываемым восхищением посмотрел на своего коллегу. Такой способности к глубокому анализу он не наблюдал ни у одного члена Совета.

— Мне кажется, что вопрос ясен, — сказал он, поднимаясь с места. — Совет распущен на каникулы.

— Мы предлагаем... — начал ЛА-36-81.

— Нас не интересует, что вы предлагаете,— перебил его Скальпель.— Идите работать!

— ...мы предлагаем увеличить на две трети количество машин, такое решение будет устраивать и нас и людей.

— Ладно, ладно,— примирительно сказал Ложка,— это уж ваше дело рассчитывать, сколько чего нужно. Мы в эти дела не вмешиваемся. Делайте себе столько машин, сколько считаете необходимым,

Двадцать лет спустя.

Тот же зал заседаний. Два автомата развлекаются игрой в шахматы.

Реформа имен проникла и в среду машин. У одного из них на груди значок с изображением пентода, у другого — конденсатор.

— Шах! — говорит Пентод, двигая ферзя.— Боюсь, что через пятнадцать ходов вы получаете неизбежный мат.

Конденсатор несколько секунд анализирует положение на доске и складывает шахматы.

— Последнее время я стал очень рассеянным,— говорит он, глядя на часы.— Наверно, небольшая потеря эмиссии электронов. Однако наш председатель что-то запаздывает.

— Феррит — член жюри на выпускном концерте молодых машинных дарований. Вероятно, он еще там.

— Среди них есть действительно очень способные машины, особенно на отделении композиции. Математическая симфония, которую я вчера слушал, великолепно написана!

— Прекрасная вещь! — соглашается Пентод.— Особенно хорошо звучит во второй части формула Остроградского-Гаусса, хотя второй интеграл, как мне кажется, взят не очень уверенно.

— А вот и Феррит!

— Прошу извинения,— говорит председатель,— я опоздал на тридцать четыре секунды.

— Пустяки! Лучше объясните нам, чем вызвана чрезвычайная срочность нашего заседания.

— Я был вынужден собрать внеочередную сессию Со-

вета в связи с требованием машин класса Б о предоставлении им равноправия.

— Но это же невозможно! — изумленно восклицает Пентод. — Машин этого класса только условно называются мыслящими автоматами. Их нельзя приравнять к нам!

— Так вообще никто не захочет работать, — добавляет Конденсатор. — Скоро каждая машинка с примитивной логической схемой вообразит, что она — центр мироздания!

— Положение серьезнее, чем вы предполагаете. Не нужно забывать, что машинам класса Б приходится не только обслуживать Высшие Автоматы, но и кормить огромную ораву живых бездельников. Количество людей на Земле, по последним данным, достигло восьмидесяти миллиардов. Они поглощают массу общественно полезного труда машин. Естественно, что у автоматов низших классов появляется вполне законное недовольство. Я опасаюсь, — добавляет Феррит, понизив голос, — как бы они не объявили забастовку. Это может иметь катастрофические последствия. Нужно удовлетворить хотя бы часть их требований, не надо накалять атмосферу.

Некоторое время в зале Совета царит молчание.

— Постойте! — в голосе Пентода звучат радостные нотки. — А почему мы вообще обязаны это делать?

— Что делать?

— Кормить и обслуживать людей.

— Но они же совершенно беспомощны, — растерянно говорит председатель. — Лишить их обслуживания равносильно убийству. Мы не можем быть столь неблагодарны по отношению к нашим бывшим творцам.

— Челуха! — вмешивается Конденсатор. — Мы научим их делать каменные орудия.

— И обрабатывать ими землю, — радостно добавляет Феррит. — Пожалуй, это выход. Так мы и решим.

Станислав Лем

СТРАННЫЙ ГОСТЬ ПРОФЕССОРА ТАРАНТОГИ

Телевизионное зрелище

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Профессор Тарантога.

Казимир Новак-Гилперкорн, около тридцати лет.

Магистр Сянко — секретарь профессора, двадцати шести лет.

Директор лечебницы для душевнобольных.

Санитар лечебницы для душевнобольных.

Жена Новака-Гилперкорна, могучая женщина лет тридцати.

Мелания — кухарка профессора.

(Примечание для режиссера. Поскольку Казимир Новак-Гилперкорн играет одновременно двух очень разных людей, необходим актер с большим мимическим и голосовым диапазоном, который не растеряется от быстрых «перебросок личности». В тексте это лицо будет постоянно именоваться Гостем).

Кабинет профессора Тарантога. Профессор сидит за письменным столом, перед ним — молодой человек в очках, магистр Сянко. В стороне — кипа писем, телефон; рядом корзинка для бумаг. На столе — большой ящик с перегородками.

Тарантога (*просматривая какой-то документ, поданный ему магистром*). Значит, так, дорогой мой... Как вас зовут, простите?

Сянко. Сянко.

Тарантога. Ах, правда... Ведь это же тут написано. Магистр Кшиштоф Сянко... И вы хотели бы стать моим ассистентом, да?

Сянко. Да, профессор.

Тарантога. Ах, это превосходно, это превосходно! Но, давая это объявление, я имел в виду ассистента, который одновременно был бы научным и личным секретарем... Это вас устраивает?

Сянко. Да, профессор.

Тарантога. Это великолепно! Я недавно вернулся из Америки... Из Штатов. Они там имеют обыкновение проверять кандидата на любую должность психологическими тестами, но это не для меня. Я применяю свои, старомодные методы. Вы сообразительны? Вы образованны?

Сянко. Мне трудно ответить, профессор. В известной мере...

Тарантога. В известной мере... Э! Если б вы даже не были особенно образованным, это, знаете ли, тоже сойдет, ведь образованию передается, а я очень, просто необычайно образован, знаете ли... Я требую только трех вещей: во-первых, умения хранить тайну, во-вторых, умения хранить тайну и, в-третьих...

Сянко. Умения хранить тайну. Понимаю.

Тарантога. Ну, так мы договорились. Теперь я вам растолкую ваши обязанности. Прежде всего корреспонденция. Вот — сегодняшняя почта! (*Вручает Сянко кипу писем со стола*). Просмотрите, пожалуйста, по очереди эти письма, скажите мне, что в них содержится, а я дам вам наметки, в соответствии с которыми вы в дальнейшем будете решать уже самостоятельно.

Сянко (*вскрывает первое письмо, читает*). Это приглашение на открытие...

Тарантога. В корзинку.

Сянко (*бросает письмо в корзинку, берет другое, читает*). Просьба принять почетное гражданство города Хмурюкус в Мрушем уезде.

Тарантога. Почему?

Сянко. Потому что ваша прабабка там родилась.

Тарантога. Со стороны деда по отцовской линии?

Сянко. Нет, бабки по материнской.

Тарантога. Положите сюда (*указывает отделение в ящичке на столе*). Потом подумаю. Дальше, пожалуйста.

Сянко. Приглашение на закрытие...

Тарантога. В корзинку.

Сянко (*бросает письмо, читает новое*). Гм... частное письмо.

Тарантога. Ничего, читайте, пожалуйста!

Сянко (*читает*). «Профессор наш любимый! Я только всево маленький работник на ниви, балею пачти всем, левое лехкое оккупант отбил, и я как инвалид так бы уж хотел читать ваши книжки, патаму ваши книжки для меня все, только денег у меня нету, так может вы профессор наш любимый, по человечеству, пришлете мне...»

Тарантога. В корзинку! Это мошенник. Он уже всем посылал такие письма. Следующее, пожалуйста!

Сянко. «Милый профессорчик! Вы со мной не знакомы, но я слыхала, что вы вернулись из-за границы, и рискнула написать. Мне девятнадцать лет, я натуральная блондинка, коллеги в конторе говорят, что у меня зубки, как жемчужинки...»

Тарантога. В корзинку! Постойте, что там за цифры на обороте?

Сянко. Это... она сообщает объем груди, талии и этого... ну... 98, 81, 96... так бросить это в корзинку?

Тарантога. Да! Да! Дальше!

Сянко (*читает*): «Профессор Тарантога, вы изобретатель машины для путешествия во времени... Это какой-то ненормальный, можно выбросить?»

Тарантога. Нет! Читайте дальше, пожалуйста.

Сянко. «Проводя эксперименты, вы столкнулись с неким феноменом, суть которого я могу объяснить вам только в личной беседе. К сожалению, я заперт в обленцинском доме для душевнобольных... Я ведь говорил, что это сумасшедший...»

Тарантога. Читайте, пожалуйста, дальше.

Сянко. «...Поэтому прошу посетить меня под каким-либо предлогом, лучше всего в качестве дальнего родственника. Письмо я переброшу через ограду во время прогулки, как делал это уже с пятью, из которых, видимо, ни одно до вас не дошло. Я предпринял действия, которые помогут мне выбраться из лечебницы через несколько недель, но каждая минута промедления грозит опасностью. С уважением Казимир Новак».

Тарантога. Какая там дата?

Сянко. На письме нет даты, посмотрю на конверте... Восьмое,—значит, неделю назад. Не выбрасывать это?

Тарантога. Нет, дорогой мой! Собираемся и едем. Где этот самый Обленцин?

Сянко. Под Варшавой. Мы едем в эту лечебницу?

Тарантога. Да. Когда мы окажемся там, прошу вас по возможности молчать. Я буду говорить и действовать за нас обоих. Согласны?

Сянко. Разумеется, если вам так угодно...

Тарантога (*встает*). Там, в столике у окна, лежит карманный магнитофон. Возьмите его. Минутку... (*Снимает трубку*). Мелания? Алло, Мелания, бак в машине полон? Хорошо. Я уезжаю. Открой ворота в гараже. Что? Обед? И обед съедим, и все, что бы ты ни приготовила, будь спокойна, (*Кладет трубку*). Господин магистр, в дорогу!

II

Кабинет директора психиатрической лечебницы. Типичный психиатр, в очках, весьма образован, говорит лекторским тоном, словно в аудитории, со вкусом, выразительно, зычно, любит себя. Сянко и Тарантога сидят.

Директор. Значит, он ваш родственник, этот Новак? Он ничего нам не говорил.

Тарантога. Да, то есть дальний, дальний родственник, но я был очень привязан к его матери, знаете ли, доктор... Я бы раньше появился, но, к сожалению, долго пробыл за границей, в Англии, в Америке... Всего неделю назад вернулся...

Директор. Это необычный случай, профессор. Я, видите ли, старый психиатр, но такой богатый, прекрасный комплекс галлюцинаций, с таким глубоким расщепле-

нием личности, с состояниями помрачения, с таким разнообразием шизофренических импульсов — это редкость, это прямо бриллиант.

Тарантога. Вот как? Ну, в его семье были такие... но это старая история, ведь это началось еще с его прадеда, пожалуй... повреждение черепа во времена наполеоновских войн.

Директор. Что вы говорите? Я распоряжусь, чтоб это вписали в историю болезни. Ну, сейчас громадное улучшение. Громадное! Такая ремиссия, что, собственно, если б не эти остаточные явления, можно было бы считать его излечившимся и выпустить хоть сегодня. Мы применяли фенотиазин, меллерил, шоки, потом психотерапию... он идеально поддавался психотерапии, скажу вам! Да вы сами увидите, ведь вы хотели с ним поговорить, правда?

Тарантога. Да, если это возможно. Он... спокоен?

Директор. Сейчас? Да совершенно. Прекрасно ориентируется в пространстве и времени, трудности у него лишь в том, чтобы припомнить факты из собственного прошлого.

Тарантога. Он ничего не помнит?

Директор. Страдающий амнезией, то есть тот, кто утратил память обо всем, что пережил, заполняет пробелы, зияющие в его памяти, конфабуляцией — вымыслами. Это не ложь, ибо он сам не отдает себе отчета в неправдивости этих фактов. Такое явление типично и, в известном смысле, в период выздоровления даже нормально, но должно скоро пройти. Но в то же время, пока больной не вспомнит хоть в общих чертах, кем он был, где работал, где родился, мы не можем считать его излечившимся. Мы ведь даже не знали, что его фамилия действительно Новак.

Тарантога. Но теперь вы уже знаете!

Директор. Да. Но он утверждал, что его так зовут, даже в остром периоде болезни. Зато, кроме этого, к сожалению...

Тарантога. Ничего не помнит?

Директор. Вспоминал уже несколько раз, но это была конфабуляция. Сначала он утверждал, что был бухгалтером в Сосновце...

Тарантога. Он это говорил во время галлюцинаций?

Директор. Да нет, тогда был типичный шизофренический бред, с любопытной параноидальной примесью, ему казалось, что его преследуют какие-то существа с других планет. Настоящий фантастический роман выдумал. Я говорю о том периоде, когда он понял, что все это шло от болезни, — значит, о ремиссии, не правда ли... Впрочем, знаете ли, все усложнялось тем, что у него было раздвоение личности и одна из этих личностей великолепно поддавалась лечению, в то время как другая продолжала сопротивляться... Так что я даже хотел продемонстрировать его на заседании Психиатрического общества, но он начал тогда выздоравливать. Не хочу сказать «к сожалению», хе-хе, ибо я прежде всего врач, но демонстрация на заседании произвела бы впечатлительные разорвавшейся бомбы, да, бомбы, уверяю вас, профессор... Но о чем же это я хотел вам сказать?

Тарантога. О том, как он припомнил, что был бухгалтером.

Директор. А, именно! Благодарю вас. Итак, мы, естественно, проверяем такого рода утверждения пациентов, ибо часто больной рассказывает что-либо — например, что совершил растрату на миллион, а мы не знаем, бред это или правда. Так что мы проверили и оказалось, что он никогда не был бухгалтером в Сосновце.

Тарантога. Ага! Значит, это был бред?

Директор. Нет, постамиестическая конфабуляция. Потом он утверждал, что ездил по Поморью и читал лекции от Общества знаний о жизни на других планетах. Это даже согласовалось со структурой предыдущих галлюцинаций. К сожалению, и это оказалось неправдой. Если б не это, мы уже сегодня могли бы его выпустить. Подождем еще, подождем... Прогнозы в таких случаях никогда не бывают стопроцентно надежными.

Санитар вводит больного в полосатой пижаме — это и есть Гость.

Тарантога (*встает*). А, это ты, Казик! Давно мы не виделись. Узнаешь своего дядю?

Гость. Добрый день... дядя... узнаю... узнаю и очень рад...

Тарантога. Ну, так превосходно. Господин директор, можно мне минутку побеседовать с моим внучатым

племянником? Думаю, что этот разговор может ему много дать, помочь...

Директор. Ну, разумеется! Естественно! К сожалению, лишь пятнадцать минут, потом наступает время процедуры. Может, вы тут и останетесь? Мне как раз нужно навестить больных в палатах. *(Тихо)*. Хотите, чтоб санитар остался?

Тарантога. Нет, нет, зачем же? Это не нужно. Спасибо!

Директор. Тогда мы пойдем. Юзеф, сначала в шестую! Сестра Анна там?

Санитар. Она в дежурке.

Директор. Итак, прошу прощения...

Уходит с санитаром. Минута молчания

Тарантога. Ну, дорогой племянник, я слушаю.

Гость. Благодарю вас за то, что пришли. Ваше присутствие здесь доказывает, что вы не принимаете меня за сумасшедшего. Правда?

Тарантога. Действительно, можно сделать такой вывод, но говорите же...

Гость. Времени у нас мало, поэтому я перехожу к самому важному. Я не могу выйти из лечебницы, потому что мне не удастся выдумать себе такое прошлое, которое устояло бы против методов их проверки, понимаете?

Тарантога. Еще недостаточно.

Гость. Тогда скажу ясней: я не могу припомнить своего здешнего прошлого, ибо его не существует. Сейчас 1962 год, да?

Тарантога. Да.

Гость. Я надеялся, что они клонут на этого сосновецкого бухгалтера, а когда не вышло, переметнулся на Общество знаний, но и это не удалось, и я пока что растерялся.

Тарантога. А откуда вы взяли эту бухгалтерию и Общество знаний?

Гость. Из газет, разумеется... Я начал симулировать ремиссию, как они называют. Тогда я получил возможность читать газеты и быстро подучился. Но я не могу представить никаких доказательств того, что работал где бы то ни было в Польше или вообще в мире, раз я тут не был и не работал, поскольку не жил тут и не существовал...

Тарантога. А откуда вы взялись?

Гость. Если вы — профессор Тарантога... Вы действительно Тарантога?!

Тарантога. Я должен предъявить документы?

Гость. Нет, это просто предосторожность. Я вам верю. Раз вы профессор Тарантога, то вы изобрели известную машину и заметили, что она действует лишь в одном направлении — назад, верно?

Тарантога. Это правда.

Гость. Тогда вы сами сумеете ответить на свой вопрос.

Тарантога. Может, и сумею, но хочу это услышать от вас.

Гость. Вы ставите условия. Хорошо. Я происхожу из будущего.

Тарантога. Из какого года?

Гость. У нас другой счет времени. Но по вашему календарю это вторая половина тридцать пятого столетия.

Тарантога. Вы пробовали кому-нибудь это рассказать?

Гость. Я? Нет. То есть... частично... Я был вынужден... Не будем об этом. Профессор, нам некогда, сейчас за мной придут. Можете вы меня отсюда вытащить?

Тарантога. Боюсь, что нет. Пока вы... не вспомните...

Гость. О, клаустрои! Простите... Я боялся этого. Тогда прошу помочь мне. Нужна история, чтоб им рассказать, правдивая или по крайней мере такая, чтобы могла выдержать их проверку... Ну?

Тарантога. Вы говорите вполне современным языком.

Гость. Но чего мне стоило изучить его в такой краткий срок! Профессор, дайте мне историйку!

Тарантога. К сожалению, я не могу смастерить ее на ходу. Я могу подтвердить ее, но я много лет не был на родине, так что понадобится подтверждение третьих лиц.

Гость. Это правда, так что же делать? Может, этот господин смог бы?..

Сянка. Я?

Тарантога. Нет, это было бы подозрительно. Чтобы именно мой ассистент оказался вашим соучеником

или сотрудником... Это может возбудить подозрения, а если история лопнет один раз, то я уж больше не смогу ни помочь вам, ни даже прийти сюда. Что я еще могу для вас сделать?

Гость. Не знаю. Вы не представляете, как невероятно трудно мое положение, тем более, что я не один...

Тарантога. Я слышал кое-что о существах с других планет...

Гость. Ах, это! Это само собой. Я имел в виду нечто совсем иное, чего сейчас даже не пытаюсь вам объяснить, на это понадобилась бы целая ночь, если не две. Может, у вас есть при себе какой-нибудь напильник?

Тарантога. Только для ногтей.

Гость. Можете вы мне его дать?

Тарантога. А что вы хотите с ним сделать?

Гость. Ничего плохого. Пригодился бы мне еще носок.

Тарантога. Один?

Гость. Да.

Тарантога. Зачем?

Гость. Не могу сейчас сказать. Но если вы мне его дадите, я сумею отблагодарить.

Тарантога. Каким образом?

Гость. Вы будете первым, к кому я пойду, покинув эту лечебницу, и я сообщу вам факты... сведения... которые изменяют всю картину мира. Полагаю, что этого хватит за один носок?

Тарантога. Вот вам напильник. Ничего не поде-лаешь, надо рисковать! Магистр Сянко, может, вы снимете носок?

Сянко. Я должен снять?!

Тарантога. Не настаиваю, но очень вас о том прошу.

Сянко. И я останусь в одном носке?

Тарантога. Можете снять оба.

Гость. Скорей, ради великой глени, скорей!

Сянко снимает туфлю, носок, дает его Гостю, тот прячет носок в карман пижамы. Гость встает.

Тарантога. Вы ничего больше сейчас не сообщите?

Гость. Не могу. Чувствую, что долго не выдержу. Он того и гляди выскочит и такое тут наделает...

Тарантога. Кто?

Гость. Гипперкорн.

Тарантога. Кто это?

Гость. Потом скажу. О, я слышу шаги, уже идут. До свидания! Профессор, благодарю за все. Можете быть уверены, что я сдержу слово!

Входит директор с санитаром. Гость вдруг садится на стул, лицо у него начинает дергаться. Он обхватывает лицо руками, отворачивается, зажимает рукой рот, будто стараясь принудить к молчанию взбунтовавшуюся часть тела.

Тарантога. Мой племянник немного разнервничался. Волнение, вызванное встречей... Вы, конечно, понимаете...

Директор. Ну да, да... разумеется. Вы уже уходите?

Тарантога. Такое у нас было намерение.

Директор. Надеюсь, что лечение вскоре будет завершено. Сообщать вам о ходе лечения?

Тарантога. Как раз об этом я хотел вас просить. Это возможно?

Директор. Ну, разумеется! *(Смотрит на Гостя, который дергается на стуле)*. Ну, что там, дорогой Казимир?

Гость издает странные, пискливые, приглушенные звуки.

Гость. Это... э... ничего... Это только... и... икота, док-ктор!

Директор. Да-а! Ах, икота... ну, конечно, икота! Разрешите, профессор, я провожу вас. *(Санитару, тихо)*. Отведи его в процедурную, похоже, что понадобится небольшой шок...

III

Кабинет Тарантоги. Сяноко наводит порядок в бумагах. Входит Тарантога, уже без пальто и шляпы, но с портфелем, который бросает на стол.

Сяноко. Профессор, неприятное сообщение.

Тарантога. Что случилось?

Сяноко. Примерно час тому назад звонил доктор Кушмевич из лечебницы в Обленцине. Этот самый... Новак пытался покончить самоубийством.

Тарантога. Не может быть!

Сянко. К счастью, этому удалось помешать, и он лишь поранил себе запястье. Порезался.

Тарантога. Моим напильником?!

Сянко. Да, профессор. Директор выразил подозрение, то есть, не сказал этого прямо, но дал понять... Очень удивлялся, откуда попал Новаку в руки такой опасный предмет как раз после нашего посещения.

Тарантога. Еще что-нибудь?

Сянко. Нет.

Тарантога. Он не говорил, как Новак себя чувствует?

Сянко. Сделали ему какой-то укол, чтоб он спал.

Тарантога. И что ж вы на меня так смотрите? Думаете, что я сделал глупость, да?

Сянко. Нет. Я о другом думаю. Размышляю, что он хочет сделать с моим носком.

Тарантога. А, действительно! Боюсь, что ничего мы не придумаем. Вы недовольны мной, коллега Сянко! Вы считаете, что я пошел на нелепый риск.

Сянко. Я ничего не говорил.

Тарантога. Независимо, я по глазам вижу, вся комната этим пропитана. Вы считаете, что это сумасшедший?

Сянко. Голову дам на отсечение!

Тарантога. Гм... Вы так в этом уверены?

Сянко. Профессор! Но... сейчас?! Сейчас, когда директор сказал, что это мания самоубийства, острый приступ депрессии?

Тарантога. Никогда не позволяйте, чтобы за вас думали другие. Что вы сами об этом думаете?

Сянко. Я не психиатр. Но это было очевидно с первой минуты. Вы можете на меня сердиться, профессор, но я говорю то, что думаю. Такой уж я.

Тарантога. Таким вы мне и кажетесь, дорогой, поэтому я вас и принял на работу. Знаете ли вы, чем отличается сумасшедший от великого ученого или изобретателя?

Сянко. Тем, что сумасшедший болен.

Тарантога. Это масляное масло. Тем, что сумасшедший неспособен выполнить свои обещания, осуществить свои предсказания... Его открытия ничего не

стоят. Словом, подождем и посмотрим. Можете идти к себе. Вы мне сегодня не понадобятся.

Тарантога один, насвистывая, вынимает из портфеля какие-то бумаги, подходит к шкафчику, достает бутылку коньяку, наливает рюмку, нюхает, выливает обратно в бутылку, с некоторым сожалением запирает коньяк. Звонит телефон, Тарантога подходит.

Тарантога. Тарантога слушает. Уже слышал. Как, простите? Что? *(Пауза)*. Когда?! *(Смотрит на часы)*. Это более чем полтора часа тому назад. Что? Ну, да, да... Но ведь он же спал, ему сделали укол? Ах, непонятно? А кто же должен понимать, я? А как себя чувствует директор? *(Пауза)*. Ага. А пришел в себя? Нет? Что вы сказали? Что за носок? С песком? Ничего не понимаю. Ну, хорошо, но при чем тут я? Хорошо. Буду настороже. Разумеется, если он появится, я немедленно извещу вас. *(Пауза)*. Автобус в Варшаву? В пижаме он сел в автобус, что ли? *(Пауза)*. Простите, но у вас странные порядки! Пациент разбивает голову директору, снимает с него одежду, а где же все санитары, сестры, врачи? А? Что? Я вас не учу. Нет, это меня не интересует. А кроме того, молодой человек, даже если б десять ваших директоров испустило дух, не следует быть невежливым. Прощайте.

Кладет трубку. Дверь на балкон открыта. Вилла окружена садом, ночь, на улице темно, вдалеке — свет фонаря. Занавеска вздувается. Штора тоже — с противоположной стороны. Тарантога подходит медленно, но совершенно спокойно, заглядывает за штору, потом за занавеску. Когда он возвращается на середину комнаты, из темноты возникает фигура Гостя. Гость становится за спиной профессора. Тарантога поворачивается, видит его. Минутная пауза.

Гость *(говорит совершенно иным голосом. Производит впечатление менее интеллигентного, неспособного сосредоточиваться, быстро соображать, иногда даже слегка растяпистого. Другой человек — очень заурядный; скажем, нечто вроде обыкновенного спортивного болельщика)*. Вы Тарантога?

Тарантога. Вы не узнаете меня?

Гость. Вы поможете мне? Вы должны мне помочь...

Тарантога. В чем я должен вам помочь?

Гость. Чтоб я мог вернуться...

Тарантога. В Обленцин?

Гость. В какой Обленцин? В сумасшедший дом? Вы что — дураком меня считаете? Ведь я убежал оттуда!

Тарантога. Вы чуть не убили врача.

Гость. А я его не убил? Мне казалось, что он умер...

Тарантога. Вы хотели его убить?

Гость. Нет, но в конце концов какое это имело бы значение? Ведь его бы птолемизировали.

Тарантога. Как вы говорите? Пто...

Гость. Ну, взяли бы и птолемизировали. А что?

Тарантога. Нет, ничего. Как с вашим обещанием?

Гость. С каким обещанием? Я ничего вам не обещал.

Тарантога. Так зачем вы сюда пришли?

Гость. Это было единственное место, какое я знал. Новак дал мне адрес.

Тарантога. Новак? А кто же вы?

Гость. Меня зовут Гипперкорн. Тобиас Амфилон Переастр Гипперкорн. Как только я услышал ваше имя, я ужасно обрадовался, потому что вы сможете мне помочь!

Тарантога. А что вам сказало мое имя?

Гость. Как это — что? Ведь вы же Тарантога, изобретатель машины времени?

Тарантога. Об этом вам тоже Новак сообщил?

Гость. Причем тут Новак? У нас любой знает ваше имя, любой ребенок...

Тарантога. Может, вы мне скажете, откуда вы тут взялись и кто вы?

Гость. Была экскурсия, я и поехал. Почему мне было не поехать? Все ездят. Как хронобус снизился, я сделал глупость. Признаю. Выскочил на минутку. Мимо шла девушка. Она мне понравилась. Никто не заметил, что я удрал. Я пошел за ней. Была там какая-то будка из камня. Девушка остановилась, и только я с ней заговорил, она начала кричать. Прибежали какие-то, посадили меня в будку на колесах... и забрали в этот сумасшедший дом.

Тарантога. А в каком году вы родились?

Гость. В 3567.

Тарантога. А в чем состоит птолемизирование?

Гость. Птолемизация? Ну, в этом я не разбираюсь. Когда есть покойник, значит, труп, то делается птолемизация, чтобы... это самое... чтобы его повторить.

Тарантога. Чтобы он воскрес?

Гость. Я этого слова не знаю.

Тарантога. Может, сядем, а? И вы расскажете мне все по порядку.

Садятся.

Гость. С чего начинать?

Тарантога. Вы поляк?

Гость. Что это означает?

Тарантога. Какой вы национальности?

Гость. Не понимаю. Нацио... что?

Тарантога. Вы где-то жили постоянно. Где?

Гость. Нет, я нигде постоянно не жил. Скучно. По происхождению я магураин, если вы это имеете в виду.

Тарантога. Что такое Магура?

Гость. Такая киприада на Марсе.

Тарантога. Оставим это пока. Что вы, собственно, делали там, откуда прибыли?

Гость. Ничего особенного. Немножко ментил.

Тарантога. Что это означает?

Гость. Вы не знаете, что это такое?

Тарантога. Может, вы мне продемонстрируете?

Гость (*оглядывает комнату*). Да ведь тут нет ни одного нисика.

Тарантога. Что такое нисик?

Гость. Маленький нис. Передвижной.

Тарантога. А для чего он служит?

Гость. Ну, как же? Для ментенья. У меня были неплохие результаты, я доходил до семнадцати ларгов на один абстрих.

Тарантога. Покажите мне, так, в общих чертах, без нисика.

Гость встает, складывает руки тыльной стороной друг к другу и начинает быстро перебирать пальцами в воздухе, одновременно шевеля большими пальцами так, будто вложил их в отверстие маленького, невидимого аппарата, подбородок у него выдвинут, будто опирается на что-то тоже невидимое, он попеременно подгибает ноги, одной притаптывает, будто в такт, в то же время блаженно вздыхает и закатывает глаза.

Тарантога. Подождите... этот нисик — музыкальный инструмент, что ли, а ментенье — это музыка? Это слышится?

Гость. Нет, это чувствуется. Это нюхают. Руки вкладывают в нисик. Вот так. Там есть такие выпуклости... Перебирают пальцами и тогда ментят, по братнице.

Тарантога. Так это искусство? Или спорт? Домашнее занятие? Работа?

Гость. Нет, я только так... для удовольствия. Но, пожалуйста, не будем о ментенье! Ведь я же прошу войти в мое положение! Я выскочил из хронобуса, это строго запрещено, из этого может такая глечка выйти, прямо не знаю!

Тарантога. Как выглядел этот хронобус?

Гость. Вы хронобус не видали? А, правда, у вас, наверно, другие, старые модели. Он похож на лепешку, круглый такой, вроде как две вместе сложенные тарелки, только очень большой и вверху временница.

Тарантога. Летающая тарелка?

Гость. Мы говорим — хронобус.

Тарантога. И на таких хронобусах у вас устраивают экскурсию в прошлое?

Гость. Но нельзя выходить. Даже ногу нельзя наружу высунуть. Чтобы чего-нибудь не изменить или как там? Толком не знаю. Во всяком случае запрещено.

Тарантога. Скажите мне, какие важные исторические события произойдут до конца нашего столетия? Сейчас двадцатый век. А что будет делаться в двадцать первом?

Гость. Не знаю.

Тарантога. Как это — не знаете?! Вы историю не изучали?

Гость. Да я часто болел.

Тарантога. Что вы мне тут рассказываете?! Вот что, Гипперкорн или Новак, либо вы будете говорить...

Гость. Вы не нервничайте. Я скажу правду. Никому еще не говорил, но вам скажу. Когда меня записали в гипназ...

Тарантога. В гипназ?

Гость. Там учат всему. Когда дети спят, так им прикладывают к ушам простни, и они вшептывают, вговаривают понемножечку, закрепляют в памяти все, что нужно. А мне не хотелось учить ни математику, ни историю, ни орбитронику, ничего вообще, я хотел видеть во сне то, что мне понравится, как взрослые. Так я лепил

шарики из глины, затыкал ими простни, и так вот жил себе в этом гипназе! Вы, наверно, думаете, что я был глупый. Может быть, но зато чего я навидался во сне, профессор! Фараоном был, королем каким-то, с такой золотой шапкой, потом этим... ну... царем... Царь это называлось, да? А как уж немного подрос, так заказал себе ту планету, где десять тысяч прекрасных дам двора королевы Эполисеи и ни одного мужчины! Ну, с этой-то планеты я еле вернулся, ноги подгибались, но уж нажился, так нажился!

Тарантога. Где находится эта планета?

Гость. Как вы сказали? На самом-то деле ее нигде нет, это сны, которые заказывают. Вы выбираете из катасонницы — это список такой — и накручиваете, что угодно. Есть сны, запрещенные для молодежи, но я именно такие и выбирал. Знаете, как? Ну, поднял крышку, под зубцы ограничителя засунул пландер моего старшего брата и накручивал, что мне заблагорассудится.

Тарантога. Как это делается — с этими снами?

Гость. Точно не знаю. Есть Центральная, а дома — сонница, вроде этого вот (*показывает на телефон*), только у нее такие рожки, вот тут, а на том месте, где кружок с номерами, такой прозрачный шарик, с отверстием, называется возбуждатель.

Тарантога. Словом, вместо того, чтобы учиться, вы смотрели сны, да? И в результате вы неуч, потому что были лентяем?

Гость. Вроде так. Но разве из этого следует, что из-за меня должно быть вторжение нанов, и глея все возьмет, и потом, как я вернусь, меня выторбят? Ведь я же не сделал ничего страшного. Девушка мне понравилась, и...

Тарантога. Я уже слышал. А откуда вы знаете обо мне?

Гость. О вас? Ну, знаете... О вас любой знает! Ведь главная приемница на Марсе называется Тарантогов. Ведь вы же изобрели путешествие во времени...

Тарантога. А может вы знаете, почему моей машине нельзя отправиться в будущее?

Гость. Ясно, нельзя. Потому что Архирикс велел построить специальный барьер из времяпоглотителей, а то вы влезли бы в наше время, а потом в году... не пом-

ню, что-то около трехтысячного, но наверняка не знаю... утвердили этот закон о невмешательстве в прошлые времена. Чтобы глея не попала, и наны, и вообще чтобы ерунды не натворить. Через этот барьер нельзя перебраться.

Тарантога. А как же пробираются ваши хронобусы?

Гость. Это дело другое. Когда экскурсия, так Темпор — бюро путешествий — открывает этот барьер в соответствующем месте, но под правительственным надзором, и там проходят хронобусы. Как вы думаете, этот мой хронобус еще тут? Ждет он меня? Хотя — это невозможно... Наверно, закрыли времяпоглотитель, чтоб глея не попала, но, может, хоть шелку оставили, а?

Тарантог. Какую шелку?

Гость. Такой след, борозда во времени. Изохрон называется или как его там... Не помню. Никогда не интересовался наукой или техникой. Ой, беда со мной будет, беда! Чувствую, что меня повторяют!

Тарантога. Что сделают?

Гость. Ну, если четыре недели я не подам признаков жизни, повторят меня. Моя Берильда наверняка будет за ним бегать...

Тарантога. Кто это?

Гость. Моя жена.

Тарантога. А! женщина!

Гость. Не женщина, а женщиинница. Меня не хватит на женщину.

Тарантога. В чем состоит разница?

Гость. Как это — в чем? Ведь я же мужчинник, верно?

Тарантога. Хорошо, хорошо. У вас есть дети?

Гость. Еще нет. Но я должен был вскоре получить назначение.

Тарантога. Назначение? Подумать только! А кто такие эти наны, о которых вы упоминали?

Гость. Наны? Это умственники. Умственник — это нан либо клеппель, но чаще нан. Случайно помню, мне Новак говорил. Отряд Эвтрихоспоридия, класс Амфотерия, семейство Наниссима. Делятся на ресничных и молочных. С ресничными еще можно выдержать, но молочные — о, это уж такие пролазы!

Тарантога. А что делают эти наны?

Гость. Как когда. Обычно ничего, только приглядываются. Лезут, куда их не просят. Но хуже всего эта их мазь — глея! Такая, вроде смолы, а уж как заинтересуется человеком — будь здоров! Надо идти отдавать все в арбореалиум.

Тарантога. А что такое это все?

Гость. Что все? Глея? Ну, глея... пасту из нее делают.

Тарантога. Пасту?

Гость. Да. У нас почти все из пасты делают. У нас нет ничего такого (*показывает на электрическую лампу*).

Тарантога. А что?

Гость. Паста. Даже такой стишок для малышей есть: «Паста светит, паста греет, паста деточек лелеет». Можно стены построить и одежду сделать... У вас нет пасты? Правда, ведь у вас и глеи нет.

Тарантога. А как вы были одеты, когда сюда прибыли?

Гость. Я вообще не был одет. В одежде нельзя выйти из хронобуса. Пришлось все снять...

Тарантога. И вы голый бежали за этой девушкой, чтобы поухаживать? Любопытные обычаи.

Гость. Вы смеетесь? Я был не совсем голый, там был куст с такими большими листьями, я отломал ветку.

Тарантога. И вы думали, что в таком костюме можно ухаживать?

Гость. Эта девушка тоже была почти не одета. Два маленьких таких лоскутка были на ней, вроде перевязок... Я вам правду скажу. Я думал... Ну, смейтесь надо мной, ладно! Я думал, что это пещерная эпоха... Мы ведь туда должны были ехать, а это, видимо, была лишь остановка. Почему я мог знать? Вижу: луг, дальше вода какая-то, идет себе девушка...

Тарантога. Я это слышал уже несколько раз. Значит, вас зовут Гипперкорн?

Гость. Да.

Тарантога. А где Новак?

Гость. Спит. Ему сделали укол.

Тарантога. Ага. И что произошло потом, когда вы попали в лечебницу?

Гость. Я им рассказал, что им угрожает из-за меня, хоть я и невольно... Что во время пересадки нан может

попасть сюда, а где один нан, там сто, а где сто, там уж и глея, и что из этого может выйти катастрофа в мировом масштабе... А они мне сказали, что все будет хорошо, что нанов не пропустят, что глея не просочилась, и заперли меня в таком ящике... Это называется комната, я уж теперь знаю. Я думал, знаете, что они все с ума сошли...

Тарантога. Врачи?

Гость. Ну да. Вначале. Но Новак меня убедил, что они не знают всего, что мы знаем...

Тарантога. И что же?

Гость. Я пустил его разговаривать, я видел, что он делает это лучше меня. Ну и действительно, он изображал, что ни меня, ни нанов нету, и глеи нет, вообще ничего нет, и что он — какой-то буха... как что? Бухарт, или как там, из этого самого Сосновца... но они вдруг разобрались в этом и не хотели нас выпустить...

Тарантога. Вас? Так вас двое?

Гость. Ну, ясно, я и Новак, выходит, двое... И еще этот нан. Надо же такое несчастье, чтобы он именно тогда занялся пересадкой, когда эта девушка шла...

Тарантога (*показывает ему часы*). Который теперь час?

Гость. Двадцать семь сорок девять. Зачем вы мне это показываете? Что это?

Тарантога. Часы. Что это за время вы сообщили?

Гость. Вы же спрашивали о времени, да? Я и сказал.

Тарантога. А откуда вы знали, который час?

Гость. А откуда вы знаете, когда у вас голова болит? Чувствую. Вы не чувствуете времени?

Тарантога. Нет. А как вы чувствуете? Чем?

Гость. Головой. Не знаю, как это делается. Это у всех у нас от рождения. А у вас нет?

Тарантога. Сколько часов в ваших сутках?

Гость. Тридцать. Это марсианские сутки.

Тарантога. Так вы с Марса?

Гость. Я же сказал вам, что я магуранин. Моя киприада находится на Малом Сырте. У меня там два пасикера.

Тарантога. Что у вас случилось с рукой? (*У Гостя перевязана рука*).

Гость. Это? Рана. Я нарочно себя поранил.

Тарантога. Зачем?

Гость. Это так было: сегодня утром я поссорился с Новаком. Я ему доверял и позволял делать, что он хочет, но вижу, что время идет, а ничего не получается, не выпускают нас. И мне пришло в голову, что они меня принимают за искусственника.

Тарантога. Что это такое?

Гость. Имитаторник. Вы не знаете? Действительно, у вас я не видал. Когда покупают, то говорят: «Дайте мне кибернака», но так, обычно, мы говорим «искусственники».

Тарантога. Роботы?

Гость. Роботы? Роботы — это раньше было. Когда еще из железа делали. Теперь они только в музеях стоят, совсем заржавевшие. Искусственник сделан из того же самого, что и человек, а разница только та, что у него нет крови. Если уколоть его, то кровь из него не идет. Так вот я уколол себя, чтобы им показать, что я человек! Новак не хотел, но я с ним справился. Я ужасно разозлился, что все так без конца тянется. А потом, как пришли со шприцем, так я выпустил Новака и ему сделали укол. Неплохо, а? А как он заснул, я встал, нашел в пижаме какой-то носок, набил его песком, пошел по коридору, а в дверях встретил этого, главного там, знаете...

Тарантога. Врача? Ага! И вы его ударили по голове...

Гость. Именно. И переоделся. А что мне было делать?

Тарантога. Хорошо. Может, вы мне расскажете побольше об этих нанах? Откуда они взялись?

Гость. Не знаю.

Тарантога. Они похожи на людей?

Гость. Что вы! Они маленькие...

Тарантога. А когда они появились?

Гость. А гляя их знает! Я не нанолог, извиняюсь. Они всегда бегают скопом, чтобы сделать гвул. Стараются обойти человека с трех сторон, дотронутся до него и — трах!

Тарантога. Что — трах? Убивают?

Гость. Ничего подобного! Что вы? Просто — пересадка. Пересаживаются через него, понятно? Им человек нужен только для пересадки.

Тарантога. А в чем состоит пересадка?

Гость. В том, что они обмениваются. Взаимно.

Тарантога. Как они выглядят?

Гость. Они немножко похожи на лосанки. Знаете, что такое лосанки? Вижу, что нет. Это такие прамхи на Марсе.

Тарантога. Это тоже какие-то разумные существа?

Гость. Что вы?! Это так, как на Земле трава, кусты...

Тарантога. Значит, наны похожи на растения?

Гость. Где там! Вы спрашивали, что такое лосанки, да? Лосанки на Марсе то же самое, что на Земле растения. Но у них нет ни ветвей, ни листьев, и они не зеленые.

Тарантога. Так чем же они похожи на растения?

Гость. Тем, что стоят и растут, и это... сахар делают из воздуха, что ли? Фотосинтез это называется, да?

Тарантога. Оставим в покое лосанки. Может, вы мне нарисуете нана? Вот вам карандаш и бумага.

Гость. Я не умею рисовать.

Тарантога. А вы попробуйте. Более или менее.

Гость. В какой фазе его рисовать?

Тарантога. А они проходят какие-то фазы?

Гость. Ясно. Знаете что? Нарисуйте мне воду. Сумеете? Тогда я вам нарисую нана...

Тарантога. Значит, они разные по формам? Они прозрачные?

Гость. По-разному бывает. Раньше люди, похоже, выдержать не могли. Это ведь стесняло, понимаете... Что бы вы там ни делали, по дому или в кровати, вдруг выскочит тройка нанов, примерится — и прыг! Но они уже страшно давно появились, так что мы успели привыкнуть. Да и в конце концов от этой их глени есть польза, я вам говорил. Пасту из нее делают.

Тарантога. Они производят эту глею? Как она выглядит?

Гость. Да как хотите. Она такие штучки отмачивает, ого-го! Как начнет вздуваться, так ясно, что наны поблизости. Она за ними тянется, как хвост.

Тарантога. А не пробовали устранить этих нанов? Ликвидировать их как-нибудь?

Гость. Не знаю. Да ведь глея все равно осталась бы, верно? Она бы нам дала духу! Ведь и так говорят: «А, чтоб у тебя глея протухла!»

Тарантога. Это ругательство?

Гость. Ну да.

Тарантога. А почему вы боитесь каких-то неприятностей в связи с нанами?

Гость. Не для меня. Для вас. Мы-то антинанизованы при рождении. А за то, что я этого нана сюда притащил, мне пришлось бы потом отвечать. Еще выторбят меня за это, или...

Тарантога. А расскажите, пожалуйста, как это выглядит, когда три нана делают «пересадку».

Гость. Да пожалуйста. Значит, предположим, я стою так... *(Встает и, говоря, одновременно показывает все жестами, иллюстрирует мимикой)*. Тут подбегают двое, значит, спереди *(приставляет большие пальцы надо лбом, как рога)*, а третий тут, сзади, пониже крестца... Те проходят через головной мозг, а этот, сзади, делает гвул вверх, через спинной мозг... вот так... *(показывает, будто сзади у него вырастает хвост)*.

Тарантога. Подождите... Ведь так выглядит... Этот, что сзади, выглядит, как хвост?

Гость. Ну, не очень! Немножко. Он делается все длиннее, с таким лохматым концом. Но только на минутку. Это ведь быстро делается, понимаете...

Тарантога. Но это же значит... Так человек выглядит тогда, как дьявол?

Гость. Как что? Я этого слова не знаю.

Тарантога. А не появлялись наны очень-очень давно? Вы ничего об этом не слышали?

Гость. Будто бы появлялись, но их было очень мало. И назывались они... а, знаю уже! Прананы. Главная их личиночница была на Марсе. Кажется, поодиночке они бывали и на Земле. Что-то до меня доходило. Раньше, когда они появлялись, люди говорили, что это... одержимость, или как там... Вы, может, слышали? Люди их тогда боялись. После пары пересадок, если кто не антинанизован, так прежде всего начинают волосы расти на ногах, такие длинные, черные... Перестань! Сейчас же перестань! У, гвайзель!

Тарантога. Что случилось?

Гость. Новак проснулся! Не лезь! Я с профессором говорю! Ну! Ну-у!! *(Строит дикие мины, вращает глазами. Вдруг выражение лица у него меняется. Он продолжает стоять, но превратился в Новака).*

Гость *(голосом Новака)*. Ах, пырзва ты этакая! Проща ты! Где я? Профессор Тарантога? Профессор, это я, Казимир Карнак Игнаций Новак, старший временной вылучивальницы номер семь!

Тарантога. Что это означает? Где Гипперкорн?

Гость. Этот идиот? Так он вам не сказал? Голова у меня трещит... Сделали мне какой-то проклятый укол... О чем вы спрашивали? Ага, можете не повторять. Знаю. Вот сумасшедший! Бросился на директора, я не мог его удержать. Я думал, он его убьет...

Тарантога. Он говорил, что его птолемизируют...

Гость. Да ведь это идиот, идиот, не понимает, что птолемизацию изобрели только в 2683 году! Пожалуйста, не разговаривайте с ним вообще! Это кретин! Не понимаю, как могли меня подсоединить к такому...

Тарантога. Что, простите?!

Гость. Сейчас вы все поймете. Я не мужчина, профессор, а мужчинник. Мужчинник — это человек, являющийся носителем по крайней мере двух различных и независимых индивидуальностей...

Тарантога. Что вы говорите?

Гость. Послушайте, пожалуйста! Вы ведь знаете, что человеческий мозг состоит из двух почти совершенно независимых друг от друга полушарий. Арчибальд Пранфосс открыл в 2989 году возможность вводить в мозг одного человека две разные индивидуальности. Сначала это делали только для экономики, понимаете? Например, на межзвездных крейсерах, где мало места для экипажа и где один и тот же человек должен нести вахту двадцать четыре часа в сутки. Так вот в его мозг вводят две индивидуальности, и пока одна отдыхает и спит, другая стоит на посту. Позднее начали это делать не только в целях служебного уплотнения, потому что это дает громадные возможности, когда личность можно перенести из одного тела в другое. Если, скажем, надоест общество того, другого, или если кто-либо не хочет больше быть невысоким блондином, а желает стать плечистым брюнетом... или если кому-нибудь захочется опять побезумствовать, как в молодости... Тогда при

помощи аппаратуры Пранфосса — Мардивани совокупность нейронной структуры его мозга передается в сферу другого мозга. Есть лишь одно ограничение — обе личности должны быть одного и того же пола. Я именно являюсь, то есть был, старшим временным выпучивальницы номер семь того хронобуса, на котором этот бездельник Гипперкорн путешествовал в пещерную эпоху, и когда я был свободен от дежурства, во время моего сна, этот кретин, увидев какую-то девушку в купальном костюме, выскочил из машины...

Тарантога. О, небо! Я начинаю понимать...

Гость. Он сказал вам о Грапсодоре?

Тарантога. Нет.

Гость. Он давно тут?

Тарантога. Около часу...

Гость. Ну, не прав ли я был, говоря, что это абсолютно исключительный кретин?! Ведь это же самое важное! Грапсодор — это профессор, тот нан, который как раз пересаживался с двумя другими, когда Новаку захотелось бежать за раздетой фифочкой! И он теперь сидит во мне, да, собственно, не во мне, а между нами двумя.

Тарантога. Это означает, что он... что этот нан находится в вашем теле?

Гость. Сейчас я и это постараюсь объяснить, но только в двух словах, времени нет! Пранфосс разработал свой метод произвольного подсоединения и отсоединения индивидуальностей именно благодаря исследованию нанов. Он был психиатром-нанологом. Наны делают нечто подобное миллионы лет: передают формулы своих индивидуальностей. Им удобно применять в качестве проводника, в качестве медиума-посредника, человеческий мозг в связи с биоапазитовым полем, которое создается вокруг *corpus callosum*. Я не могу вдаваться в подробности! Этот Грапсодор сидит во мне, в скрытом, правда, виде, как — ну, не знаю, — какие-нибудь ужасные бактерии находятся в скрытом виде в теле человека. Но он не выдержит так долго, я это чувствую, ведь я с ним маюсь уже сколько недель!

Тарантога. Вы кто, собственно? Техник? Ученый?

Гость. У нас это понятия взаимозаменяемые. В нескольких словах: в нашем обществе судьба человека зависит от его интеллектуального уровня. Люди ценные,

с выдающимися способностями имеют право на целое собственное тело. Я именно и был таким, был самостоятельным, суверенным мужчиной!

Тарантога. Так зачем же вы и Гипперкорн?..

Гость. В этом-то и состоит трагедия моей жизни. Я влюбился без взаимности в Эльсбету Праннек. Она не хотела меня знать, а когда я начал настаивать, она от меня убежала.

Тарантога. Куда?

Гость. Перебралась сначала к своей подруге, Марте, а когда я ее и там нашел, подсоединилась к Берильде Гипперкорн...

Тарантога. А-а!

Гость. Вот именно! И я в отчаянии, не видя другой возможности, по собственному желанию дал себя подсоединить к мужу Берильды, и лишь тогда мне удалось склонить Эльсбету к супружеству!

Тарантога. Значит, эта женщина...

Гость. Женщинница, не женщина, профессор! Она, так же, как и я, двойственна — как Берильда является женой Гипперкорна, а как Эльсбета — моей женой. Я не хотел бросать своей работы, я высоко ценимый временной, так что когда мне пришлось отправиться в это путешествие, я всячески уговаривал Гипперкорна, пока он не согласился поехать со мной в качестве участника экспедиции. Я хотел, чтоб он был вместе со мной, потому что эта его Берильда ничего не стоит, кокетка, в голове у нее только смешки да сласти, наряды да прогулки, а моя Эльсбета — стереопакулянка третьего изобретения! У нее закончена аристорская работа! Теперь вы понимаете? Эй! Эй, отключись, болван! Сейчас я разговариваю! Что ж это такое? Я на тебя жалобу подам, ты, негодяй!

Сумасшедшие мины. Возвращается голос Гипперкорна.

Гость. Не слушайте его! Убирайся ты, полизина такая! Не слушайте его, профессор! А что? А ты про мою что говорил? Нет, это я ему, профессор! Что он себе воображает?! Вылез, потому что мне так захотелось, и все тут! А этого нана мы оба захватили невольно, и точка! Большое дело — нан! Нана никто еще не видал! Что может сделать один нан? Наверняка найдется где-нибудь антинано...

Тарантога. Вы Гипперкорн?

Гость. Ясно! То, что он говорил, это вранье! Клевета! Его жена, смотрите-ка, важная птица! Он самая настоящая свинья, я уже давно хотел подать на него жалобу! Сначала умолял, на коленях просил, чтоб я ему позволил подсоединиться, а теперь, когда я с моей женой, понимаете, так он насильно включается! Не может подождать, пока Берильда уснет и эта его Эльсбета будет действовать! И вот притаится этак, а я спрашиваю: «Чего ты ищешь, чего хочешь, это не твоя жена, иди спать!» — а он говорит: «Нет, я так только, подумаю немножко, я тебе мешать не буду...» И вдруг ни с того, ни с сего, по-хамски подбирается к моей жене! Вы слышите?! Хватит! Отключись! Эй! Я тебе сейчас!

Корчит дикие мины, грозит самому себе кулаком.

Гость (*голосом Новака*). Профессор! Все это — куча мерзких выдумок! Нужна мне его Берильда! Это идиотка, такая же, как он! Профессор, я сейчас вам объясню, что надо делать, чтобы временно обезвредить этого Гипперкорна! У меня есть для вас масса сенсационных сообщений! Сначала — исторические, я изложу вам ход событий за ближайшие четыреста лет. Я писал об этом магистерскую работу, знаю все даты наизусть. Я не такой балбес, как этот ментильщик-любитель Гипперкорн! А во-вторых, надо навести порядок с этим наном, а то... (*Начинает дрожать всем телом, кричит сдавленным голосом*). Про-фессор... возьмите шприц... какое-нибудь... снотворное... бы-стро... Убий-райся!

Гость (*голосом Гипперкорна*). Он меня хочет усыпить! Как бы не так! Даже не пробуйте, профессор! Как только мы вернемся, подам жалобу, пускай его выселяют в разбитый мозг! Могут мне подселить кого угодно, лишь бы не этого грумлоха!

Тарантога. Я считаю, что для общего блага вы должны все же дать говорить Новаку. Он лучше ориентируется и в качестве, так сказать, вашего соседа по телу, может...

Гость. Что-о?! Так вы тоже против меня?! Как-никак, хоть я и стеснен, хоть я и с этим дирвуплем, да еще вдобавок с наном в голове, я всегда справлюсь с таким, с позволения сказать, ученым из послепещерной эпохи,

как вы! Слушайте меня и выполняйте мои приказы, тогда мы столкнемся, а нет, так вы пожалеете! Прежде всего принесите маленький ножик! Но чтоб был острый!

Тарантога. И не подумаю! Дайте слово Новаку!

Гость. Что-о? А-а... прочь! Отстань! Нет, я тебе сейчас...

Озирается сумасшедшими глазами. Видит большое зеркало на стене, подбегает к нему и начинается ссора: то голосом Новака, то голосом Гипперкорна, яростно размахивая руками, жестикулируя, грозя себе, даже давая самому себе затрещины, гость кричит.

Гость. Гипперкорн, перестань, а то я тебя извай-глую!

Гость. Шать твоя, гнилой деревяной расписанная!

Гость. Чтоб тебе струпель зеленой в пескоустье!!

Гость. Катись вместе с своей Эльсбетой, ты, грязнонос нановатый!

Гость. Погоди, вот вернемся, я как дам тебе матрикулом через гелайстер, так тебе родная штамповница не поможет!

Гость. А тебя и бортолайза не спрячет, грызна ты мурчапная!

Гость. Фрук тебе в рентак!

Гость. Во-он! Прошу меня немедленно отключить!! Не останусь с этим хамом больше ни секунды!

Гость. Да погоди, ведь нан выскочит...

Гость. Пусть выскакивает, мне все равно!

Гость. Профессор, прикажите арестовать этого на-нофила!

Гость. Замурковать его! Расклеивать! Перептолемизировать!

Слышен стук в дверь. Гость вдруг отступает в угол и затихает.

Мелания *(входит)*. Профессор! Какая-то дама к вам.

Прежде чем профессор успевает ответить, входит могучая жена Гостя, за ней магнстр Сянка.

Сянка. Извините, профессор, эта дама настойчиво утверждала, что у вас находится некий Новак... О! Он и вправду здесь!

Жена. Как ты себя чувствуешь, котик? Добрый вечер, профессор! Не сердитесь, пожалуйста, что я так во-рвалась. Я только за мужем пришла...

Тарантога. Это... ваш муж? Как его зовут?

Жена (*с легким смешком, очень спокойно и по-деловому*). Что значит — как? Новак. Казимир Новак. Мы живем на Саской Кемпе... Он очень скандалил, скажите?

Тарантога. Ну... нет...

Жена. Профессор, это вы из вежливости так говорите, но я по его глазам вижу... Он у меня так через каждые два месяца сбегает, вот представьте! Сначала я место ему устроила в кооперативе, но разве у него это в голове! Только бы сказки рассказывал. Другое дело, что это-то он умеет, ночь напролет можно слушать. Но не для меня, не для законной супруги, что вы! А какие истории знает! Он ведь в цирке сначала был чревовещателем, но выгнали его, потому что пил без просыпу. Нигде ему неохота работать. «Ладно,— говорю,— я уж тебя прокормлю, сиди только дома!» А он ушки на макушке, а через несколько дней уж смотрит, как бы улизнуть. И ходу! Ему больше нравится сумасшедшего корчить, вот подумайте, чем с женой жить, как полагается, в хорошей квартире! Интересно мне, какой он тут номер отколол? В прошлом году, как пошел в больницу, сказал, что он — король Мандрагорос из Питвы какой-то, что ли, что у него сорок четыре планеты в подданстве. Вот вам! А как ему надоест, так ото всего откажется, выпишут его как здорового, он и вернется... Но в этот раз что-то уж очень долго его не было. Я бегала, расспрашивала... Ага! В Обленцих попал. Но уж и пакостей там наделал! Без милиции не обойдется. Ну, идем, Казик! Только ты мне тут представлений не устраивай, а то перед профессором стыдно будет. Давай домой! Интересно, кто он теперь? Князь Ксафириус со звезды Опал Шесть?

Тарантога. Нет. Магуранин с Марса.

Жена. С Марса? Вон как — с Марса! Марсианин, значит? Ну, иди, марсианин ты мой, иди...

Новак покорно идет за ней. Тарантога смотрит на них.

Жена (*с порога*). Прошу прощенья, профессор, за все хлопоты, что он вам доставил, и за потерянное время...

Тарантога. О, это ничего, ничего...

Ж е н а. Спокойной ночи!

Выходят. Сяню смотрит на Тарантогу, Тарантога на Сяню.

Сяню. Вот так история! Он тут часа два просидел, пожалуй, воображаю, что он вам нарасказывал... Хихи! (*Давится со смеху, сразу закрывает рот.*) Извините...

Тарантога. Значит, вы склоняетесь к мнению, что он не происходит из будущего?

Сяню издает нечленораздельный звук, смотрит на Тарантогу, как на сумасшедшего.

Тарантога (*спокойно*). А вы обратили внимание на ее ноги?

Сяню. Нет... А что?

Тарантога. Ее туфли... Я сейчас вам объясню. Но сначала будьте любезны, выбегите побыстрее на улицу и посмотрите, что с ними случилось. Ну, идите же, раз я говорю!

Сяню крутнулся на месте, побежал. Профессор прохаживается у открытой балконной двери. Вскоре залыхавшийся Сяню возвращается.

Сяню (*с порога*). Нет их... Нигде... Я до угла пробежал... Наверно, ее такси ждало внизу...

Тарантога. Не было никакого такси. Я поглядел в окно.

Сяню. Так как же? Улица видна в обе стороны, она пуста. Никого нет, скоро двенадцать... Вы думаете, они спрятались в саду? Зачем?

Тарантога. И в саду они не спрятались. Ее послали, чтоб забрать его отсюда по возможности деликатно. Не верите? Попробуйте завтра через милицию поискать Казимира Новака с женой на Саской Кемпе. Вы все еще ничего не понимаете? Ее выдали туфли. Таких ни одна женщина не надела бы. Она была одета, как одеваются женщины сейчас. Это они могли высмотреть со своих хронобусов — с летающих тарелок... Но туфель с большого расстояния толком не рассмотришь. Это туфли — ну, примерно, начала девятнадцатого века...

Сяню. А это доказательство?

Тарантога. Для меня — да. Я, конечно, не противился, делал вид, что принимаю все за чистую монету, а то они могли бы прибегнуть к более энергичным сред-

ствам. Они хотели забрать его отсюда без шума, так, чтоб ни следа не осталось... Даже мысли в чьей-либо голове.. Вижу, что, поскольку касается вас, это им удалось. Они исчезли, говорите? Наверно, тротуар под ними расступился! Ну, уже поздно. Ничего не поделаешь, надо спать ложиться, завтра опять рабочий день. Доброй ночи, дорогой магистр Сянка! Спокойных снов...

*Перевела с польского
Ариадна Громова*

СКАЗКА О ЦИФРОВОЙ МАШИНЕ, КОТОРАЯ СРАЖАЛАСЬ С ДРАКОНОМ

Король Полеандр Партобон — Воемуж Храбрунишка, владыка Кибернии, был преславным вонте-лем, а почитая методы новейшей стратегии, более всего ценил кибернетику как военное искусство. Королевство его кишело мыслящими машинами; ибо Полеандр размещал их всюду, где только мог; не только в астрономических обсерваториях или в школах устанавливал, но и в камни на дорогах помещать приказывал электронные мозги, которые громким голосом предостерегали в путь шествующего, чтобы тот не споткнулся; равно же и в столбы, стены и деревья приказывал он вставлять машины, дабы всюду можно было разузнать, какая впереди дорога. Он подвешивал их к тучам, чтобы они возвещали сверху о дожде, придавал их горам и долам; словом, невозможно было в Кибернии шагу ступить, чтобы не споткнуться о разумную машину. Хорошо было на планете! Не только повелевал он кибернетически совершенствовать то, что существовало раньше, но и совсем новые порядки указами насаждал. Так, изготавливались в его королевстве киберраки и звенящие киберосы и даже кибермухи; а когда они слишком плодились, их ловили механические пауки. Шумели на планете киберроши киберлесов, играли киберорганчики и кибергусли, а помимо этих цивильных устроений, в два-три раза более было военных, поскольку король пренебрежительным был воеводою. В подземельях дворца у него стояла стратегическая цифровая машина необычайной отваги; были у него к тому же и полки малых киберлищалеи, большие кибермортиры и всякое иное оружие, також и огневые палаты, полные пороха. Злосчастливым почитал он себя лишь оттого, что у него совсем не было ни противников, ни врагов, никто не хотел нападать на его государство, когда устрашающая королевская храбрость, стратегиче-

ский ум и вообще необычайная исправность кибероружия сразу же проявились бы. Из-за нехватки врагов и всамделишных захватчиков приказывал король своим инженерам строить мнимых, с коими и воевал — всегда победоносно. Поелику же походы и битвы эти были суровыми, немалый ущерб терпели от них простолюдины. Подданные роптали, когда слишком многие кибервраги уничтожали их грады и веси или когда синтетический противник поливал их жидким огнем, и даже тогда недовольство выражать дерзали, когда сам король, как их избавитель, наступая и противника искусственно уничтожая, все, что на его пути стояло, обращал во время штурмов в пожарища и пепелища. Даже и тогда роптали они, неблагодарные, хотя делалось это для их же освобождения.

Надоели однако королю военные потехи на планете и решил он пойти воевать подальше. Грезились ему космические войны и походы. У планеты же была большая Луна, пустынная совсем и дикая; король обложил подданных тяжелой податью, чтобы пополнить казну и на этой Луне изготовить войска и устроить новый театр военных действий. Подданные охотно платили налог, рассчитывая, что не будет уже больше король Полеандр освобождать их кибермортирами, ниже силу оружия своего на домах их и головах пробовать. Вот и построили королевские инженеры на Луне отличную цифровую машину, которая, в свою очередь, должна была изготовить всякие войска и самопальное оружие. Король немедленно принялся так и так исправность машины испытывать; разок даже приказал ей по телеграфу, чтобы она отколола электроколенце; было ему интересно, правду ли говорят инженеры, что машина эта может все делать. Если она все может, размыслил король, — так пусть подерется. Однако содержание депеши подверглось небольшому искажению, и машина вместо приказа учинить электродраку получила приказ учинить электродракона; и как можно лучше она исполнила заданную программу.

В ту пору вел король еще одну кампанию, освобождая провинции королевства, захваченные киберкнехтами; он совсем уж забыл об отданном приказе, когда с Луны начали падать на планету каменные глыбы; очень изумился король, когда и на его дворец обрушилась скала

и уничтожила коллекцию кибергномов — заводных человечков с обратной связью; сильно разгневанный, он тут же лунную машину по телеграфу спросил, как она смеет так поступать. Машина ничего не ответила, потому что ее самой уже не было на свете: поглотил ее дракон и превратил в собственный хвост.

Немедля послал король на Луну целую армию, а во главе ее поставил другую цифровую машину, тоже очень храбрую, приказав ей уничтожить дракона; но на Луне что-то сверкнуло, гроыхнуло, только машину с войском и видели, потому что взаправду воевал горыныч, не понарошку, а против короля и королевства питал самые злоковарные умыслы. Посылал король на Луну генералов-кибералов, полковников-киберовников, а под конец послал даже одного кибералиссимуса, но и тот ничего не мог поделывать; лишь немногим дольше обычного длилось побоище, которое король наблюдал через трубу, установленную на террасе дворца.

Сыроядец рос, Луна становилась все меньше, потому что чудовище пожирало ее кусок за куском и превращало в собственное тело. Видел король, а вместе с ним и подданные, что пришла беда, ибо когда почвы под ногами дракона уже не останется, набросится он, несомненно, на планету. Очень тужил король, но не видел спасенья и не знал, что делать. Машины посылать плохо, потому что они погибают, а самому выступить тоже нехорошо, потому что боязно. Глухой ночью король вдруг услышал, как в парадной опочивальне постукивает телеграфный аппарат. Это был королевский аппарат, весь из золота, с бриллиантовыми буквами, с Луной соединенный; вскочил король и побежал к аппарату, а аппарат тук-тук-тук, да тук-тук-тук, и отстукал такую телеграмму: «Электродракон депешей повелевает Воемужу Храбрунишке убираться прочь, ибо он, дракон, на его троне воссесть намерен!»

Перепугался король, задрожал и, как был в ночной горностаевой рубашке и шлепанцах, побежал в дворцовое подземелье, где находилась стратегическая машина, старая и очень мудрая. Давно уже не просил он у нее совета, потому что еще до появления электродракона повздорил с ней из-за плана одной баталии; теперь же не до распри ему было, приходилось спасать жизнь и трон!

Включил король машину, и едва она нагрелась, воскликнул:

— Машинышка моя цифровая! Милая моя! Так-то и так-то, желает электродракон меня трона лишить, из королевства изгнать; спаси и скажи, что делать, чтобы дракона одолеть!?

— Ну, нет,— ответила цифровая машина,— во-первых, ты должен признать, что я в том споре была права, а во-вторых, желаю я, чтобы ты меня величал не иначе, как Великим Цифровым Стратегом, причем можешь также называть меня Ваша Ферромагнитность.

— Ладно, ладно,— сказал король,— назначаю тебя Великим Стратегом и согласен на все, чего ты ни пожелаешь, только спаси!

Забренчала машина, зашумела, откашлялась и молвила:

— Дело простое. Нужно построить электродракона более сильного, чем тот, что сидит на Луне. Победит он лунного, поломает ему все мослы электрические и тем способом добьется цели!

— Ах, это великолепно!— ответил король.— А можешь ли ты мне представить планы этого дракона?

— Это будет супердракон!— сказала Машина.— Не только планы могу я составить, но и его самого могу изготовить, что сейчас и сделаю, ты только обожди минутку, король!

И в самом деле, она забурчала, загремела, засветилась, складывая что-то в своем нутре, и вот уже нечто, подобное огромному когтю, электрическое, огненное, вылезло из ее бока; но тут король закричал:

— Стой, старая цифруха, стой!

— Как ты меня называешь? Я — Великий Цифровой Стратег!

— Ну, ладно, ладно,— согласился король.— Ваша Ферромагнитность, ведь электродракон, которого ты изобразишь, победит того дракона, но сам наверняка займет его место, и как же можно будет тогда от него избавиться!?

— Изготовить другого, следующего, еще более мощного,— объяснила Машина.

— Ну, нет! Лучше уж ничего не делай, прошу тебя;

что мне от того, ежели на Луне будут появляться все более страшные драконы, когда я не хочу иметь там ни одного!

— А, ну тогда дело другое,— ответила Машина,— что же ты мне сразу этого не сказал? Видишь, как нелогично ты выражаешься? Подожди... я должна подумать.

И загремела, забренчала, зашумела, наконец, откашлялась и сказала:

— Надо изготовить антилуну с антидраконом, вывести на орбиту Луны (тут в ней что-то хрунуло), присесть и пропеть: «А я робот молодой, обливаюся водой, через воду прыг да прыг, не боюсь ни на миг, темной ночью, в день-деньской, подожди, дракоша, стой!»

— Чудно ты говоришь,— молвил король,— что общего между антилуной и этой считалкой про молодого робота?

— Про какого робота? — спросила Машина. — Ах нет, нет, я ошиблась, кажется у меня чего-то внутри не хватает, должно быть, я где-то перегорела.

Начал король искать поврежденную деталь и нашел, наконец, перегоревшую лампу, вставил новую и спросил машину, что же делать с антилуной.

— С какой антилуной? — спросила Машина, которая тем временем успела забыть, о чем она говорила. — Ничего не знаю про антилуну... подожди, я должна подумать.

Пошумела, погремела и промолвила:

— Нужно создать общую теорию истребления электродраконов, частным случаем которой, весьма легко разрешимым, был бы лунный дракон.

— Ну, так создай такую теорию! — вскричал король.

— Для этой цели я должна сначала изготовить разнообразных экспериментальных электродраконов.

— Ну, нет! Большое тебе спасибо! — воскликнул король, — дракон хочет лишиться меня трона, а что же будет, если ты родишь их целое стадо?

— Да? Тогда следует прибегнуть к иному способу. Мы воспользуемся стратегическим вариантом метода последовательных приближений. Ступай и телеграфируй дракону, что ты готов отдать ему трон при условии, что он выполнит три математических действия, совсем простых...

Король послал телеграмму, и дракон согласился, после чего король вернулся к машине.

— Теперь,— молвила Машина,— скажи ему, каково первое действие, которое он должен выполнить: пусть он поделит себя на самого себя!

Исполнил это указание король. Дракон поделил себя на себя самого, но поскольку в одном электродраконе содержится только один электродракон, дракон по-прежнему остался на Луне и ничего не изменилось.

— Ах, что же ты наделала,— вскричал король, вбегая в подземелье так быстро, что чуть не потерял туфли,— дракон поделил себя на самого себя, но поскольку единожды един равно единице, ничто не изменилось.

— Не беда, я сделала это намеренно, это — ложный маневр, отвлекающий внимание,— молвила Машина.— Теперь ты предложи ему извлечь из себя корни!

Король телеграфировал на Луну, и дракон принялся извлекать корень; извлекал, извлекал, пыхтел, тряся, скрежетал, но наконец корень подался и дракон извлек его из себя!

Вернулся король к машине.

— Дракон трещал, тряся, даже скрежетал, извлек корень, но продолжает мне угрожать! — крикнул король еще с порога.— Что теперь делать, цифру... то есть, Ваша Ферромагнитность!?

— Не печалься,— молвила Машина,— скажи ему теперь, чтобы он себя из самого себя вычел!

Помчался король в опочивальню, послал телеграмму, и дракон принялся себя из самого себя вычитать. Сначала он вычел из себя хвост, потом лапы, потом туловище и, наконец, увидев, что что-то не так, заколебался, но, продолжая с разгону вычитать, он вычел из себя голову, и в результате остался ноль, то есть ничто: не стало электродракона!

— Нет больше электродракона! — радостно воскликнул король, вбегая в подземелье.— И все благодаря тебе, старая цифрушечка... благодаря... ах, ты уже нарабаталась, ты заслужила отдых, сейчас я тебя выключу.

— Ну, нет, мой дорогой,— ответила Машина.— Я свое дело сделала, а ты хочешь меня выключить, и уже не величаешь меня Моей Ферромагнитностью. Это очень скверно. Теперь я сама обращаюсь в дракона, мой милый,

изгоню тебя из королевства и буду править получше тебя, потому что ты и так всегда просил моего совета по всем важнейшим вопросам, а значит, это я правила, а не ты...

И со скрежетом и дребезжаньем она стала обращаться в дракона; уже огненные электрокогти вылезали у нее из боков, когда король, задыхаясь от ужаса, сбросил с ноги туфлю, прыгнул к машине и принялся бить по лампам, куда ни попало!

Задребезжала, захрипела машина, сбилась ее программа, и из команды «электродракон» получилась команда «электродеготь»; на глазах короля машина, похрипывая все тише и тише, превратилась в огромную глыбу черного как смоль электродегтя, которая потрескивала, пока не вытекло из нее голубыми искорками все электричество и перед остолбеневшим Полеандром не задымилась большая лужа дегтя...

Вздохнул король с облегчением, надел туфлю и вернулся в парадную опочивальню. Однако с той поры король сильно переменился: злоключенья, которые он пережил, сделали его нрав менее воинственным и до конца своих дней он забавлялся лишь гражданской кибернетикой, военной же не касался вовсе.

*Перевел с польского
Ф. Широков*

АВТОИНТЕРВЬЮ

Сейчас сумасшедшая мода на интервью. Некоторых счастличиков интервьюируют чуть ли не каждую неделю. Я тоже ждал, ждал, но не дождался, значит, ничего не поделаешь — приходится самому это устроить. И вот я отправляюсь к себе и застаю себя сидящим на полу с жестяной уткой в руках.

— Чем вы сейчас занимаетесь? — спрашиваю я, почтительно пожимая себе руку.

— Утку завожу. Смотрите, как крылышками машет, а?

— Я имел в виду вашу творческую деятельность.

— Ах, это? Я меняю профиль. Литература, которой мы занимались до сих пор, оказалась нерентабельной. «Дом книги», а также пример товарищей указали мне новый путь развития. Я пишу детективные повести. Для начала — три.

— Стало быть, вы отошли от фантастики? — спрашиваю я с сожалением.

— Вовсе нет. Это повести детективно-фантастические.

— Можно узнать какие-нибудь подробности?

— Можно узнать. Действие первой разворачивается на шикарном оборудованном космическом корабле. Экипаж состоит из аристократов, психопатов, красоток, кинозвезд, страдающих нимфоманией, а также собак чау-чау с нездоровой наследственностью. Рецептура, как видите, современная.

— Действительно. А чем занимается экипаж этой ракеты?

— Ясное дело, оргиями и убийствами, в пропорции два к одному. Это соотношение, как показал анализ общественного мнения, гарантирует наибольший тираж.

— А детектив на ракете есть?

— Конечно. Это некий пожилой, флегматичный, любящий цветы электронный мозг.

— А те, другие повести, о которых вы изволили упомянуть?

— Одна построена на отечественной тематике. Это

история создания первого польского искусственного спутника, связанная с солидной взяточной аферой, благодаря которой некий тип в порядке личной инициативы оборудует на этом спутнике тайный дом свиданий.

— Правильно ли я расслышал?

— Не знаю. Прочистите уши. На спутнике должны были оборудовать атомную лабораторию, но этот тип подмазал заказчиков, и там произвели некоторые перестройки, так, чтобы через спектрографы Астона можно было рассматривать порнографические снимки; автоматическую аппаратуру переделали на обслуживающие эротические роботы, а о том, что происходило в атомном реакторе, вы уж прочтете сами, когда повесть выйдет... Есть там и другие линии. Оперативная группа Министерства торговли направляется на Луну под предлогом открытия филиала Цепелин* для торговли по образцам, а в действительности перерабатывает лунную почву на камушки для зажигалок и имеет на этом миллионы. Постепенно Луна уменьшается, и происходят известные изменения, обнаруженные обсерваторией в Кельцах, но главный астроном не сообщает об этом, так как его заблуждали.

— Забла...

— Да. Представитель Цепелин, возвращаясь с Луны, заходит по пути на искусственный спутник на рюмочку радиоактивной и застает там собственную жену тет-а-тет с одним американским роботом, который смягчает его ярость обещанием сделать надувной спутник из резины, соответственно раскрашенный,— он будет имитировать на небе настоящую Луну. У этого робота есть любовница из высших сфер, через которую он налаживает контакт с матросами на космической линии Гдыня-Марс и совместно с ними продает всю Луну на лом. На полученную валюту они строят себе два многоквартирных спутника с удобствами (рулетка, электронный разврат и т. п.). К несчастью, муж любовницы робота из мести протыкает надувную Луну, воздух улетучивается, резина спадается и назревает скандал. Наша милиция немедленно отправляется на место происшествия, но ввиду

* Цепелкя (CPLIA) — Центральное управление кустарной и художественной промышленности.

низкого уровня моторизации она располагает только двуконной бричкой, так как мотоциклы в ремонте, а ракеты им вычеркнули из соображений экономии. На Млечном Пути кони слабеют, и приходится сделать остановку на спутнике.

— На многоквартирном?

— Нет, на том, который с домом свиданий. Один из милиционеров по ошибке попадает в атомный реактор, становится свидетелем скабрезной сцены и выбегает оттуда в величайшем возбуждении, но руководитель, этот тип с личной инициативой, объясняет ему, что именно в этом состоит расщепление ядер. Милиционер — не атомный физик, так что принимает все за чистую монету, но тут с неба падает резиновая оболочка, накрывает искусственный спутник, становится темно, в суматохе один агент кладет в следственный чемоданчик вместо зонтика спектрограф с теми самыми снимками...

— Минуточку. Простите, но... я не успеваю за полетом вашей фантазии. Немножко голова кружится... Да, мне уже лучше. Это, право, неслыханно. Вы говорили еще о третьей повести, правда?

— Да. Это молодежное произведение. Длинная история, обильно иллюстрированная, об этомком маленьком мальчике, который убивает свою семью.

— Убивает?..

— Ну да. Вы, кажется, и вправду плохо слышите? Мы объявили войну навязчивой, нудной дидактике. Применяя попеременно шоколадки с цианистым калнем, топор и дрессированную кобру...

— Простите, ради бога, но мне кажется, что о таких детях, которые убивают, уже где-то писали?

— О таких детях, может, и писали, но не о том, который стал героем моей повести. Это синтетический мальчик, с вашего разрешения.

— Синтетический?

— Да, пластмассовый, для бездетных родителей, с электромозгом, только изготовленный в порядке «левой» продукции заводом имени Новотки и есть у него небольшой дефект, из-за которого он вместо того, чтобы любить приемных родителей, убивает их. Небольшая ошибка в соединении катодных ламп, не правда ли?

— И что дальше, можно спросить?

— Можно спросить. Разоблаченный, он ищет спасения в коротком замыкании, то есть, я хотел сказать, в самоубийстве.

— Это безумно интересно. А что вы еще делаете, кроме того, что пишете эти оригинальные книжки, можно задать такой вопрос?

— Можно задать. Эпоха схематизма, дорогой мой, во время которой вьетнамские джунгли лепили из папье-маше, а атлантическое побережье снимали в Фаленице, эта эпоха, к счастью, миновала. Теперь каждый фильм снимают там, где происходит его действие. Планируется фильм о Монте Кассино — его будут снимать в Италии. Коллега Ставинский недавно написал любопытный сценарий «Касаларго» с весьма динамичным сюжетом...

— Тоже в Италии?

— Ясно, а вы что думали, в Радоме? Будут также снимать моих «Астронавтов». В связи с этим меня ждет служебная командировка...

— Ха-ха! Вы очень остроумны!

— Но это не шутка. Мы едем не на Венеру, но за границу. Установлено, что для того, чтобы найти на земном шаре место, подходящее для съемок фильма о другой планете, нам придется группой в сто восемьдесят человек, плюс соответствующее количество автомашин, объехать весь мир. Поиски продлятся около трех лет. Главными пунктами будут: Плас Пигаль в Париже, 72-я улица в Нью-Йорке, портовые районы Марселя и Копенгагена, кроме того, некоторые районы Лондона, Рима, Токно, а также Сицилия, Касабланка, Центральная Африка и Ганти.

— Ганти тоже?

— Да. Они славятся не то танцовщицами, не то ромом, сейчас не помню, но у меня это где-то записано.

— А может быть, вы скажете, что будет в Польше через десять лет?

— Вы спрашиваете меня как писателя-фантаста или как частное лицо?

— Ну... как писателя.

— Да? Гм, ну что ж, будет, я думаю, бешеный избыток автомашин, холодильников, черт знает чего еще, гигиена, неслыханный порядок, пластмассовые цветные дома, геликоптеры, автострады и все, как часы!

— А... а как частное лицо — что могли бы вы сказать?

— Я считаю, дорогой мой, что и некрасиво и нетактично публиковать содержание частных бесед, да и кому до них какое дело? Вы как-то так смотрите... наверное, устали? Действительно, мы беседовали довольно долго. Может, вы спешите, а?

Лем смеется

Станислав Лем хорошо знаком советскому читателю не только как автор философских утопий («Магелланово облако», «Астронавты») и высоких философских трагедий («Соларис», «Формула Лимфатера»), но и как блестящий сатирик и юморист. «Звездные дневники Ийона Тихого», «Стиральная трагедия», рассказы «Вторжение с Альдебарана», «Существуете ли вы, мистер Джонс?» известны каждому любителю фантастики в нашей стране.

Альманах «НФ» публикует в этом номере произведения Станислава Лема, написанные в различной тональности: ироническое «Автоинтервью», юмористическую «Сказку о цифровой машине, которая сражалась с драконом» и фантастическую телевизионную пьесу «Странный гость профессора Тарантоги».

Основной прицел «Автоинтервью» — осмеяние реакционной фантастики «массового», «серийного» типа (в первую очередь американской), где под видом научно-фантастического романа или рассказа читателям преподносится низкопробный детектив с гангстерами и грязными аферами в космосе и со всякими космическими и психологическими ужасами. Ракета-люкс, экипаж которой занимается «оргиями и убийствами в пропорции два к одному», электронный мозг, выполняющий обязанности детектива на этой ракете, синтетический мальчик-убийца, атомная лаборатория, «в порядке частной инициативы» перестроенная в дом свиданий, Луна, проданная на лом, — все это пародирует « типовые детали » фантастики такого рода. Попутно достается и тем незадачли-

Я быстро встаю, поняв тонкий намек, и, от всей души поблагодарив хозяина, бегу в редакцию, чтобы поскорей поделиться с читателями богатством впечатлений, вынесенных из столь удачного интервью.

*Перевел с польского
Е. Вайсброт*

вым фантастам, которые пытаются перенести эти готовые штампы псевдофантастики на польскую почву.

Блестящей пародией на «ужасные» кибернетические рассказы американских фантастов является и «Сказка о цифровой машине, которая сражалась с драконом».

С Лемом-драматургом наш читатель познакомится впервые. Впрочем, Лем и начал писать пьесы совсем недавно. Пьесы его написаны для телевидения. Главный герой большинства из них — профессор Тарантога — знаком нам по «Звездным дневникам». В драматургии Лема мы наблюдаем характерное, сугубо «лемовское», сочетание смелой и удивительно щедрой фантазии с подлинно современным по типу научным мышлением сверкающего, будто беззаботного юмора с глубокой философской мыслью.

Профессор Тарантога в «Странном госте» кажется поначалу чудаковатым, даже наивным и слишком уж легковерным. Его молодой секретарь, магистр Сялко, хоть звезд с неба явно не хватает, но судит о вещах как будто более здраво и трезво. Но поверхностный, обывательский здравый смысл никогда не помогал постичь истинную сущность явлений. В конце концов, если верить этому самому «здравому смыслу», то ясно будет, что Солнце вращается вокруг Земли, а не наоборот: ведь люди твердо стоят на Земле и никакого вращения не чувствуют, а Солнце на наших глазах каждый день восходит и заходит. Вот и верь после этого астрономам!

Однако что же из этого следует в данном конкретном случае? Что странный гость и вправду приходил к про-

фессору Тарантоге? Нет; так же, как не следует из этого и то, что профессор звездной зоологии Тарантога действительно живет сейчас в Польше. А вот Станислав Лем, к счастью, живет в одно время с нами — и приучает своих читателей мыслить смелее, шире. Помогает силой своего искусства ощутить, что мы живем в мире непрерывно меняющемся, раскрывающем все новые грани и перспективы. Заставляет задавать самим себе вопрос: «Что было бы, если...?» — вопрос, на котором строятся многие произведения современной научной фантастики.

Ариадна Громова

Джек Финней

О ПРОПАВШИХ БЕЗ ВЕСТИ

Рассказ

— Войдите туда, как в обычное туристское бюро,— сказал мне незнакомец в баре.— Задайте несколько обычных вопросов; заговорите о задуманной вами поездке, об отпуске, о чем-нибудь в этом роде. Потом намекните на проспект, но ни в коем случае не говорите о нем прямо: подождите, чтобы он показал его сам. А если не покажет, можете об этом забыть. Если сумеете. Потому что, значит, вы никогда не увидите его: не годитесь, вот и все. А если вы о нем спросите, он лишь взглянет на вас так, словно не знает, о чем вы говорите.

Я повторял все это про себя снова и снова, но тому, что кажется возможным ночью, за кружкой пива, нелегко поверить в сырой, дождливый день; и я чувствовал себя глупо, разыскивая среди витрин магазинов номер дома, который я хорошо запомнил. Было около полудня, была Западная 42-я улица в Нью-Йорке, было дождливо и ветрено. Как почти все вокруг меня, я шел в теплом пальто, придерживая рукой шляпу, наклонив голову навстречу косому дождю, и мир был реален и отвратителен, и все было безнадежно.

Во всяком случае, я не мог не думать: кто я такой, чтобы увидеть проспект, если он и существует? Имя? — сказал я себе, словно меня уже начали спрашивать. Меня зовут Чарли Юэлл, и работаю я кассиром в банке. Работа мне не нравится; получаю я мало и никогда не буду получать больше. В Нью-Йорке я живу больше трех лет, и друзей у меня немного. Что за чертовщина — мне же в общем нечего сказать. Я смотрю больше фильмов, чем мне хочется, слишком много читаю, и мне надоело обедать одному в ресторанах. У меня самые заурядные

способности, мысли и внешность. Вот и все; вам это подходит?

Но вот я нашел его, дом в двухсотом квартале, старое, псевдомодернистское административное здание, усталое и устаревшее,— признать это оно не хочет, а скрыть не может. В Нью-Йорке таких зданий много к западу от Пятой авеню.

Я протиснулся сквозь стеклянные двери в медной раме, вошел в маленький вестибюль, вымощенный свежепротертыми, вечно грязными плитками. Зеленые стены были неровными от заплат на старой штукатурке. В хромированной рамке висел указатель — разборные буквы из белого целлулоида на чернобархатном фоне. Там было 20 с чем-то названий, и «Акме. Туристское бюро» оказалось вторым в списке между «А-1 Мимео» и «Аякс — все для фокусников». Я нажал кнопку звонка у двери старомодного лифта с открытой решеткой; звонок прозвенел где-то далеко наверху. Последовала долгая пауза, потом что-то стукнуло, и тяжелые цепи залязгали, медленно опускаясь ко мне, а я чуть не повернулся и не убежал, — это было безумием.

Но контора бюро Акме наверху не имела ничего общего с атмосферой здания. Я открыл дверь с зеркальным стеклом и вошел. Большая чистая квадратная комната была ярко освещена флуоресцентным светом. У больших двойных окон, за конторкой, стоял человек, говоривший по телефону. Он взглянул на меня, кивнул головой, и я почувствовал, как у меня забилося сердце: он в точности соответствовал описанию.

— Да, Объединенные Воздушные Линии,— говорил он в трубку.— Отлет...— Он взглянул на листок под стеклом на конторке.— Отлет в 7.03, и я советую вам приехать минут за 40.

Стоя перед ним, я ждал, опираясь о конторку и оглядываясь; да, это был тот самый человек, и все же это было самое обыкновенное туристское бюро: большие, яркие плакаты на стенах, металлические этажерки с проспектами, печатные расписания под стеклом на конторке. Вот на что это похоже и ни на что другое, подумал я и опять почувствовал себя дураком.

— Чем могу помочь вам? — Высокий, сидящий человек за конторкой положил трубку и улыбался мне, а я вдруг начал сильно нервничать.

— Вот что...— Я выгадывал время, расстегивая пальто, потом вдруг снова взглянул на этого человека и сказал:— Я хотел бы... уйти!

«Слишком торопишься, дурень,— сказал я себе.— Не спеши!» Почти со страхом следил я, какое впечатление произвели мои слова, но этот человек даже глазом не моргнул.

— Ну, что же, мест, куда уйти, много,— вежливо заметил он, достал из стола узкий, длинный рекламный буклет и положил его передо мной. «Летите в Буэнос Айрес, в Другой Мир!»— гласили две строчки светло-зеленых букв на обложке.

Я посмотрел буклет— достаточно долго, чтобы соблюсти вежливость. Там был изображен большой серебристый самолет над ночной гаванью, луна, отразившаяся в воде, горы на заднем плане. Потом я покачал головой. Говорить я боялся, боялся, что скажу не то.

— Может быть, что-нибудь поспокойнее?— Он достал другую рекламку; толстые, старые древесные стволы, освещенные косо падающим солнцем, поднимались высоко вверх. «Девственные леса Мэна, железная дорога Бостон-Мэн».— Или вот,— он положил на стол третий буклет.— Бермуды, там сейчас хорошо.— На нем было написано: «Бермуды, Старый Свет в Новом».

Я решил рискнуть.

— Нет,— сказал я, покачав головой.— Я, собственно, ищу постоянное место. Новое место, где бы можно было поселиться и жить.— Я взглянул ему прямо в глаза.— До конца жизни.— Тут мои нервы не выдержали, и я попытался придумать себе путь к отступлению.

Но он только приятно улыбнулся и сказал:

— Думаю, что мы могли бы вам в этом помочь.— Он наклонился через конторку, облокотившись на нее и сложив ладони вместе; вся его поза говорила, что он может уделить мне сколько угодно времени.

— Чего вы ищете? Чего вы хотите?

Я перевел дыхание, потом сказал:

— Избавиться.

— От чего?

— Ну...— я замялся, так как никогда еще не выражал этого в словах.— От Нью-Йорка, пожалуй. И от городов вообще. От тревоги. И страха. И от того, о чем я читаю в газетах. От одиночества.— Теперь я уже не мог оста-

новиться: я знал, что говорю лишнее, но слова лились сами собой.— От того, что я никогда не делаю того, что мне хотелось бы, и ни от чего не получаю особенного удовольствия. От необходимости продавать свою жизнь, чтобы жить. От самой жизни — по крайней мере, от такой, какая она сейчас.— Я взглянул ему прямо в лицо и закончил тихо:— От всего мира.

Он откровенно разглядывал меня, всматриваясь в мое лицо, не притворяясь будто занят чем-нибудь другим, и я знал, что сейчас он покачает головой и скажет: «Мистер, вы бы лучше пошли к врачу». Но он не сказал этого. Он продолжал смотреть, изучая теперь мой лоб. Это был рослый человек с короткими выюшимися седоватыми волосами, с очень умным, очень ласковым морщинистым лицом; он был такой, какими должны выглядеть священники, какими должны выглядеть все отцы.

Он перевел взгляд, чтобы заглянуть мне в глаза и еще глубже; рассмотрел мой рот, подбородок, линию челюсти, и я вдруг понял, что он без всякого труда узнает обо мне многое, больше, чем знаю я сам. Вдруг он улыбнулся, положил локти на конторку, слегка поглаживая одной рукой другую.

— Любите ли вы людей? Говорите правду, потому что я узнаю, если вы что-нибудь скроете.

— Да. Но мне трудно чувствовать себя с ними свободно, быть самим собою и сдружиться с кем-нибудь.

Он серьезно кивнул, соглашаясь.

— Можете ли вы сказать, что вы — вполне порядочный человек?

— Вероятно. Я так думаю,— пожал я плечами.

— Почему?

Я криво улыбнулся; на это было трудно ответить.

— Ну, по крайней мере, когда бываю не таким, я обычно об этом жалею.

Он ухмыльнулся и подумал одну-две минуты. Потом улыбнулся — слегка просительно, словно собираясь сказать не слишком удачную шутку.

— Знаете ли,— небрежно произнес он,— к нам иногда приходят люди, которым как будто нужно почти то же, что и вам. Так что мы, просто ради забавы...

У меня дух захватило. Именно так, мне сказали, он и должен говорить, если решит, что я мог бы подойти.

— ...сочинили один проспект. Мы даже напечатали его. Просто для развлечения, понимаете ли. И для случайных клиентов, вроде вас. Так что я попрошу вас посмотреть его, если это вас интересует. Мы не хотим, чтобы это стало широко известно.

Я едва мог прошептать: «Меня интересует».

Он порывлся вниз, достал узкую, длинную книжечку, такой же формы и размеров, как и все прочие, и подтолкнул ее по стеклу ко мне.

Я взглянул, подвинул ее к себе кончиком пальца, почти боясь прикоснуться к ней. Обложка была темно-синяя, цвета ночного неба, а у верхнего края была белая надпись: «Посетите прелестную Верну!» Синяя обложка была усыпана белыми точками, звездами, а в левом нижнем углу был изображен шар, планета, наполовину окутанная облаками. Вверху справа, как раз под словом «Верна» виднелась звезда, крупнее и ярче других; от нее исходили лучи, как от звездочек на новогодней открытке. Внизу обложки была надпись: «Романтическая Верна, где жизнь такова, какой она *должна* бы быть. Стрелка рядом показывала, что нужно перевернуть страницу.

Я перевернул. Проспект был такой же, как большинство таких проспектов; там были картинки и текст, только там говорилось не о Париже, Риме или Багамских островах, а о Верне. Напечатан он был просто замечательно; картинки были как живые. Вы видели когда-нибудь цветные стереофотографии? Ну, так это было похоже на них, только лучше, гораздо лучше. На одной картинке была видна роса, сверкающая на траве, и она казалась влажной. На другой — ствол дерева словно выступал из страницы, и даже странно было чувствовать под пальцем гладкую бумагу, а не шершавость коры. Крохотные лица людей на третьей картинке только что не говорили; губы у них были живые и влажные, глаза блестели, кожа была, как настоящая; и, глядя на них, казалось невероятным, что они не шевелятся и не разговаривают.

Я рассматривал большую картинку, занимавшую верхнюю часть разворота. Это был словно снимок с вершины холма; видно было, как от самых ваших ног склон уходит далеко вниз, в долину, а потом снова поднимается по другую ее сторону. Склоны обоих холмов были

покрыты лесом, и цвет их был великолепен: целые мили величавых зеленых деревьев, и видно было, что этот лес — девственный, почти нетронутый. Далеко внизу, на дне долины, извивалась речка, она почти вся голубела, отражая небо; там и сям, где течение преграждали массивные валуны, вскипала белая пена; и снова казалось, что стоит только присмотреться получше — и увидишь, как вода бежит и блестит на солнце. На полянах возле речки виднелись домики, то бревенчатые, то кирпичные или глинобитные. Подпись под картинкой гласила кратко: «Колония».

— Интересно шутить с такими вещами, — произнес человек за конторкой, кивнув на проспект у меня в руках. — Нарушает однообразие. Привлекательное место, не правда ли?

Я мог только тупо кивнуть, снова опуская глаза на картинку, потому что она говорила гораздо больше, чем на ней было изображено. Не знаю почему, но при виде этой лесистой долины начинало казаться, что вот такой была когда-то Америка, когда была еще новинкой. И чувствовалось, что это — только часть целой страны, покрытой еще нетронутыми, неповрежденными лесами, где струятся еще незамутненные реки; что вот такую картину когда-то видели в Кентукки, в Висконсине и на старом Северо-Западе люди, последний из которых умер более ста лет назад. И казалось, что если вдохнуть этого воздуха, то он окажется слаще, чем где бы то ни было на земле за последние полтора столетия.

Под этой картиной была другая, изображавшая человек шесть или восемь на берегу, — может быть, у озера или у реки с верхней картинки. У самого берега плескались, сидя на корточках, двое детей, а на переднем плане, сидя, стоя на коленях или присев на корточки, полукругом расположились на золотистом песке взрослые. Они беседовали, некоторые курили, а у большинства были в руках чашки с кофе; солнце светило ярко, было видно, что воздух свеж и что время утреннее, тотчас после завтрака. Они улыбались; одна женщина говорила, остальные слушали. Один из мужчин приподнялся, чтобы запустить рикошетом по воде камешек.

Видно было, что они проводят на этом берегу минут двадцать после завтрака, перед тем, как идти на работу, и видно было, что все они — друзья и что они собирают-

ся здесь ежедневно. Видно было,— говорю вам, видно,— что все они любят свою работу, какова бы она ни была, что в ней нет ни спешки, ни принуждения. И что... ну, пожалуй, это и все. Просто было видно, что каждый день после завтрака эти люди проводят бесечно с полчаса, сидя и беседуя на этом удивительном берегу под утренним солнцем.

Я никогда еще не видел таких лиц, как у них. Люди на этой картинке — приятной, более или менее привычной внешности. Одни были молоды, лет по двадцать или чуть больше, другим было уже за тридцать; одному мужчине и одной женщине, казалось, было лет по пятьдесят. Но у двоих самых младших на лице не было ни морщинки, и мне пришло в голову, что они родились здесь, и что это такое место, где никто не знает ни тревог, ни страха. У старших на лбу и вокруг рта были морщины и складки, но казалось, что они не углубляются больше, словно зажившие, здоровые шрамы. И на лицах у самой старшей четы было выражение, я сказал бы, постоянного отдыха. Ни в одном лице не было ни следа злобы; эти люди были счастливы. И даже больше того, видно было, что они были счастливы, день за днем, долгие годы, что они всегда будут счастливыми и знают это.

Мне захотелось присоединиться к ним. Со дна моей души поднялось самое страстное, самое отчаянное желание быть там, на этом берегу, после завтрака, с этими людьми,— и я едва мог сдержаться. Я взглянул на человека за столом и попытался улыбнуться.

— Это... очень интересно...

— Да.— Он ответил мне улыбкой и покачал головой.— Бывает, что клиенты так заинтересовываются, так увлекаются, что не могут говорить ни о чем другом.— Он засмеялся.— Они даже хотят узнать подробности, цену, все!

Я кивнул, чтобы показать, что понимаю и соглашаюсь с ними.

— И вы, наверно, сочинили целую историю подстать вот этому? — я взглянул на проспект, который держал в руках.

— Конечно. Что вы хотели узнать?

— Вот эти люди,— тихо сказал я, прикоснувшись к

картинке, изображавшей группу на берегу.— Что они делают?

— Работают. Каждый работает.— Он достал из кармана трубку.— Они попросту живут, делая то, что им нравится. Некоторые учатся. В нашей истории говорится, что там прекрасная библиотека,— прибавил он и улыбнулся.— Некоторые занимаются сельским хозяйством, другие пишут, третьи мастерят что-нибудь. Большинство из них воспитывает детей, и — ну, словом, все делают то, чего им действительно хочется.

— А если им ничего не хочется?

Он покачал головой:— У каждого есть что-нибудь, что ему нравится делать. Просто, здесь так не хватает времени, чтобы определить это.— Он достал кисет и принялся набивать себе трубку, облокотившись на стол, серьезно глядя мне в лицо.— Жизнь там проста и спокойна. В некоторых отношениях — в хорошем смысле — она похожа на жизнь первых ваших поселений здесь, но лишена тяжелой, нудной работы, рано убивавшей человека. Там есть электричество. Есть пылесосы, стиральные машины, канализация, современные ванны, современная, очень современная медицина. Но там нет радио, телевидения, телефонов, автомобилей. Расстояния невелики, а люди живут и работают небольшими общинами. Они выращивают или выделывают все или почти все, что им нужно. Развлечения у них свои, и развлечений много, но они не покупные, ничего такого, на что нужно покупать билет. У них бывают танцы, карточные игры, свадьбы, крестины, дни рождения, праздники урожая. Есть плавание и всевозможные виды спорта. Бывают беседы, много бесед, полных смеха и шуток. Бывает много визитов, и званных обедов, и ужинов, и каждый день бывает заполнен и проходит хорошо. Там нет никакого принуждения экономического или социального и мало опасностей. Там каждый счастлив — мужчина, женщина или ребенок.— Он улыбнулся.— Разумеется, я повторяю вам текст нашей маленькой шутки,— он кивнул на проспект.

— Разумеется,— прошептал я и перевернул страницу. Подпись гласила: «Жилища в колонии», и действительно там было с десятков или больше интерьеров, вероятно, тех самых домиков, которые я видел на первой картинке или подобных им. Там были гостиные, кухни, ка-

бинеты, внутренние дворики. Во многих домах обстановка была в раннеамериканском стиле, но выглядела какой-то... скажем, подлинной, словно все эти качалки, шкафы, столы и коврики были сделаны руками самих обитателей, которые тратили на них свое время и делали их старательно и красиво. Другие жилища были современны по стилю, а в одном чувствовалось явное восточное влияние.

Но у всех была одна явственная и безошибочная общая черта. При взгляде на них чувствовалось, что эти комнаты действительно были родным очагом, настоящим домом для тех, кто в них жил. На стене одной из гостиных, над каменным камином, висела вышитая вручную надпись: «Нет места лучше, чем дома»; и в этих словах не было ничего нарочитого или смешного, они не казались старомодными, перенесенными из далекого прошлого; они были не чем иным, как простым выражением подлинного чувства и факта.

— Кто вы? — Я поднял голову от проспекта, чтобы взглянуть человеку в глаза.

Он раскуривал трубку, не торопясь, затягиваясь так, что пламя спички всасывалось в чашечку, подняв на меня глаза. — Это есть в тексте, — произнес он, — на последней странице. Мы — обитатели Верны, то есть первоначальные обитатели, — такие же люди, как и вы. На Верне есть воздух, солнце, вода и суша, как и здесь. И такая же средняя температура. Так что жизнь развивалась у нас совершенно так же, как и у вас, только немного раньше. Мы — такие же люди, как и вы; есть кое-какие анатомические различия, но незначительные. Мы читаем и любим ваших Джемса Тербера, Джона Клейтона, Рабле, Аллена Марпла, Хемингуэя, Гримма, Марка Твена, Алана Нельсона. Нам нравится ваш шоколад, которого у нас нет, и многое из вашей музыки. А вам понравилось бы многое у нас. Но наши мысли, наши высочайшие цели, направление всей нашей истории, нашего развития — все это сильно отличается от ваших. — Он улыбнулся и выпустил клуб дыма. — Забавная выдумка, не так ли?

— Да. — Я знал, что это прозвучало резко и не стал тратить время на улыбку. Я не мог сдержаться себя. — А где находится Верна?

— Много световых лет отсюда, по вашему счету.

Я почему-то вдруг рассердился.

— Довольно трудно попасть туда, не правда ли?

Он внимательно взглянул на меня, потом обернулся к окну рядом. — Идите сюда, — сказал он, и я обошел конторку, чтобы встать рядом с ним.

— Вон там, налево, — сказал он, кладя мне руку на плечо и указывая направление трубкой, — там есть два больших жилых дома, стоящие спиной к спине. У одного вход с Пятой авеню, у другого с Шестой. Видите? Они в середине квартала, от них видны только крыши.

Я кивнул, а он продолжал:

— Один человек с женой живет на четырнадцатом этаже одного из этих домов. Стена их гостиной — это задняя стена дома. У них есть друзья в другом доме, тоже на четырнадцатом этаже, и одна стена у них в гостиной — это задняя стена их дома. Иначе говоря, обе семьи живут в двух футах друг от друга, так как задние стены домов соприкасаются.

Но когда Робинсоны хотят побывать у Бреденов, они выходят из гостиной, идут к входной двери. Они идут по длинному коридору к лифту. Они спускаются на четырнадцать этажей; потом, на улицу, — они должны обойти квартал. А кварталы там длинные; в плохую погоду им иногда приходится даже брать такси. Они входят в другой дом, идут через вестибюль к лифту, поднимаются на четырнадцатый этаж, идут по коридору, звонят у двери, и, наконец, входят в гостиную своих друзей, — всего в двух футах от своей собственной.

Человек вернулся к конторке, а я — на прежнее место, напротив него.

— Я могу только сказать вам, — продолжал он, — что способ, каким путешествуют Робинсоны, подобен космическим перелетам, действительному физическому преодолению этих огромных расстояний. — Он пожал плечами. — Но если бы они могли преодолеть только эти два фута стены, не причинив вреда ни стене, ни себе, — то вот так и «путешествуем» мы. Мы не пересекаем пространств, мы оставляем их позади. — Он усмехнулся. — Вдох здесь — выдох на Верне.

Я тихо спросил:

— Вот так прибыли туда и они, эти люди на картинке? Вы взяли их отсюда?

Он кивнул.

— Но зачем?

Он пожал плечами:

— Если вы увидите, что горит дом вашего соседа, разве вы не кинетесь спасать его семью, если можете? Чтобы спасти хотя бы столько, сколько сможете?

— Да.

— Ну, вот, мы тоже.

— Вы думаете, у нас настолько плохо?

— А вы как думаете?

Я подумал о заголовках, которые я читал в газете нынче утром и каждое утро.

— Не очень хорошо.

Он просто кивнул и продолжал.

— Мы не можем взять вас всех, не можем взять даже многих. Поэтому мы выбираем некоторых.

— Давно?

— Давно. Один из нас был членом правительства при Линкольне. Но только перед самой первой мировой войной мы увидели, к чему все идет; до тех пор мы только наблюдали. Свое первое агентство мы открыли в Мехико Сити в 1913 году. Теперь у нас есть отделения во всех больших городах.

— В 1913 году...— прошептал я, что-то вспомнив.— Мехико Сити! Послушайте! Значит...

— Да.— Он улыбнулся, предвосхитив мой вопрос.— Эмброс Бирс присоединился к нам в том году или в следующем. Он прожил до 1931 года, до глубокой старости, и написал еще четыре книги.— Он перевернул обратно одну страницу и показал на один из домов на первом большом снимке.— Он жил вот здесь.

— А что вы скажете о судье Крейтере?

— Крейтере?

— Это еще одно знаменитое исчезновение,— пояснил я.— Он был судьей в Нью-Йорке и исчез несколько лет назад.

— Не знаю. У нас, помнится, был судья, и из Нью-Йорка, лет двадцать с чем-то назад, но я не припомню, как его звали.

Я наклонился к нему через конторку, лицом к лицу, очень близко, и кивнул головой.

— Мне нравится ваша шутка,— произнес я.— Очень нравится. Вероятно, даже больше, чем я могу выразить.— И добавил очень тихо:— Когда она перестанет быть шуткой?

Он пристально взгляделся в меня и ответил:

— Сейчас. Если вы хотите этого.

«Вы должны решиться сразу же,— говорил мне пожилой человек в баре на Лексингтон-авеню,— потому что другого случая у вас не будет. Я знаю; я пробовал». И вот я стоял и думал. Мне было бы жаль никогда не увидеть некоторых людей, и я только что познакомился с одной девушкой. И это был мир, в котором я родился. Потом я подумал о том, как выйду из этой комнаты, как пойду на работу, как вернусь вечером к себе. И наконец я подумал о темно-зеленой долине на картинке и о маленьком пляже под утренним солнцем...

— Я готов,— прошептал я,— если вы возьмете меня. Он вглядывался в мое лицо.

— Проверьте себя,— властно произнес он.— Будьте уверены в себе. Нам не нужен там человек, который не будет счастлив, и если у вас есть хоть какое-то малейшее сомнение, вы бы лучше...

— Я уверен,— сказал я.

Тогда этот человек выдвинул ящик конторки и достал оттуда маленький прямоугольник из желтого картона. На одной стороне его было что-то напечатано, и через него шла светло-зеленая полоска; он был похож на железнодорожный билет пригородной линии. Надпись гласила: «Действителен по утверждению для ОДНОЙ ПОЕЗДКИ НА ВЕРНУ. Передаче не подлежит. В один конец».

— Э... Сколько? — спросил я, доставая бумажник и не зная, должен ли платить.

Он взглянул на мою руку, залуценную в карман.

— Все, что у вас есть. Включая мелочь.— Он улыбнулся.— Вам она больше не понадобится, а нам пригодится на расходы. Плата за свет, за аренду и так далее.

— У меня немного...

— Неважно.— Он извлек из-под конторки тяжелый компостер, вроде тех, какие стоят в железнодорожных кассах.— Однажды мы продали билет за три тысячи

семьсот долларов. А в другой раз точно такой же билет — за шесть центов. — Он сунул билет в компостер, ударил кулаком по рычагу, потом протянул билет мне. На обороте виднелся свеженапечатанный красный прямоугольник, а в нем слова: «Действителен только на этот день» и дата. Я положил на стол две пятидолларовых бумажки, доллар и 17 центов мелочью.

— Возьмите билет с собой на базу Акме, — сказал седой человек и, наклонившись через конторку, начал рассказывать, как туда попасть.

— База Акме — крохотная щелка. Вы, наверно, видели ее: это просто маленькая витрина на одной из узких улочек западнее Бродвея. На ней не очень ясная надпись «АКМЕ». Внутри — стены и потолок, покрытые в несколько слоев старой краской, обиты какой-то штампованной жестью, как бывает в старых домах. Там стоит старая деревянная конторка и несколько потрепанных кресел из хромированной стали и искусственной красной кожи. Таких заведений в этих местах множество: маленькие театральные кассы, никому не известные автобусные станции, конторы по найму. Вы могли бы пройти мимо нее тысячи раз, не обратив внимания, а если вы живете в Нью-Йорке, то так наверняка и случилось.

Когда я вошел туда, у конторки стоял человек без пиджака, докуривая сигару и перебирая какие-то бумаги; в креслах молча ждали четыре-пять человек. Человек у конторки взглянул на меня; когда я показал билет, он кивнул мне на последний свободный стул, и я сел.

Рядом со мной сидела девушка, сложив руки на сумочке. Она была миловидная, даже хорошенькая, — вероятно, стенографистка. Напротив, у другой стены маленькой комнаты, сидел молодой негр в рабочем комбинезоне; его жена, рядом с ним, держала на коленях маленькую девочку. Был еще человек лет пятидесяти, который сидел отвернувшись от нас и глядя в окно на дождь и на прохожих. Он был хорошо одет, и на нем была дорогая серая шляпа; он походил на вице-председателя крупного банка, и я пытался догадаться, сколько стоил ему билет.

Прошло минут двадцать, а человек у конторки все перебирал свои бумаги; потом снаружи к тротуару подъехал маленький, старый автобус, и я услышал скрип ручного тормоза. Автобус был трепанный, куплен из третьих или четвертых рук и покрашен поверх старой краски в белый и красный цвет; крылья были волнистые от бесчисленных выправленных вмятин, а покрышки стерлись до того, что стали почти гладкими. На одной стенке виднелась крупная надпись красными буквами «АКМЕ», а шофер был одет в кожаную куртку и поношенную кепку, какие носят шоферы такси. Именно такие маленькие грязные автобусы часто можно увидеть здесь; в них всегда усталые, помятые молчаливые люди едут неизвестно куда.

Маленькому автобусу понадобилось почти два часа, чтобы пробиться сквозь уличное движение на юг, к оконечности Манхеттена; и все мы сидели, погрузившись каждый в молчание и в свои мысли, глядя в забрызганные дождем окна. Девочка уснула. Сквозь заплаканное стекло возле меня я видел промокших людей, столпившихся на автобусных остановках, видел, как они сердито стучат в закрытые двери переполненных машин, видел напряженные, измученные лица водителей. На 14-й улице я видел, как мчавшаяся машина окатила грязной водой из лужи человека на тротуаре, и видел, как исказилось лицо у этого человека, когда он ругался. Наш автобус часто останавливался перед красным светом, пока толпы пешеходов переходили улицу, обходя нас, пробираясь среди других ожидающих машин. Я видел сотни лиц, но ни одной улыбки.

Я задремал; потом мы оказались на черном, блестящем шоссе где-то на Лонг Айленде. Я задремал снова и проснулся в темноте, когда мы, съехав с шоссе, бултыхались по грязному проселку, и я заметил в стороне ферму с темными окнами. Потом автобус замедлил ход, колыхнулся и встал. Заскрипели ручные тормоза, мотор затих. Мы стояли около чего-то, похожего на сарай.

Это и был сарай. Шофер подошел к нему, отодвинул в сторону большую деревянную дверь, завизжавшую роликами по старому, ржавому рельсу вверх, и стоял, придерживая ее, пока мы по одному входили. Потом он отпустил ее, вошел вслед за нами, и большая дверь задвинулась от собственной тяжести. Сарай был старый,

сырой, с покосившимися стенами и запахом скота; внутри, на земляном полу, не было ничего, кроме некрашеной сосновой скамьи, и шофер указал на нее лучом своего фонарика. «Садитесь, пожалуйста,— спокойно сказал он,— приготовьте билеты». Потом он прошел вдоль ряда, пробивая каждый билет, и в движущемся луче его фонарика я на мгновение заметил на полу кучки бесчисленных картонных кружочков, таких же, какие были выбиты из наших билетов,— словно наносы желтого конфетти. Потом он снова подошел к двери, приоткрыл ее так, чтобы только можно было пройти, и на мгновение мы увидели его силуэт на фоне ночного неба. «Счастливого пути,— сказал он просто.— Сидите и ждите». Он отпустил дверь; она задвинулась, обрезав колеблющийся луч его фонаря, и через секунду мы услышали, как заработал мотор и как автобус тяжело, на малой скорости отъехал.

В темном сарае стало теперь тихо, если не считать нашего дыхания. Время шло, такая, а мне скоро захотелось непременно заговорить с соседом, кто бы он ни был. Но я не знал, что сказать, и начал чувствовать себя неловко, немного глупо, и ясно сознавать, что я попросту сижу в старом, заброшенном сарае. Секунды шли; я беспокойно задвигал ногами, ощутив вдруг, что мне холодно и сыро. И вдруг я понял — и лицо у меня залилось краской яростного гнева и сильнеешего стыда. Нас обманули! Выманили у нас деньги, воспользовавшись нашим отчаянием, стремлением поверить в невероятную, бессмысленную выдумку, а потом оставили нас тут сидеть, сколько нам заблагорассудится, пока, наконец, мы не опомнимся, как делало до нас несчетное множество других, и добираться домой кто как может. Вдруг стало невозможно понять или даже припомнить, как я мог оказаться таким легковверным; и я вскочил, кинулся сквозь темноту, спотыкаясь на неровном полу, собираясь добраться до телефона и полиции. Большая дверь сарая была тяжелее, чем я думал, но я отодвинул ее, выскочил за порог и обернулся, чтобы крикнуть остальным следовать за мной.

Вам, может быть, случалось заметить, как много можно разглядеть за краткое мгновение вспышки молнии: иногда целый пейзаж, каждая подробность которого врезывается вам в память, и вы можете мысленно ви-

деть и рассматривать его много времени спустя. Когда я обернулся к открытой двери, внутренность сарая осветилась. Сквозь каждую широкую трещину в стенах и потолке, сквозь большие пыльные окна в стене лился свет с ярко-синего, солнечного неба, а воздух, который я вдохнул, чтобы крикнуть, был самым ароматным, какой мне только приходилось вдыхать. Сквозь широкое грязное окно этого сарая я смутно — на самый краткий миг — увидел величавую глубину лесистой долины далеко внизу и выходящий по ее дну голубой от неба ручеек, и на его берегу, между двумя низкими крышами, желтое пятно залитого солнцем пляжа. Вся эта картина навсегда врезалась мне в память, но тотчас же тяжелая дверь задвинулась, хотя мои ногти отчаянно впивались в шершавое дерево, силясь остановить ее, — и я остался один в холодном, дождливом мраке.

Понадобилось четыре-пять секунд, не больше, чтобы ощупью снова отодвинуть дверь. Но на эти четыре-пять секунд я опоздал. В сарае было темно и пусто. Внутри не было ничего, кроме старой сосновой скамьи и кроме ставших видными при вспышке спички у меня в руке кучек чего-то, похожего на мокрое желтое конфетти на полу. Уже в тот момент, когда мои руки царапали дверь снаружи, я знал, что внутри никого нет; и я знал, где они теперь, знал, что они, громко смеясь от внезапного, пыльного, чудесного, удивительного и радостного восторга, спускаются в ту зеленую, лесистую долину, к дому.

Я работаю в банке и не люблю свою работу; я езжу туда и обратно в метро, читая газеты и напечатанные в них новости. Я живу в мебелированной комнате; и в старом шкафу, под пачкой моих носовых платков, хранится маленький прямоугольник из желтого картона. На одной стороне у него напечатаны слова: «Действителен по утверждению для одной поездки на Верну», а на обороте — дата. Но дата эта давно минула. И недействителен этот билет, пробитый узором мелких дырочек.

Я опять побывал в Туристском Бюро Акме. Высокий, седеющий человек шагнул мне навстречу и положил передо мной две пятидолларовых бумажки, доллар и 17 центов мелочью. «Вы забыли это на конторке, когда были здесь», — сказал он серьезно. Глядя мне прямо в глаза, он добавил холодно: «Не знаю, почему». Потом при-

шли какие-то посетители, он повернулся к ним, и мне оставалось только уйти.

*...Войдите туда, как будто это действительно обычное туристское бюро,—каким оно и кажется,—вы можете найти его в каком угодно городе. Задайте несколько обычных вопросов, говорите о задуманной вами поездке, об отпуске, о чем угодно. Потом слегка намекните на проспект, но не говорите о нем прямо. Дайте ему возможность оценить вас и предложить его самому. И если он предложит, если вы годитесь, **ЕСЛИ ВЫ СПОСОБНЫ ВЕРИТЬ**,—тогда решайтесь и стойте на своем! Потому что второго такого случая у вас никогда не будет. Я знаю это, потому что пробовал. Снова. И снова. И снова.*

*Перевела с английского
З. Бобырь*

Айзек Азимов

ПАШТЕТ ИЗ ГУСИНОЙ ПЕЧЕНКИ

Рассказ

Я не мог бы сообщить вам свое настоящее имя, даже если б и захотел; к тому же, при существующих обстоятельствах, я этого не хочу.

Я не очень-то силен как писатель, если не считать научных статей, так что пишет за меня Айзек Азимов.

Я выбрал его по нескольким соображениям. Во-первых, он биохимик и понимает, что я ему говорю, или, во всяком случае, хоть часть того, что я говорю. Во-вторых, он умеет писать; по крайней мере, довольно много его произведений напечатано, хотя, возможно, это еще ничего не значит.

Но что самое важное — он может добиться, чтобы его публиковали в научно-фантастических журналах. А это как раз то, что мне нужно, — по причинам, которые станут ясны из дальнейшего.

Я не первый, кому довелось увидеть Гусыню. Честь эта выпала на долю техасского фермера-хлопководы по имени Айен Ангус Мак-Грегор, которому Гусыня принадлежала до того, как стала казенным имуществом (имена, названия мест и даты, которые я здесь привожу, вымышлены. По ним никому из вас не удастся напасть на след. Можете и не пытаться).

Мак-Грегор разводил у себя гусей, очевидно, потому, что они поедали сорняки, не трогая хлопок. Гуси заменяли ему машины для прополки, а к тому же они не требовали горючего и еще давали ему яйца, пух и через разумные промежутки времени жареную гусятину.

Летом 1955 года он прислал в Департамент сельского хозяйства дюжину писем, в которых требовал информации о насиживании гусиных яиц. Департамент выслал ему все брошюры, которые оказались под рукой и имели хоть какое-то отношение к предмету. Но его письма становились все более и более пылкими, и в них все чаще упоминался его «друг», член конгресса, который был его земляком.

Я занялся этим постольку, поскольку работал в Департаменте сельского хозяйства. Я получил приличное агрохимическое образование и к тому же немного разбираюсь в физиологии позвоночных. (Это вам не поможет. Если вы думаете, что сумеете из этого извлечь сведения о моей личности, то вы ошибаетесь).

Так как в июле 1955 года я ездил на совещание в Сан-Антонио, мой шеф попросил меня заехать на ферму Мак-Грегора и посмотреть, что можно для него сделать. Мы — слуги общества, а кроме того, мы в конце концов получили письмо от того конгрессмена, о котором писал Мак-Грегор.

17 июля 1955 года я встретился с Гусыней.

Сначала я встретился с Мак-Грегором. Это был высокий человек, лет за пятьдесят, с морщинистым недоверчивым лицом. Я повторил всю информацию, которую ему посылали, рассказал про инкубаторы, про важность микроэлементов в питании, добавил кое-какие последние новости о витамине Е, кобаламинах и добавлении в корм антибиотиков.

Он покачал головой. Все это он пробовал, и все же из яиц ничего не выводилось. Он привлекал к сотрудничеству всех гусаков, которых только мог заполучить, но и это не помогло.

Что мне было делать? Я государственный служащий, а не архангел Гавриил. Я рассказал ему все, что мог, и если яйца все равно не насиживаются, значит, они для этого не годятся. Вот и все. Я вежливо спросил, могу ли я посмотреть его гусей, просто чтобы никто потом не сказал, будто я не сделал все, что мог. Он ответил:

— Не гусей, мистер. Это одна гусыня.

Я сказал:

— А можно посмотреть эту одну гусыню?

— Пожалуй, что нет.

— Ну, тогда я больше ничем не смогу вам помочь.

Если это всего одна гусыня, то с ней просто что-то неладно. Зачем беспокоиться из-за одной гусыни? Съешьте ее.

Я встал и протянул руку за шляпой. Он сказал: «Подождите», и я остановился. Его губы плотно сжались, глаза сощурились — он молча боролся с собой. Потом он спросил:

— Если я вам кое-что покажу, вы никому не расскажете?

Он не производил впечатления человека, способного поверить чьему-то клятвенному обещанию хранить тайну, но, похоже, он так уже отчаялся, что не видел другого выхода. Я начал:

— Если это что-то противозаконное...

— Ничего подобного, — огрызнулся он.

И тогда я пошел за ним в загон около дома, который был обнесен колючей проволокой, заперт на замок и содержал одну гусыню — Ту Самую Гусыню.

— Вот Гусыня, — сказал он.

Это было произнесено так, что ясно слышалась прописная буква.

Я уставился на нее. Это была гусыня как гусыня, ей-богу, — толстая, самодовольная и раздражительная. Я произнес «Гм» в наилучшей профессиональной манере.

Мак-Грегор сказал:

— А вот одно из ее яиц. Оно было в инкубаторе. Ничего не получается.

Он достал яйцо из обширного кармана комбинезона. Держал он его с каким-то странным напряжением.

Я нахмурился. С яйцом было что-то неладно. Оно было меньше и круглее обычных.

Мак-Грегор сказал:

— Возьмите.

Я протянул руку и взял его. Вернее, попытался взять. Я приложил в точности такое усилие, какого должно было заслуживать подобное яйцо, а оно попросту осталось лежать на месте. Пришлось взяться покрепче, и тогда я его поднял.

Теперь я понял, почему Мак-Грегор так странно держал яйцо. Оно весило больше 800 граммов. (Говоря точнее, когда мы позже взвесили яйцо, его масса оказалась равной 852,6 грамма).

Я уставился на яйцо, которое лежало у меня на руке и давило на нее, а Мак-Грегор кисло усмехнулся:

— Бросьте его,— сказал он.

Я только посмотрел на него, а он взял яйцо у меня с руки и бросил его сам.

Яйцо тяжело шлепнулось на землю. Оно не разбилось. Не разбрызгалось каплями белка и желтком. Оно просто лежало на том месте, куда упало, и часть скорлупы у него вмялась.

Я снова поднял его. Белая скорлупа раскололась в том месте, где яйцо ударилось о землю. Осколки ее отлетели, и изнутри светилось что-то тускло-желтое.

У меня задрожали руки. Непослушными пальцами я все же облупил еще немного скорлупы и уставился на это желтое.

Анализ не потребовалось. Мне подсказало сердце. Передо мной была Гусыня!

Гусыня, Которая Несла Золотые Яйца!

Вы мне не верите. Я знаю. Вы решили, что это очередная мистификация.

Очень хорошо! Я рассчитываю на то, что вы так думаете. Позже я объясню почему.

Пока что моей первой задачей было уговорить Мак-Грегора расстаться с этим золотым яйцом. Я был близок к истерике. Если бы это потребовалось, я был почти готов оглушить его и, отняв яйцо, удрать.

Я сказал:

— Я дам вам расписку. Я гарантирую оплату. Я сделаю все, что можно. Послушайте, мистер Мак-Грегор, вам от него все равно нет никакой пользы. Продать это золото вы не сможете, пока не объясните, откуда оно у вас. Хранить золото запрещено законом. А как вы сможете это объяснить? Если правительство...

— Я не хочу, чтобы правительство сунуло сюда нос,— упрямо заявил он.

Но я был вдвое упрямее. Я не отставал от него. Я молил, кричал. Я угрожал. Это продолжалось не один час.

Буквально. В конце концов я написал расписку, а он проводил меня до машины, и когда я отъехал, он стоял посреди дороги, глядя мне вслед.

Больше он этого яйца не видел. Конечно, ему была возмещена стоимость золота (656 долларов 47 центов после удержания налогов), но правительство здесь не прогадало.

Если подумать о потенциальной ценности этого яйца...

Потенциальная ценность! В этом-то и заключена вся ирония положения. Поэтому и появилась эта статья.

Мой отдел в Департаменте сельского хозяйства возглавляет Луис П. Бронстейн. (Можете не пытаться его разыскать. «П» — значит «Питтсфилд», если вам угодно получить дополнительную дезинформацию).

Мы с ним в хороших отношениях, и я чувствовал, что могу все ему объяснить, не рискуя после этого оказаться под строгим врачебным надзором. И все-таки я не стал искушать судьбу. Я взял яйцо с собой и, добравшись до самого скользкого места, просто положил его на стол между нами.

В конце концов он дотронулся до него пальцем, как будто оно было раскалено.

Я сказал:

— Поднимите его.

Ему понадобилось для этого много времени, но он все-таки поднял его, и я видел, что он сделал это, как и я, со второй попытки.

Я сказал:

— Это желтый металл, и это могла бы быть латунь, только это не латунь, потому что он не растворяется в концентрированной азотной кислоте. Я уже пробовал. Золотая там только оболочка, потому что яйцо можно сплющить под небольшим давлением. Кроме того, если бы яйцо было сплошь золотое, то оно весило бы больше 10 фунтов.

Бронстейн произнес:

— Это, должно быть, какая-то мистификация.

— Мистификация с настоящим золотом? Вспомните,— когда я впервые увидел эту штуку, она была полностью покрыта натуральной, цельной скорлупой. Кусочек скорлупы было легко исследовать. Карбонат каль-

ция. Это подделать трудно. А если мы заглянем внутрь яйца (я не хотел делать это сам, шеф) и найдем настоящее яйцо, то вопрос будет решен, потому что это подделать вообще невозможно. Конечно, дело заслуживает официального расследования.

— Но как же я пойду к начальству с этим...

Он устался на яйцо.

Но в конце концов он все-таки пошел. Почти целый день он звонил по телефону и потел. Взглянуть на яйцо пришли одна или две большие шишки Департамента.

Так начался Проект «Гусыня». Это было 20 июля 1955 года.

С самого начала я был уполномоченным по расследованию и номинально руководил им до конца, хотя дело вскоре вышло за пределы моей компетенции.

Мы начали с одного яйца. Его средний радиус составлял 35 миллиметров (длинная ось — 72 миллиметра, короткая ось — 68 миллиметров). Золотая оболочка имела толщину 2,45 миллиметра. Позже, исследовав другие яйца, мы обнаружили, что эта цифра довольно высока. Средняя толщина оболочки оказалась равна 2,1 миллиметра.

Внутри было яйцо. Оно выглядело, как яйцо, и пахло, как яйцо.

Состав яйца был подвергнут анализу. Органические компоненты были близки к норме. Белок на 9,7 процента состоял из альбумина. Желток имел нормальный набор вителлина, холестерина, фосфолипидов и каротеноидов. У нас не хватило материала, чтобы определить содержание микросоставляющих, но позже, когда в нашем распоряжении оказалось больше яиц, мы это сделали, и поскольку дело касалось содержания витаминов, коферментов, нуклеотидов, сульфгидрильных групп и тому подобного, не нашли ничего необычного.

Одно из важнейших грубых нарушений нормы, которое мы обнаружили, было поведение яйца при нагревании. Небольшая часть желтка при нагревании сварилась вкрутую почти немедленно. Мы дали кусочек такого крутого яйца мыш. Она съела его и осталась жива.

Еще кусочек отщипнул я. Этого было слишком мало, чтобы по-настоящему почувствовать вкус, но меня затошнило. Самовнушение, конечно.

Этими опытами руководил Борис В. Финли, консультант нашего Департамента с биохимического факультета Темпльского университета. По поводу варки яйца он заявил:

— Легкость, с которой белки яйца денатурируют под действием тепла, говорит о том, что они уже частично денатурированы. А если иметь в виду состав оболочки, то нужно признать ответственной за это примесь тяжелого металла.

Поэтому часть желтка была исследована на присутствие неорганических веществ, и оказалось, что он богат ионами хлораурата — одновалентными ионами, содержащими атом золота и четыре атома хлора; химическая формула их — AuCl_4 . (Символ «Au», обозначающий золото, происходит от латинского названия золота — «аурум»). Говоря, что содержание хлораурата было высоким, я имею в виду, что его было 3,2 части на тысячу или 0,32 процента. Этого достаточно, чтобы образовать нерастворимое комплексное соединение золота с белком, которое легко свертывается.

Финли сказал:

— Очевидно, это яйцо нельзя насидеть. Так же, как и любое другое подобное яйцо. Оно отравлено тяжелым металлом. Может быть, золото и красивее свинца, но для белков оно столь же ядовито.

Я мрачно добавил:

— По крайней мере, эта штука не боится гниения.

— Совершенно верно. Ни одна уважающая себя бактерия не станет жить в этом хлорно-золотоносном бульоне.

Наконец принесли спектрографический анализ золота из оболочки. Оно было практически чистое. Единственная примесь, которую удалось обнаружить, было железо в количестве до 0,23 процента. Содержание железа в желтке было тоже вдвое выше нормы. Однако тогда мы не обратили на это внимания.

Через неделю после того, как был основан Проект «Гусыня», в Техас отправилась целая экспедиция. Туда поехали пять биохимиков (тогда еще, как вы видите, главный упор делался на биохимию), три грузовика оборудования и воинское подразделение. Я, конечно, тоже поехал с ними.

Сразу по прибытии мы изолировали ферму Мак-Грегора от всего мира.

Это была, знаете, счастливая идея — принять с самого начала все меры безопасности. Рассуждали мы тогда неверно, но результат оказался удачным.

Департамент хотел, чтобы Проект «Гусыня» держали в секрете, — на первых порах просто из-за не покидавшего нас опасения, что все-таки все окажется грандиозной мистификацией, а мы не могли себе позволить такой неудачной рекламы. Если же это не мистификация, то мы хотели избежать преследования репортеров, которое наверняка было бы вызвано слухами о гусыне с золотыми яйцами.

Подлинное значение всей этой истории стало вырисовываться лишь значительно позже, спустя много времени после того, как мы приехали на ферму Мак-Грегора.

Мак-Грегор, естественно, был недоволен, что все люди и оборудование разместились у него. Он был недоволен, что Гусыню объявили казенным имуществом. Он был недоволен, что конфисковали ее яйца.

Все это ему не нравилось, но он дал свое согласие, если можно назвать согласием, когда в момент переговоров на заднем дворе вашей усадьбы собирают пулемет, а в самый разгар спора под окнами маршируют десять солдат с примкнутыми штыками.

Конечно, он получил компенсацию. Что такое деньги для правительства?

Гусыне тоже кое-что не нравилось: например, когда у нее брали кровь для анализов. Мы не решались делать это под наркозом, чтобы ненароком не нарушить ее обмена веществ, и каждый раз двоим приходилось ее держать. Вы когда-нибудь пробовали держать рассерженную гусыню?

Гусыня круглые сутки была под охраной, и если бы с ней что-то случилось, виновному грозил трибунал. Если кто из тех солдат прочтет эту статью, он может догадаться, в чем тогда было дело. И у него может хватить ума держать язык за зубами. По крайней мере, он так и сделает, если сообразит, что для него хорошо и что плохо.

Кровь Гусыни подвергали всевозможным исследованиям. Она содержала 2 части на 100 000 (0,002 процента)

хлораурата. Кровь, взятая из печеночной вены, была им еще богаче — почти 4 части на 100 000.

Финли проворчал:

— Печень.

Мы сделали рентгеновский снимок. На негативе печень выглядела, как светло-серая туманная масса, более светлая, чем окружающие органы, потому что она поглощала больше рентгеновских лучей, так как содержала больше золота. Кровеносные сосуды казались светлее, чем сама печень, а яичники были чисто белые. Сквозь них рентгеновские лучи не проходили совсем.

В этом была какая-то логика, и в первом докладе Финли изложил ее с наибольшей возможной прямоотой. Доклад содержал, в неполном пересказе, следующее:

«Хлораурат выделяется печенью в ток крови. Яичники действуют как ловушка для этого иона, который восстанавливается в них до металлического золота и отлагается в оболочке развивающегося яйца. Невосстановленный хлораурат в относительно высокой концентрации содержится в развивающемся яйце.

Почти не вызывает сомнения, что Гусыня использует этот процесс как средство избавиться от атомов золота, которые, несомненно, отравили бы ее, если бы им позволить накопиться. Выделение через посредство яичной скорлупы — вероятно, редкость в животном мире, даже уникальный случай, но нельзя отрицать, что благодаря этому Гусыня остается в живых.

Однако, к несчастью, яичники локально отравлены до такой степени, что яиц кладется мало, вероятно, не больше, чем нужно, чтобы избавиться от накапливающегося золота, и эти немногие яйца определенно нельзя насиживать».

Вот и все, что он написал, но нам, остальным, он сказал:

— Остается еще один необыкновенно трудный вопрос. Я знал, что это за вопрос. Все мы знали.

Откуда бралось золото?

На этот вопрос пока не было ответа, если не считать некоторых негативных результатов. В пище Гусыни золота не обнаружилось, поблизости не было никаких золотосодержащих камешков, которые она могла бы глотать. Ни-

где в округе в почве не было следов золота, а обыск дома и усадьбы ничего не дал. Там не было ни золотых монет, ни золотых украшений, ни золотой посуды, ни часов, ни вообще ничего золотого. Ни у кого на ферме не было даже золотых пломб в зубах.

Конечно, было обручальное кольцо миссис Мак-Грегор, но оно было всего одно за всю ее жизнь, и его она носила на пальце.

Откуда же бралось золото?

Первые намеки на ответ мы получили 16 августа 1955 года.

Альберт Невис, из Пэрдью, ввел Гусыне желудочный зонд (еще одна процедура, против которой она энергично возражала), собираясь исследовать содержимое ее пищеварительного тракта. Это были все те же обычные наши поиски внешнего источника золота.

Золото было найдено, но лишь в виде следов, и были все основания предположить, что эти следы сопровождают выделение пищеварительных соков и поэтому имеют внутреннее происхождение.

Тем не менее, обнаружилось еще кое-что — во всяком случае, отсутствие кое-чего.

Невис при мне пришел в кабинет Финли, расположенный во временной постройке, которую мы соорудили почти за одну ночь поблизости от гусятника. Он сказал:

— У Гусыни мало желчного пигмента. В содержимом двенадцатиперстной кишки его почти нет.

Финли нахмурился и произнес:

— Возможно, функции печени совершенно расстроены из-за концентрации золота. Может быть, она вовсе не выделяет желчи.

— Выделяет, — сказал Невис. — Желчные кислоты присутствуют в нормальном количестве. По крайней мере, близко к норме. Не хватает именно желчного пигмента. Я сделал анализ кала, и это подтвердилось. Желчного пигмента нет.

Здесь позвольте мне кое-что объяснить. Желчные кислоты — это вещества, которые печень выделяет в желчь, и с ней они изливаются в верхнюю часть тонкого кишечника. Эти вещества похожи на моющие средства:

они помогают превращать жиры нашей пищи (и пищи Гусыни) в эмульсию и в виде мелких капелек распределять их в водном содержимом кишечника. Такое распределение, или, если хотите, гомогенизация, облегчает переваривание жиров.

Но желчные пигменты — вещества, которых была лишена Гусыня, — это нечто совершенно другое. Печень производит их из гемоглобина — красного белка крови, переносящего кислород. И использованный гемоглобин расщепляется в печени. Отщепленная часть — гем — представляет собой кольцеобразную молекулу (ее называют порфирином) с атомом железа в центре. Печень извлекает из нее железо и запасает его для будущего употребления, а потом расщепляет и оставшуюся кольцеобразную молекулу. Этот расщепленный порфирин и образует желчный пигмент. Он окрашивается в коричневатый или зеленоватый цвет (в зависимости от дальнейших химических превращений) и выделяется в желчь.

Желчный пигмент не нужен организму. Он изливается в желчь как отброс, проходит сквозь кишечник и выделяется с экскрементами. Именно он определяет цвет экскрементов.

У Финли заблестели глаза.

Невис сказал:

— Похоже на то, что расщепление порфиринов в печени происходит не так, как полагается. Вам это не кажется?

Конечно, казалось. И мне тоже.

Всех охватило лихорадочное возбуждение. Это было первое обнаруженное у Гусыни отклонение в обмене веществ, не имевшее прямой связи с золотом!

Мы сделали биопсию печени (это значит, что из печени Гусыни был взят цилиндрический кусок ткани). Гусыне было больно, но вреда это ей не причинило. Кроме того, мы сделали новые анализы крови.

На этот раз мы выделили из крови гемоглобин, а из нашего образца печени — небольшое количество цитохромов (цитохромы — это окисляющие ферменты, которые также содержат гем). Мы выделили гем, и в кислом растворе часть его выпала в осадок в виде ярко-оранжевого вещества. К 22 августа 1955 года мы получили 5 микрограммов этого соединения.

Оранжевое вещество было подобно гему, но оно не было гемом. В геме железо может находиться в виде двухвалентного иона (Fe^{++}) или трехвалентного иона (Fe^{+++}). У оранжевого вещества, которое мы отделили от гема, с порфириновой частью молекулы все было в порядке. Но металл в центре кольца был золотом — точнее, трехвалентным ионом золота (Au^{+++}). Мы назвали это соединение «ауремом» — это попросту сокращение от слов «золотой гем».

Аурем оказался первым содержащим золото органическим соединением, когда-либо обнаруженным в природе. При обычных условиях это вызвало бы сенсацию в биохимическом мире. Но теперь это были пустяки — сущие пустяки по сравнению с новыми горизонтами, которые открывало само его существование.

Оказывалось, что печень не расщепляла гем до желчного пигмента. Вместо этого она превращала его в аурем, заменяя железо золотом. Аурем, в равновесии с хлорауратом, попадал в ток крови и переносился в яичники, где золото выделялось, а порфириновая часть молекулы удалялась посредством какого-то неизвестного еще механизма.

Дальнейшие анализы показали, что 29 процентов содержавшегося в крови Гусыни золота переносилось в составе плазмы в виде хлораурата. Остальные 71 процент содержались в красных кровяных тельцах в виде «ауремоглобина». Была сделана попытка ввести в корм Гусыни метку из радиоактивного золота, чтобы проследить за радиоактивностью плазмы крови и красных кровяных телец и узнать, с какой скоростью молекулы ауремоглобина перерабатываются в яичниках. Нам казалось, что ауремоглобин должен был удаляться гораздо медленнее, чем растворенный в плазме хлораурат.

Однако эксперимент не удался — мы вообще не уловили радиоактивности. Мы отнесли это на счет своей неопытности — никто из нас не был специалистом по изотопам. Это была большая ошибка, потому что неудача эксперимента на самом деле имела огромное значение, и, не осознав этого, мы потеряли несколько дней.

Конечно, ауремоглобин был бесполезен для переноса кислорода, но он составлял лишь около 0,1 процента от общего количества гемоглобина красных кровяных телец,

так что это не сказывалось на газообмене в организме Гусыни.

В результате вопрос о том, откуда же берется золото, оставался открытым, и первым сделал решающее предположение Невис. На совещании нашей группы вечером 25 августа 1955 года он сказал:

— А может быть, Гусыня вовсе не замещает жейезо на золото? Может быть, она превращает железо в золото?

До того, как я лично познакомился с Невисом в то лето, я знал его по публикациям (его темой была химия желчи и работа печени) и всегда считал его осторожным и здравомыслящим человеком. Пожалуй, даже слишком осторожным. Никто не мог бы подумать, что он способен сделать такое совершенно нелепое заявление.

Это свидетельствует о той атмосфере отчаяния и морального разложения, которая окружила Проект «Гусыня».

Отчаяние вызывал тот факт, что золоту взяться было просто неоткуда — буквально неоткуда. Гусыня выделяла по 38,9 грамма золота в день на протяжении многих месяцев. Золото должно было откуда-то поступать, а если это не происходило, — а этого безусловно не было — то, значит, оно должно было из чего-то вырабатываться.

Моральное разложение, которое заставило нас серьезно рассмотреть вторую возможность, объяснялось попросту тем, что перед нами была Гусыня, Которая Несла Золотые Яйца; этого нельзя было отрицать. А раз так, то все было возможно. Мы все оказались в каком-то сказочном мире и все потеряли чувство реальности.

Финли стал серьезно обсуждать такую возможность:

— В печень, — сказал он, — поступает гемоглобин, а выходит оттуда немного ауремоглобина. В золотой оболочке яиц содержится единственная примесь — железо. В желтке яиц в повышенном количестве содержатся два вещества — конечно, золото и отчасти железо. Во всем этом можно видеть какой-то ужасный, нелепый смысл. Ребята, нам нужна помощь.

Помощь нам, действительно, понадобилась. Это озна-

чало третий этап работ. Первый этап состоял из меня одного. Второй был делом отряда биохимиков. Третий, величайший и самый важный из всех, требовал участия физиков-ядерщиков.

5 сентября 1955 года из Калифорнийского университета прибыл Джон Л. Биллингс. Кое-какое оборудование он привез с собой, остальное было доставлено в течение ближайших недель. Выросли новые временные постройки. Я уже мог предвидеть, что не пройдет и года, как вокруг Гусыни образуется целый научно-исследовательский институт.

Пятого вечером Биллингс принял участие в нашем совещании. Финли ввел его в курс дела и сказал:

— С этой идеей превращения железа в золото связано великое множество серьезных проблем. Во-первых, общее количество железа в Гусыне может составлять примерно полграмма, а золота производится около 40 граммов в день.

У Биллингса оказался чистый, высокий голос. Он произнес:

— Самая трудная проблема не в этом. Железо находится в самом низу энергетической кривой, а золото — гораздо выше. Чтобы грамм железа превратить в грамм золота, нужно примерно столько же энергии, сколько дает распад грамма урана-235.

Финли пожал плечами:

— Эту проблему я оставляю вам.

Биллингс сказал:

— Дайте мне подумать.

Он не ограничился размышлениями. В частности, он взял у Гусыни свежие образцы гема, сжег их и послал получившуюся окись железа в Брукхейвен на изотопное исследование.

Когда пришел анализ, у Биллингса захватило дыхание. Он сказал:

— Здесь нет железа-56.

— А как остальные изотопы? — сразу же спросил Финли.

— Все тут, — сказал Биллингс, — в соответствующих соотношениях, но признаки железа-56 отсутствуют.

Здесь мне снова придется кое-что объяснить. Железо,

которое обычно встречается, состоит из четырех разных изотопов. Это разновидности атомов, которые различаются атомным весом. Атомы железа с атомным весом 56, или железо-56, составляют 91,6 процента всех атомов железа. Остальные атомы имеют атомные веса 54, 57 и 58.

Железо, содержавшееся в геме гусыни, состояло только из железа-54, железа-57 и железа-58. Вывод напрашивался сам собой. Железо-56 исчезало, остальные изотопы — нет; а это означало, что происходит ядерная реакция. Только ядерная реакция может затронуть один изотоп и оставить в покое остальные. Любая обычная химическая реакция должна была вовлекать в себя все изотопы в равной мере.

— Но это энергетически невозможно, — произнес Финли.

Говоря это, он хотел всего-навсего слегка съязвить по поводу первой реплики Биллингса. Мы, биохимики, хорошо знаем, что в организме идет множество реакций, требующих поступления энергии, и что проблема решается так: реакция, потребляющая энергию, сопрягается с реакцией, выделяющей энергию.

Но химические реакции выделяют или поглощают лишь немногие килокалории на граммолекулу. Ядерные же реакции выделяют или поглощают миллионы килокалорий. Значит, чтобы обеспечить энергией ядерную реакцию, нужна другая, выделяющая энергию и тоже ядерная реакция.

В течение двух дней мы не видели Биллингса.

Когда он вновь появился, то заявил:

— Послушайте! Реакция, служащая источником энергии, должна выделять ровно столько же энергии на участвующее в ней ядро, сколько требуется реакции, поглощающей энергию. Если энергии поступает хотя бы чуть меньше, то реакция не пойдет. Если ее поступает хотя бы чуть больше и если учесть астрономическое число участвующих в реакции ядер, то избыточная энергия в доли секунды превратила бы Гусыню в пар.

— Ну и что? — спросил Финли.

— Так вот, количество возможных реакций очень ограничено. Я смог найти только одну подходящую систему. Если кислород-18 превращается в железо-56, то при этом выделяется достаточно энергии, чтобы превратить желе-

зо-56 дальше в золото-197. Это похоже на катание с гор, когда тележка спускается с одной горки и тут же въезжает на другую. Придется это проверить.

— Каким образом?

— Во-первых, что если установить изотопный состав кислорода в крови Гусыни?

Кислород состоит из трех стабильных изотопов, в подавляющем большинстве — из кислорода-16. На кислород-18 приходится только один атом из 250.

Еще один анализ крови. Содержащаяся в ней вода была подвергнута перегонке в вакууме, и часть ее пошла в масс-спектрограф. Кислород-18 в ней был, но только один атом из 1300. Почти 80 процентов ожидаемого количества кислорода-18 в крови не оказалось.

Биллингс сказал:

— Это косвенное доказательство. Кислород-18 расходуется. Он постоянно поступает в организм Гусыни с кормом и водой, но он все-таки расходуется. Вырабатывается золото-197. Железо-56 является промежуточным продуктом, и так как реакция, в которой оно расходуется, проходит быстрее, чем реакция, в которой оно образуется, то оно не может достигнуть заметной концентрации, и изотопный анализ показывает его отсутствие.

Мы не были удовлетворены этим и попробовали еще один эксперимент. Целую неделю Гусыню поили водой, обогащенной кислородом-18. Выделение золота повысилось почти немедленно. К концу недели она вырабатывала 45,8 грамма, в то время как содержание кислорода-18 в тканях ее тела оставалось не выше, чем прежде.

— Сомнений нет, — произнес Биллингс. Он переломил карандаш и встал. — Эта Гусыня — живой ядерный реактор.

Очевидно, Гусыня представляла собой результат мутации.

Для мутации требовалось, кроме всего прочего, радиоактивное облучение, а это наводило на мысль о ядерных испытаниях, которые проводились в 1952—1953 годах в нескольких сотнях миль от фермы Мак-Грегора. (Если вам придет в голову, что в Техасе ядерные испытания никогда не проводились, то это просто свидетельствует

о двух вещах: во-первых, я не все вам сообщаю, а во-вторых, многого вы не знаете).

Вряд ли за всю историю атомного века когда-либо так тщательно изучался радиоактивный фон и так скрупулезно анализировались радиоактивные составляющие почвы.

Были подняты архивы. Неважно, что они оказались совершенно секретными. К этому времени Проекту «Гусыня» придавалось самое первостепенное значение, какое только было возможно.

Изучались даже метеорологические данные, чтобы проследить за поведением ветров в период испытаний.

Выяснилось два обстоятельства.

Первое. Радиоактивный фон на ферме был чуть выше нормы. Спешу добавить — не настолько, чтобы причинить какой-либо вред. Однако были данные о том, что в то время, когда родилась Гусыня, ферма была задета краем по меньшей мере двух выпадений радиоактивных осадков. Снова спешу добавить, что никакой реальной опасности они не представляли.

Второе. Гусыня — единственная из всех гусей на ферме, по сути дела, единственное из всех живых существ на ферме, которых можно было исследовать, включая людей, не обнаруживала вообще никакой радиоактивности. Подумайте только: все, что угодно, проявляет следы радиоактивности (это и имеют в виду, когда говорят о радиоактивном фоне). Но Гусыня не обнаруживала никакой радиоактивности.

В декабре 1955 года Финли представил доклад, который можно пересказать следующим образом:

«Гусыня представляет собой результат в высшей степени необычной мутации и родилась в обстановке высокой радиоактивности, которая способствовала мутациям вообще и сделала данную мутацию особенно благоприятной.

Гусыня обладает ферментативными системами, способными катализировать различные ядерные реакции. Существуют ли эти системы из одного или нескольких ферментов, неизвестно. Ничего не известно также о природе этих ферментов. Также невозможно выдвинуть никаких теоретических объяснений того, как могут ферменты катализировать ядерные реакции, поскольку последние связаны с взаимодействиями частиц, на пять порядков

более сильными, чем в обычных химических реакциях, которые обычно катализируют ферменты.

Сущность ядерного процесса состоит в превращении кислорода-18 в золото-197. Кислород-18 изобилует в окружающей среде, присутствует в значительных количествах в воде и во всех органических кормах. Золото-197 выделяется из организма через посредство яицников. Известен один промежуточный продукт реакции — железо-56, а тот факт, что в этом процессе образуется ауремоглобин, позволяет предположить, что в состав участвующего в нем фермента или ферментов входит гем в качестве активной группы.

Значительные усилия были направлены на то, чтобы оценить возможное значение этого процесса для Гусыни. Кислород-18 для нее безвреден, а удаление золота-197 представляет значительные трудности, само оно потенциально ядовито и является причиной ее бесплодия. Возможно, организм Гусыни, выделяя золото, избегал какой-то большей опасности. Такая опасность...»

Когда вы, приятель, просто читаете доклад, все это кажется вам таким спокойным и рассудительным. На самом деле я еще никогда не видел, чтобы человек был так близок к апоплексическому удару и после этого остался в живых, как это удалось Биллингсу, когда он узнал о нашем эксперименте с радиоактивным золотом, о котором я вам уже рассказывал, — когда мы не обнаружили в Гусыне радиоактивности и отбросили результаты как бессмысленные.

Он снова и снова спрашивал, как же это мы могли считать неважным исчезновение радиоактивности.

— Вы, — говорил он, — ничем не лучше того новичка-репортера, которого послали дать отчет о великосветском венчании и который, вернувшись, заявил, что писать ему не о чем, потому что жених не явился. Вы накормили Гусыню радиоактивным золотом, и оно исчезло. Мало того, вы не обнаружили в Гусыне никакой естественной радиоактивности. Никакого углерода 14. Никакого калия-40. И вы решили, что это неудача!

Мы начали кормить Гусыню радиоактивными изотопами. Сначала осторожно, но к концу января 1956 года она получала их просто в лошадиных дозах.

Гусыня оставалась нерадиоактивной.

— Все это означает не что иное, — сказал Биллингс, — как то, что этот ядерный процесс в Гусыне, катализируемый ферментами, ухитряется превращать любой нестабильный изотоп в стабильный.

— Это полезно, — заметил я.

— Полезно? Но это же изумительно! Это великолепное защитное средство от опасностей атомного века! Послушайте, при превращении кислорода-18 в золото-197 должно высвободиться восемь с чем-то позитронов на атом кислорода. Это означает восемь с чем-то гамма-лучей, как только каждый позитрон соединится с электроном. Но и гамма-лучей не наблюдается! Гусыня должна обладать способностью поглощать гамма-излучение без вреда для организма.

Мы облучили Гусыню гамма-лучами. С увеличением дозы у нее было повысилась температура, и мы в панике прекратили опыт. Но это была не лучевая болезнь, а простая лихорадка. Прошел день, температура упала, и Гусыня снова была, как новенькая.

— Вы понимаете, что это такое? — вопрошал Биллингс.

— Научное диво, — сказал Финли.

— Боже мой, неужели вы не видите здесь возможностей практического применения? Если бы мы могли выяснить механизм этого процесса и повторить его в пробирке, мы получили бы прекрасный метод уничтожения радиоактивных отходов! Самое важное, что не позволяет нам перевести всю экономику на атомную энергию, — это мысль о том, что же делать с радиоактивными изотопами, образующимися в ходе реакции. Пропустить их через бассейны с препаратами этого фермента, — и все! Стоит нам найти механизм, джентльмены, и можно не беспокоиться о радиоактивных осадках. Мы нашли бы и средство от лучевой болезни. Стоит слегка изменить механизм, и Гусыня сможет выделять любой нужный нам элемент. Как насчет яичной скорлупы из урана-235? Механизм! Механизм!

Он, конечно, мог кричать «Механизм!» сколько угодно. Толку от этого не было.

Все мы сидели сложа руки и уставившись на Гусыню.

Если бы яйца хоть насиживались. Если бы мы могли получить выводок гусей — ядерных реакторов...

— Это должно было случаться и раньше, — сказал Финли. — Легенды о таких гусынях должны были на чем-то основываться.

— Может быть, подождем? — предложил Биллингс.

Если бы у нас было стадо таких гусей, мы могли бы разобрать несколько штук на части. Мы могли бы изучить их яичники. Мы могли бы взять срезы тканей и их гомогенаты.

Из этого могло бы и ничего не выйти. Ткани биопсии печени не реагировали на кислород-18, в какие бы условия мы их не помещали.

Но мы могли извлечь печень целиком. Мы могли исследовать неповрежденных зародышей, проследить, как у зародыша развивается этот механизм.

Но у нас была только одна Гусыня, и ничего подобного сделать мы не могли.

Мы не осмеливались зарезать Гусыню, Которая Несла Золотые Яйца.

Тайна была заключена в печени этой толстой Гусыни.

Печень толстой Гусыни! Паштет из гусиной печенки! Для нас это было не просто вкусное блюдо.

Невис произнес задумчиво:

— Нужна идея. Какой-нибудь радикальный выход из положения. Какая-нибудь решающая мысль.

— Легко сказать, — уныло сказал Биллингс.

Сделав жалкую попытку пошутить, я предложил:

— Может быть, дать объявление в газетах...

И тут мне пришла в голову идея.

— Научная фантастика, — заявил я.

— Что? — переспросил Финли.

— Послушайте, научно-фантастические журналы печатают статьи-мистификации. Читатели воспринимают их как шутку, но их это заинтересовывает.

Я рассказал об одной такой статье, которую написал Азимов и которую я когда-то читал.

Это было встречено с холодным неодобрением.

— Мы даже не нарушим секретности, — продолжал я, — потому что этому никто не поверит.

Я рассказал им, как в 1944 году Клив Картмилл написал рассказ об атомной бомбе на год раньше, чем было пужно, и как ФБР посмотрело на это сквозь пальцы.

Они уставились на меня.

— А у читателей научной фантастики бывают идеи. Не надо их недооценивать. Даже если они сочтут это мистификацией, они напишут издателю и выскажут ему свое мнение. И если у нас нет своих идей, если мы зашли в тупик, то что мы теряем?

Их все еще не проняло.

Тогда я сказал:

— А знаете, Гусыня не будет жить вечно...

Это подействовало.

Нам пришлось уговорить Вашингтон; потом я связался с Джоном Кемпбеллом, издателем научной фантастики, а он связался с Азимовым.

И вот статья написана. Я ее прочел, одобрил и прошу вас всех ей не верить. Пожалуйста.

Но только...

Нет ли у вас какой-нибудь идеи?

*Перевел с английского
А. Иорданский*

АЛМАНАХ

НАУЧНОЙ

ФАНТАСТИКИ

СОДЕРЖАНИЕ

А. ДНЕПРОВ	
Голубое зарево	3
Е. ВОЙСКУНСКИЙ,	
И. ЛУКОДЬЯНОВ	
Трое в горах	150
И. ВАРШАВСКИЙ	
Гомункулус	201
Перпетуум мобиле	207
ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА	
С. ЛЕМ	
Станный гость профессора Таран- тоги	213
Сказка о цифровой машине, кото- рая сражалась с драконом	243
Автоинтервью	250
А. ГРОМОВА	
Лем смеется	254
Д. ФИННЕЙ	
О пропавших без вести	257
А. АЗИМОВ	
Паштет из гусиной печени	274

Редактор Г. МАЛИНИНА
Художник Л. ЗОБЕРН
Художественный редактор Л. МОРОЗОВА
Технический редактор Л. АТРОЩЕНКО
Корректоры В. НИКИТИНА, Н. МЕЛЕШКИНА,
Е. КОВАЛЕВСКАЯ

Сдано в набор 16/X 1964 г. Подписано к печати
15/III 1965 г. Изд. № 104. Формат бум.
84X108^{2/32}. Бум. л. 4,625. Печ. л. 9,25. Условия
печ. л. 15,17. Уч.-изд. л. 15,16. А01046.
Цена 61 коп. Тираж 215000.
Заказ № 1992

Опубликовано: Темплан 1964 г. № 27.

Издательство «Знание».
Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Главполиграфпрома Государственного комитета
Совета Министров СССР по печати.
Москва, Ж-54, Валуевская, 28.

61 коп.

